

АНАТОЛИЙ РЕЗАНОВИЧ

Полынь-вода

Анатолий Резанович

Полынь-вода

«Издательские решения»

Резанович А.

Полынь-вода / А. Резанович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934775-6

«Полынь-вода» — роман-хроника Анатолия Резановича из трех книг. Это произведение начинается с паводка на Полесье. Через своих героев, главный из которых — Алексей Жилевский, автор показывает жизнь в СССР, развал этого государства, желание людей жить по-новому. Любовь и ненависть, победы и поражения, добро и зло, бедность и богатство — постоянные спутники героев романа-хроники «Полынь-вода». Клубок противоречий раскручивается и раскрывается то, что не хлебом единым жив человек.

ISBN 978-5-44-934775-6

© Резанович А.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	29
Глава третья	52
Глава четвертая	73
Глава пятая	93
Глава шестая	107
Глава седьмая	130
Глава восьмая	148
Глава девятая	159
Глава десятая	169
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Полынь-вода

Анатолий Резанович

© Анатолий Резанович, 2018

ISBN 978-5-4493-4775-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая Треснувший лед

*Опять я подумал о родине,
Где стынет в росе лебеда,
Где в старой замшелой колодине
С утра холодеет звезда.*

*Там черные тени в дубраве
И белый над берегом сад.
И можно не думать о славе
И слушать, как листья летят...*

*Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно,
Бессмертна ли наша душа.*

Анатолий Жигулин

Глава первая

I

Весенняя ночь 1979 года забормотала талыми водами. Лед на реке Чаква, что разделила полесское село Рубеж на две части, заметно поднялся. Вешние воды вышли из берегов и поползли в огороды, дворы, на улицы...

Почуввав недоброе, тревожно заскулили собаки, завизжал чей-то поросенок. Но вскоре все стихло: село спало. На него равнодушно и молчаливо тарачился черный ворон, который сидел неподвижно, точно чучело, на высоком кресте церкви – дурное, говорят старики, предзнаменование. Видела бы это кощунство бабка Ева, горбатая, высохшая старуха, которая славилась в округе тем, что лечила детей от испуга, протягивая их через хомут, она бы непременно разнесла поутру: «Ворон опаскудил святой крест – быть беде!» И бабка оказалась бы права: вода шла большая и грозная. Она жадно пожирала сушу, толстела и разрасталась...

На буйство паводка хмуρο глядело небо. Разгулялся ветер. Рванув тучи за бока, он дал волю короткому, но сильному дождю. Едва ливень закончился, как село погрузилось в туман. Его растрепанные космы ложились на воду, белили грязный, изъеденный оттепелью лед. Время от времени он глухо трещал, а под утро издал тихий, протяжный вздох. С этим вздохом вся тяжелая масса льда колыхнулась. От ее слабеющих краев начали откалываться первые льдины. Одна из них, огромная, с острым концом, медленно развернулась и поплыла в сторону парома. Вытянутый на берег перед наводнением, он опять держался на плаву. Лыдина со скрежетом задела баржу парома, навалилась на стоящий у самой реки забор, подмяла его и поползла в огород, к широкому, приземистому, крытому черепицей дому. Через минуту-другую в его окнах вспыхнул свет. На крыльцо вышла хозяйка – Надежда Казимировна Жилевская, худощавая женщина средних лет. Звали ее в деревне просто – Надя. По-уличному – Городчанка. Вглядевшись в едва разреженную светом темень, женщина испуганно вскрикнула: лыдина медленно приближалась к дому. Точно замороженная, Надежда Казимировна глядела на эту страшную в своей силе массу льда. Тяжелая лыдина снесла бы дом, но путь ей преградили старые вербы. Обдирая их кору, лыдина вздыбилась. Пространство, которое образовалось между лыдиной и водой, было похоже в темноте на огромную уродливую пасть огромного речного чудовища.

– Господи, – перекрестилась женщина, – что же это делается?..

Переведя дыхание, она торопливо пошла в дом, разбудила тяжело храпевшего мужа:

– Вставай, Степан, вода...

Заглянула в комнату дочек – Юля и Люба спали.

Хотела поднять сына, но его не было. На аккуратно заправленной кровати чинно стояли подушки, да одиноко белела на столе раскрытая книга. «Где же Алексей?» – забеспокоилась мать. Она накинула телогрейку и опять вышла на крыльцо.

Лыдина все еще стояла возле верб. Ее угрюмо и настороженно обходила вода, лизала фундамент дома. Тянуло холодом и сыростью. Поднимая платье, женщина побрела к калитке, с трудом открыла ее – мешали куски льда – и долго вглядывалась в пустынную, залитую водой прибрежную улицу. В конце ее и дальше колыхалась тьма.

«Где же Алексей? – опять задалась тревожным вопросом Надежда Казимировна. – Сердце у нее дрогнуло, заныло. – Хоть бы чего не случилось».

Она зачерпнула ладонью воды, освежила ею лицо.

«Ледяная...»

Вода под резким порывом ветра ошетилилась и резко ударила женщину по резиновым сапогам, норовя подняться выше. Надежда Казимировна испуганно попятилась назад, к дому.

II

Сквозь сон старый Евсей услышал, как заскулил, а потом начал выть во дворе собака. Этот вой разбудил старика. Евсей привстал на кровати, прислушался. Во дворе что-то стукнуло. Старик нервно вздрогнул, подозрительно оглядел комнату – никого. Тяжело опустив свое костлявое тело на грязную постель, натянул на голову одеяло. Лежал так долго, пока не уснул. Но сон не принес ему отдыха: привиделось старику страшное...

Стоит он на берегу реки и смотрит на прибывающую воду. Вдруг замечает на ней жирное красноватое пятно. Внимательно вглядывается и застывает: это пятно – отражение его лица. Оно расплывается, уродливо морщится, становится темно-багровым, жутким...

– Это я? – холодея от страха, спрашивает Евсей.

– Ты-ы! – гулко отвечает кто-то невидимый.

– Чего все красное?

– Это кро-о-вь!..

Немеет от ужаса Евсей: рот открывает, а слова сказать не может. Хочет убежать – ноги не слушаются. Закрывает глаза, но все равно видит свое кровавое лицо, по которому замедленно катят волны. Катят без шума, без звука, без жизни...

Река все полнеет, как и пятно, становится темно-багровой. Посередине ее то появляется, то исчезает что-то белое.

Напрягая зрение, Евсей видит в воде ребенка, Он плачет, захлебывается, тонет. И опять всплывает, тянет свои ручонки к Евсею. И кричит: жалобно, страшно...

Надрывный плачущий голос долго и безжалостно рвет душу Евсея. А потом все куда-то пропадает и наступает тишина, как на старом заброшенном кладбище. Эта тишина, кажется, тянется бесконечно. Она давит на виски, сжимает сердце. Становится жарко, невыносимо жарко. Дышать все труднее. Евсей пытается кричать, но вместо крика изнутри у него вырывается затяжной хриплый кашель...

Этот кашель разбудил Евсея. Не соображая, где он и что с ним, старик устался в темный низкий потолок. Наконец, сознание стало возвращаться. Евсей с трудом поднялся, провел дрожащей рукой по широкой лысине, выпил кружку холодной воды и поплелся во двор – на свежий воздух.

Едва он вышел на крыльцо, как рослая худая овчарка, которая бегала по двору, остановилась, настороженно оскалилась. Евсей, не обращая на нее внимания, обвел воспаленным взглядом огород, на котором виднелись пчелиные ульи, устало вытер со лба пот и присел на стоящую у крыльца лавку: тело его била нервная дрожь.

– Не дай, Боже, помереть, – вспоминая страшный сон, прохрипел старик. – Не дай...

Поселя Евсея была в конце села, на бывшем болоте. Оно высохло, когда отгородили его от реки дамбой. Долгое время тут никто не селился. Евсей, вернувшись из тюрьмы, где отбывал срок за службу в фашистской полиции, первым на высохшем болоте поставил деревянный, неказистый дом. Жены у Евсея не было, детей тоже. В колхозе он не работал. Жил в основном с пасеки, выгодно продавая мед на районном базаре. Дружбы при этом ни с кем не заводил. Люди вечно угрюмого старика побаивались, сторонились, за глаза называли: «Немец».

Не хотели знать Евсея за темное прошлое и местные власти. Они долго не приписывали его дом ни к селу Рубеж, ни к соседней деревне Заболотье, между которыми клинилось бывшее болото. В конце концов, решили: раз Евсей в колхозе не работает, то он, значит, единоличник, а его хозяйство – дом, подворье и огород – хуторское, обособленное и в перспективе подлежит сносу. Другими словами, ничего и нигде регистрировать не надо. Вроде хозяйство есть, а вроде его и нет.

К удивлению властей, их решение Евсею понравилось – сам себе хозяин, а потому спросу никакого. Правда, иногда на местные власти он злился, обзывая их одними и теми словами: «Ссучились, комуняки!..» Эти слова были любимыми у Евсея.

На лавке он сидел долго, пока не почувствовал, что замерзает. Съежившись, собрался было идти в дом, как услышал чей-то разговор, вернее, обрывки фраз: «Вчера из Минска... Да... На работу? Через неделю...» Старик настороженно стал прислушиваться. Голоса были тихие. Это успокоило его. Он встал, стараясь ничем не выдать себя, подошел к забору, глянул в щель: стоят двое. Узнал Галю – дочку Николая Поликарповича и Ольги Андреевны Филановичей, по-уличному – Микулы, и Алексея – сына Городчанки и ее мужа Степана Федоровича Жилевского, прозванного после того, как попал в страшную аварию, сбив своим грузовиком толстенное дерево, Жильцом – производным словом и от фамилии, и от того, что выжил.

Евсей неприязненно подумал: «Снюхались, места другого не нашли». Тихо отошел, потоптался, кашлянул в кулак. За забором притихли. Старик зашаркал к калитке, открыл, сухо выдал:

– Кто тут, не узнаю...

Парень промолчал, девушка смущенно улыбнулась, откинула назад свои густые темные волосы, спросила:

– Вы чего не спите?

Евсей ухмыльнулся:

– Не спится, милая, не спится...

Он уставился на Алексея. Парень отвел взгляд, взял под руку девушку.

– Пошли отсюда.

Они ушли.

«Вот оно, чужое семя... – Глядя на рослую, плечистую фигуру парня, старик зло плюнул и поплелся в дом. – Ни здравствуй тебе, ни до свидания...» На пороге он повернулся, еще раз оглядел двор, огород и лишь тогда захлопнул за собой ржаво скрипнувшую в ночной тишине дверь.

III

Алексей и Галя шли по центральной улице села к дому Микулов, что стоял напротив церкви. Под ногами было мокро, тянуло сыростью. В темных, прихваченных по краям ледком лужах, поблескивали редкие звезды.

– Ты чего не поделил с дедом Евсеем? – шутливо спросила Галя.

– А чего мне с ним делить, – хмуро ответил Алексей, останавливаясь возле старого тополя. – Он для меня никто.

Помолчав, добавил:

– Мой дед Федор говорил, что Евсей в войну людей наших убивал.

– Тоже скажешь. – Галя зябко поежилась. – Я сама знаю, что Евсей был полицаем. Но чтобы людей убивал... Как он мог, такой тихий, слабый...

– Не знаю, он мне об этом не рассказывал.

– Не шути.

– Я не шучу. Думаешь, Евсей просто так один живет? Нагадил он сильно людям, наследил по-черному, а теперь никому не нужен. Может, даже себе. Не живет, а существует, что крот в норе.

– Существует?

– Именно.

– Если это правда, то страшно.

– Страшно. В этом ты права. Не представляю, как быть все время одному.

– В старости многие одни.

– Это не тот случай. Ладно, пошли...

– Подожди, – Галя взяла Алексея за руку, сжала в своих мягких теплых ладонях. – Зла в тебе много. Не надо таким быть, не надо. Евсей получил свое – отсидел.

– Ты его не защищай.

– Я не защищаю, я о тебе, пойми...

Вернувшись из армии, Алексей, встречаясь с Галей, стал открывать ее для себя по-новому. Это была уже не та восьмиклассница Галя-Галочка-Галина, которую он так, десятиклассник, про себя называл, а потом пригласил на школьном вечере на танец, после чего, не зная о чем с ней говорить, молчаливо провожал домой. За это время Галя окончила Пинское педагогическое училище и теперь работала учительницей в Долинской средней школе. Что-то неуловимо-женственное, не терпящее грубости, сквозило в неторопливых и притягивающих Галиных движениях, жестах, улыбке. В разговорах появилась сдержанность и рассудительность. И лишь большие карие глаза под выразительными стрелками смолисто-черных бровей остались прежними – доверчивыми и добрыми.

– Обо мне так не думай, – жалея, что завязал этот разговор, проронил Алексей. – Злости у меня нет. Вернее, почти нет. – Он обнял Галю. – Лучше давай не будем об этом. Хорошо?

– Как хочешь.

Девушка податливо прижалась к парню.

– Ты не замерзла?

– Чуть.

– Только чуть?

– Да.

Алексей ласково провел рукой по пышным и душистым волосам Гали,дохнул в ее лицо горячим теплом. Закрыв глаза, она откинула голову назад и счастливо разжала влажные сочные губы...

Алексей и Галя еще долго стояли под разлапистым тополем, потом прошли по улице, которая одним концом врезалась в дорогу, ведущую в районный центр Долин, а другим обходила край бывшего болота и заканчивалась в Заболотье.

Голоса парня и девушки то умолкали, то слышались снова.

Прощались Алексей и Галя уже под утро, когда на светлеющем небе спокойно и тихо таяла луна, а перед близившимся новым весенним днем высокие деревья, дом Микулов, щербатый забор, церковь и все, что было вокруг, казалось, тонули в теплом, свежем и полупрозрачном сырое.

IV

А вода все прибывала.

В мутном рассвете послышались тревожные голоса людей, звяканье ведер, стук топора. Село просыпалось.

Дед Федор, в зимней шапке, телогрейке, резиновых рыбацких сапогах, которые гармошкой сидели на его длинных и худых ногах, собирал принесенные паводком во двор поленья, щепки, носил их в дощанку. Бабка Вера доила корову.

– Стой, Лысуха, стой, говорю! – поминутно покрикивала старуха, хмуря свое круглое, добродушное лицо.

Корова беспокойно переступала с ноги на ногу, поднимала голову и тревожно втягивала сырой, смешанный с запахом навоза воздух. «Чувствует беду» – думал старик, поглядывая на корову. Собрав дрова, он решил сходить к сыну с невесткой.

– Я до Степана, – предупредил старуху.

И пошел через залитый огород к дому сына.

Надежда Казимировна, невестка деда Федора, полночи не спала – ждала Алексея. Поднялась позже обычного. Быстро оделась, затопила печь. Окинув ее взглядом, подумала: «Побелить надо – потемнела совсем». И, словно стыдясь своей нерасторопности, глянула на мужа. Степан Федорович, наваливаясь на стол широкой грудью, вяло хлебал вчерашние щи.

– Может, я подогрею? – заботливо спросила Надежда Казимировна.

– Не надо, – отказался Степан Федорович, смахивая со лба клочок волос, неровно и размазано белеющих, точно на них сыпанули мукой. – Ты сама ела?

– Успею, – обронила Надежда Казимировна. – Вода все залила, торопиться некуда.

Степан Федорович на это ничего не сказал, только вздохнул.

«Не меньше недели вода стоять будет...»

Доев, он положил ложку на длинный стол, застеленный цветастой клеенкой, и устался в светлеющее окно. За ним с трудом удерживала на себе холодный и тяжелый лед река.

«Терпеливая, – подумалось Степану Федоровичу, – что Надя...»

Это сравнение было невольным, но близким к правде.

В Рубеж привез Степан Надежду из деревни Городец. Он работал в колхозе шофером и по весне, когда разливалась вода, был вынужден в районный центр Долин и из него ехать не напрямую, через Бережновку, а в объезд – через Ольпенск, Городок, Городец... В одну из таких поездок Степан и Надежда познакомились, а потом между ними полыхнуло любовью, опалив обоих. Степан не стал медлить и заслал к родителям Надежды сватов. Сговорились сразу – чего время тянуть. После этого сыграли свадьбу. Работящая Надежда пришлась по душе свекру и свекрови. Вскоре родился сын. Назвали Алексеем. Через год произошло еще одно радостное событие – переселились в свой дом, который построили ближе к реке, на широком огороде родителей – старших Жилевских. Когда более-менее обустроились, счастливая Надежда, забеременев, разродилась девочкой, которой дали редкое в Рубеже и красивое имя – Юля. Спустя три года появилась на свет Люба. И тут нежданно-негаданно случилась беда, о которой и подумать никто не мог...

Степан, опытный к тому времени шофер, вез на стройку кирпич. Неожиданно на дороге, мокрую после дождя, выбежали малолетние дети. Степан начал тормозить, но груженная машина по инерции неслась вперед. Ничего не оставалось, как свернуть грузовик с дороги, что Степан и сделал. Вся сила удара пришлась на него. Старый и уже к счастью трухлявый тополь оказался под колесами грузовика, а Степана, с разбитой головой и грудью, в крови, тут же увезли в больницу. Заключение врачей прозвучало как приговор: черепно-мозговая травма, перелом ребер и позвонков.

В районной больнице Надежда смотрела на мужа и не узнавала: посиневшие губы, заострившийся нос, неестественно бледный лоб.

– Степан, – тяжелея, позвала она его и упала без сознания...

– Он в коме, – услышала Надежда, приходя в себя, чей-то голос. Это был врач. – Будем надеяться на лучшее.

После больницы Степан больше года не вставал с постели – лежал дома. Все думали, что не выживет, помрет. А если и останется жить, то калекой.

Так думала и Надежда.

Как-то пришла она со двора в дом и увидела, что Лешка – было ему тогда лет семь или восемь – сидит возле отца и что-то тихо говорит ему. Надежда прислушалась.

– Ты не умирай, – выговаривал сын, положив обе руки на кровать – лежбище Степана. – Я без тебя не смогу жить. И мамка не сможет. И Юля с Любой. Они малые, испугаются, будут плакать...

Надежда почувствовала, что горло ее забивает горечь. На глаза тут же навернулись слезы. А сын, не замечая ее, просит:

– Не умирай, я прошу...

– Лешка! – бросилась к нему страдающая от неожиданного горя молодая мать.

Схватила на руки, обняла.

– Ты не бойся, – прижался Алексей к ней. – Если батько помрет, я женюсь на тебе. Вырасту и женюсь...

Надя надолго замкнулась в себе. Только и радости, что дети. Чтобы накормить их, одеть и обусть не хуже других, весну, лету и осень работала в колхозе: обрабатывала участки бульбы, бураков, убирала лен, гребла сено... Мало ли в сельском хозяйстве дел и забот. Только успевай управляться. Деньги в колхозе небольшие, но на скромную жизнь хватает. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Зимой же, когда свободного времени было много, Надежда ткала, вышивала, шила.

В нехитрой, каждодневной работе помалу оттаивала душой. Благо, помогали свекровь со свекром. Степан – их единственный сын. После страшной аварии Надежда для свекра и свекрови стала как родная дочка, помогали, чем могли. Особенно привязались к внукам.

Степан, Бог дал, пошел, наконец, на поправку, хотя авария на его здоровье оставила заметный след – если брался за работу, то быстро уставал, потел. Бывало так, как будто не на свежем воздухе был, а из парной выходил. И все же жизнь в семье Жилевских пошла легче и веселее – какой-никакой, а опять появился в доме хозяин...

Дети росли здоровыми, послушными. Алексей пошел в отца. Такой же высокий, крепкий, с разлетом черных бровей, выдающих его беспокойный характер. Юля же, казалось, все забрала у матери: и выразительные зеленые глаза, и белозубую улыбку с ямочками на щеках, и тяжелую темно-русую косу. Да и сердцем она мягкая, уступчивая. Люба, младшая из детей, была похожа на Юлю, а вот характером напоминала Алексея. Если что не по ней – надуется и молчит. Только в больших сероватых глазах скачет колючий огонек, готовый в мгновение превратиться в пламя и обжечь.

Думая о детях, Надежда Казимировна повеселела. Ее обветренное, уже вбирившее в себя паутину морщинок лицо посветлело.

Юля заканчивает восьмой класс, будет поступать в Долинский районный сельскохозяйственный техникум – хочет работать в родном селе. За нее сердце спокойно. Люба учиться пока еще только в пятом классе, а потому о ней все думы впереди. А вот за сына тревожно: пришел из армии, погостил месяц и уехал в Минск. Пошел работать на завод, поступил в университет. На вечернее отделение. Навсегда в городе хочет остаться.

«В батьку пошел, – невесело подумала Надежда Казимировна, – упрямый... Хотя, может, это и хорошо: если бы не упрямство, вряд ли бы Степан выкарабкался, а так – не совсем здоровый, но все же помощь семье от него большая. Вот бы и Алексей в своем селе жил...»

Теплилась в сердце Надежды Казимировны надежда, что сын все же вернется в родной дом. Вон как зачистил к дочке Микулов. Может, и выйдет у них дело к свадьбе. Дай-то Бог...

Мысли Надежды Казимировны перебило заигравшее вдруг радио. Она убавила громкость, глянула на часы – шесть. Степан уже был на ногах. Одетый в телогрейку, он вышел во двор, озадаченно поглядел вокруг и побрел за хлев – к затопленному погребу.

На дворе уже светало. Сквозь запотевшее окно Надежда Казимировна увидела свекра. Дед Федор хотел было подойти к поваленному льдиной забору, но едва набежавшая волна хлестнула его по резиновым сапогам выше колен, вернулся, зашаркал на крыльце, вытирая ноги...

– Добрый день.

– Здравствуйте.

– Не затопила вода?

– Пока в доме сухо.

– Степан где?

– На дворе, пошел к погребу, там все плавает.

Надежда Казимировна обреченно развела руками, точно в разливе воды была виновата сама.

– Нечему там плавать, – строго сказал старик. – Все под водой. – Он присел, привычно подкрутил свои вислые льняные усы. – Алексей спит?

– Спит. Под утро пришел.

– Баловство, держи хлопца в руках.

Надежда Казимировна промолчала: свекор не любил, чтобы ему перечили. Поговорив о домашнем хозяйстве, старик поднялся.

– Ну, пойду. Скажи Алексею, что завтра в лес поедем. За дровами. Пускай лодочный мотор проверит, бензину в бачок зальет...

Когда свекор ушел, Надежда Казимировна заглянула в спальню. Люба, приоткрыв пухлый рот, еще видела сны, а Юля уже не спала, лежала с открытыми глазами.

– Ты чего проснулась? – ласково спросила мать.

– Вставать буду.

– Спи, рано еще...

Надежда Казимировна приоткрыла дверь в комнату Алексея. Поджав ноги, сын сопел в подушку. Она заботливо поправила съехавшее одеяло и пошла доить корову.

Вдоль реки, сразу за поваленным льдиной забором, сновали лодки, шныряли гусиные флотилии. В затопленном дворе соседа надрывно ревел лодочный мотор. Хозяин его, ладно сбитый, краснощекий Максим выливал из лодки воду. За ним испуганно наблюдал рыжий котенок, который сидел на крыльце у двери и ждал, когда ее кто-нибудь откроет, чтобы прошмыгнуть в теплые сени.

V

На берег реки, выбирая места повыше и посуше, сходил народ: с часу на час ожидался ледоход. Мужчины и женщины, старики и старухи, дети. Кругом шум, гам, точно на базаре.

– А слышала, как ночью коровы ревели? – спрашивала остроногая Мария Филанович у Варвары Котко, тяжелой, грудастой бабы, которая без перерыва лускала семечки.

– Как не слышать, – выплевывая шелуху, бasila Варвара, – считай, всю ночь не спала.

– Животина все слышит...

– До войны, помню, точно такая вода была, – рассказывал стоящим рядом подросткам горбоносый Семен Машлякевич, щуря свои веселые с хитринкой глаза. – Высоко поднялась. В хату пришла. Мои покойные батько и мать добро спасают, а мы, дети, на печке сидим. А страх...

– И чего мой «Вихрь» забарахлил, – то ли удивлялся, то ли возмущался Илья Еремеев, прозванный в деревне за бойкий язык и шумные попойки Дуромеем, – недавно ж купил.

Мужчины, окружив полукругом невзрачного Илью, подкалывали:

– А ты его самогоном заправь, он у тебя сразу барахлить перестанет.

– Женок своих самогоном заправляйте, легче по ночам будет, – хмуро отбивался от насмешек Илья.

Мужчины гоготали.

– До хаты, сейчас же до хаты, иди, нехристь! – размахивая хворостиной, кричала бабка Ева своему четырехлетнему правнуку. – Не утопился еще?

Карапуз, ловко перебирая ногами, кружил в толпе. Наконец уставшая старуха остановилась и, пригрозив «нехристю» расправой дома, уставилась на темный, ноздреватый лед.

В это время где-то далеко, на колхозном поле, загудел трактор. Точно испугавшись этого гула, лед дрогнул, сдавленно вздохнул, затрещал. На середине его обнажилась беловатая трещина. Она чем-то напоминала глубокий порез на огромной туше рыбы. Сквозь трещину резко хлынула вода, вытолкнув на поверхность дохлую щуку. Она тяжело упала на лед, выставив широкий, вспученный живот. На берегу стало тихо. Через минуту-другую лед вздыбился, и остервенело ломаясь и крошась, полезли одна на одну льдины, с грохотом двинулись вниз по течению.

– Началось! – выдохнул кто-то.

– Началось, – повторил про себя Алексей, чувствуя возбуждение и радость...

То спокойно и важно, то торопливо и злобно, толкая друг друга, натываясь на препятствия, льдины раскалывались, мельчали, растворялись. Обычно спокойная Чаква теперь зло шипела, бурлила, рвала берега. Смотрели на нее люди, забыв на время свои дела, заботы и тревоги. Только и слышалось:

- Гляди, гляди, как идет.
- Важно.
- На вербу льдина пошла!
- Повалила!
- Ну и сила...

Люди заворожено смотрели на бушующую стихию. Только когда река стала спокойнее, начали расходиться. Алексей тоже хотел было идти домой, но увидел своего бывшего одноклассника Кольку Машлякевича, невысокого чернявого парня. После службы в армии Колька вернулся в деревню, работал трактористом. Алексей подошел, поздоровался.

- Привет, – протянул руку Кольке, – давно мы с тобой не виделись.
- Давно.
- Ты где сейчас работаешь?
- В Минске, на заводе.
- Кем?
- Фрезеровщиком.
- Понятно. Надолго приехал?
- Погляжу.
- Гляди хорошенько. – Колька усмехнулся. – Ты ж вроде жениться собрался.
- С чего ты взял?

Алексей насторожился.

- Люди говорят.
- Я пока еще не знаю, а они уже знают.
- Ладно тебе, секретчик. Пошли лучше на стадион, там вертолет прилетел, привез что-то.
- Пошли, – согласился Алексей.

По дороге Колька прямодушно заметил:

– Я слышал, что в Долине до твоей Гали какой-то хлопец свататься собирается. Ты гляди, а то отобьют девку.

Алексей, чувствуя, как комок горячей ревности подпирает к горлу, остановился, глухо спросил:

- Ты откуда знаешь?
- Да Микулиха моей матери рассказывала, а она мне.
- Интересно...

Алексей резко повернулся и пошел, не оглядываясь: недавнего приподнятого настроения как не бывало. Следом поспешил Колька.

На стадионе и вправду стоял вертолет. Возле него кучились рubeжцы, в основном женщины: ждали, пока выгрузят хлеб, муку, крупы, ведра, сапоги, другие продовольственные и промышленные товары, необходимые во время паводка. Среди односельчан была и Галя со своей матерью. Когда выгрузка закончилась, из вертолета вынырнул невысокий толстяк с круглым бабьим лицом. Он надел белый халат, поставил вместо прилавка деревянный ящик из-под пива. Примостив на него весы, резким голосом потребовал:

- Станьте, товарищи, в очередь!

Женщины загалдели, попробовали построиться в очередь, но из этого ничего не вышло: каждая норовила стать первой.

– Спокойно, товарищи, – предупредил продавец. – Вечером прилетит еще один вертолет. Без товаров не останетесь.

– А нам ждать некогда, – отрезала статная рыжеволосая молодница Мария Коледа. – Нас дети малые дома ждут.

Напирая на товары, бабы ее поддержали.

– Вот именно.

– Начальник нашелся.

– Женке своей будешь команды раздавать.

– Продавай без очереди...

– Тьфу, ты, – плюнул толстяк. – Что кому давать, говори!..

Колька рассмеялся:

– Цирк.

Алексей промолчал, подождал, пока Микулиха проберется к «прилавку», и подошел к Гале.

– Сегодня выйдешь, как стемнеет?

Галя стыдливо оглянулась на мать.

– Лучше завтра. Родители из погреба бульбу вынесли, сегодня перебираем. Наверное, управимся поздно.

– Ладно, – повеселел Алексей. – Завтра так завтра

*****

К вечеру река очистилась ото льда. Вешние воды, отхватив себе добрую часть села, неслись к Горыни и уже по ней дальше. Самым надежным транспортом в Рубеже стали лодки.

VI

С ночи сырела в мгlistом тумане рань. По Чакве в сторону леса тянулись одна за другой плоскодонки: первое дело рубежцев в паводок – заготовка дров.

Дед Федор с Алексеем выехали затемно. Брюхатая лодка, чернея смоляными деревянными боками, шла резво: старенький отцовский мотор «Москва», которым управлял Алексей, работал ровно. Старик, сидя спиной к встречному ветру, спокойно дремал.

За селом свернули в широкую канаву, которая соединяет реки Чаква и Льва. Берега канавы едва обозначались среди прибывной воды, но течение в ней было сильное. Плоскодонка пошла медленнее. Алексей добавил газу и вскоре, миновав соседнюю деревню Заболотье, въехали в лес. Полузатопленный, выглядел хмурый и настороженным. С одной стороны – заболоченная бобровая падь, с другой – густо заросшие молодью березы, ольхи, дуба. Настоящие волчьи места. Вокруг тихо и голо. Природа, кажется, задумалась о чем-то важном и вечном. Даже гул лодочного мотора не мог разбудить эту вековую думу.

Неожиданно лодку тряхнуло, и днище ее поехало по чему-то твердому. «На бревно наскочили», – догадался Алексей. Он заглушил мотор, попробовал веслом вытолкнуть из-под плоскодонки бревно, черный прогнивший конец которого выступал из воды, но тщетно.

– На мель гребь, – посоветовал старик.

Алексей направил лодку к берегу, где стал вытаскивать бревно. Помогал дед Федор. Вдвоем они, наконец, вытащили черный заплесневелый брус.

– Это ж с креста, – удивился Алексей. – Откуда он тут?

Старик осмотрел мокрый брус, провел по нему ладонью, задумчиво проронил:

– Тут неподалеку немцы в войну людей расстреливали. Крест, видно, с чьей-то могилы вода вымыла. Давай на сухое место вынесем, пускай лежит, доживает свой век.

– Может, с собой заберем? – предложил Алексей.

– Для чего? – не понял старик.

– На дрова пойдет, – объяснил Алексей.

Нагнув голову, дед Федор исподлобья глянул на внука и холодно отрезал:

– Крест – Божий знак. От Бога все на земле. Все. Порежешь крест – порежешь себя, живого. Знай.

– Извини, – виновато обронил Алексей. – Не подумал.

– Не подумал, – проворчал старик. – Думать надо. Не малый уже...

Брус с креста вытянули на берег и ехали дальше молча. Плоскодонка шла по тихой лесной реке Льве. На изломе ее, у огромного старого дуба, остановились. Привязали лодку к его узловатому могучему корню, который спускался к воде.

Дед Федор подошел к дубу, разгреб ногой прошлогодние листья. На одном из толстых корневых ответвлений дерева открылось заплесневевшее дупло.

– Что это за дупло? – спросил Алексей.

– Это? – Старик вынул из круглого ровного углубления сучья, сухую траву, вытер стенки. – Это ступа. В войну в ней люди, которые ушли в лес от немцев, зерно толкли. Пшеницу, жито, овес... Все, что заготовили. Тут, у дуба этого, и жили.

– Не знал я.

– Будет час, расскажу, что тогда было. – Дед Федор по-хозяйски глянул по сторонам. – Неси топор, пилу...

Взялись за работу. Валили сухостой: ольху, осину, березу. Старик ловко подрубал ствол дерева с той стороны, куда оно клонилось, а потом, уже вдвоем, спиливали. Когда лодка была загружена, сели обедать. Дед Федор как бы между прочим спросил:

– Война будет или нет? Что там у вас в городе говорят?

– Не должно, – неуверенно ответил Алексей.

– Не дай Бог, – промолвил тихо старик. – Нет большего несчастья, как война, нет...

Дед Федор достал папиросы, закурил.

– Наверное, это так, – обронил Алексей.

– Не наверное, а точно, – поправил дед Федор. – Помню, мой батько – твой прадед, значит, пришел с первой мировой войны. На груди – четыре георгиевских креста. Мы, дети, мать моя, глядим на батьку, любимся – герой! А он на другой же день снял эти кресты и в сундук положил, на самое дно. Нам даже обидно стало: показал бы сначала себя людям, пускай бы поглядели. Награды ведь заслужил, не украл. Сказали ему об этом, а он так горько ухмыльнулся, точно сырую редьку съел, и говорит: «Пускай их лучше добрые люди не видят». А вечером, как собралась в хате родня, пришли соседи, стал про войну рассказывать. Говорил зло, нервно. Я всего не помню – малый был. Но одно запомнил на всю жизнь. В первом бою выстрелил батько в австрийского солдата. Глядит – убил. Страшно ему стало, давит что-то внутри, как кто душу вынимает. А ночью сон приснился: трое щенят вокруг ног его бегают, пищат жалостно, точно дети малые плачут... Знающие люди объяснили: у того солдата трое деток было. Вот так... – Старик замолчал. Сидел, неторопливо докуривая папиросу, глядел куда-то вдаль своими выцветшими глазами, думал о своем. Потом тихо и твердо сказал: – Война – это горе, потому что человек человека убивает.

– Горе, да не для всех, – вставил Алексей.

– Как это – не для всех?

– Так... Евсей, говорят, в войну паном ходил. Не то, что сейчас: идет, сторбившись, тихо, осторожно, точно не по земле ступает, а по льду.

– Вон ты про что. – Дед Федор пытливо глянул на внука. – Люди, как и деревья в лесу, – неровные. Евсей, что этот сухостой: корень вроде есть, а жизни нет. Он, я тебе скажу, с детства порченый. Я его хорошо знаю, хотя мы и не дружили: Евсей за меня на лет пять моложе. Помню, как-то в Рубеже у нас – давно это уже было, до войны – собаки бешеные появились. Стали искать охотников, кто бы их побил. Пообещали хорошо заплатить, но никого не нашли. Вызвался только Евсей. Вместе с бешеными собаками он загубил немало здоровых, которые у своих хозяев не на привязи жили, а так, свободно. Щенят Евсей тоже не жалел.

– Вот, гад! – не выдержал Алексей. – Не зря он полицаем был.

– Какой из него полицай?.. – Старик махнул рукой. – Выгоду искал, вот и в полицию подался.

– Все равно же был в полиции, – возразил Алексей.

– Был. Жизнь его темная, незавидная, как и он сам. Да и боялся Евсей немцев, не хотел умирать. Он, что бы ты знал, и в партизанах был.

– В партизанах?

– А как же. – Старик кивнул. – С Романом, братом моим, – его в сорок третьем убили, – в одном отряде был.

– Я и не знал.

– Ты, Леша, много чего не знаешь, много... Да и мне самому не все ведомо. Люди раньше говорили, что батько Евсея не местный, родом из Городка. Мужик пьющий и гулящий. Сидел за кражу. А яблоко от яблони, известное дело, далеко не катится. Потому и Евсей такой... – Старик крутанул головой, огляделся, точно искал подходящее слово и выдал: – Такой, как вьюн – скользкий и гадкий. А главное, работать не хочет и никогда не хотел. Люди постарше это знают... Ладно, давай домой собираться. Наговорились мы сегодня, пора и честь знать.

Старик поднялся, стал укладывать инструмент. Алексей столкнул с песчаного берега осевшую лодку, опустил в воду мотор. Подкачивая в карбюратор бензин, спросил:

– Евсей пятнадцать лет отсидел?

– Вроде.

– А в какие годы он сидел?

– В сорок пятом или в сорок шестом его посадили. А пришел он из тюрьмы уже в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Сразу после того, как Гагарин в космос полетел.

– А чего Евсей назад в село вернулся? Люди с ним и говорить не хотят.

– Чего? – Дед Федор на минуту задумался. – Земля своя позвала. Зверь и тот до родных мест приходит. А Евсей все ж человек. Так-то. Поехали...

Заходящее солнце уже золотило деревья. Отражаясь в воде, прыгало по волнам. Лес начал тускнеть. Над ним растворялась едва заметная дымка испарины. Сладко пахло прелью.

VII

Молодежи в клубе было мало: буйный паводок крепче родительского слова держал рубежских хлопцев и девчат по домам. Те, что пришли, уместились в зале для танцев на скамейках. Сидели, подпирая холодные, выкрашенные в зеленый цвет стены, скущающе поглядывали на две-три отчаянные пары, что кружились под заезженные хриповатые пластинки, перекидывались незначительными фразами.

Несколько парней стояли у дверей, молча курили.

– Может, потанцуем? – предложил Алексей Гале.

– Не хочется, – отказалась она. – Лучше пойдем, погуляем...

Провожаемые любопытными взглядами, они вышли из клуба и, не сговариваясь, направились к реке.

– Ты чего такая грустная? – спросил Алексей.

– Так.

Девушка пожала плечами.

– Что-нибудь дома?

– Не знаю, – Галя улыбнулась, но улыбка вышла какой-то виноватой, жалкой. – Как-то все не так у нас.

– Почему?

Алексей с тревогой взглянул на Гаю.

– Ты опять уезжаешь.

– Я приеду.

– Приедешь... Не в этом дело. Я хочу, чтобы мы постоянно были вместе. А то ты – там, я – тут. Боюсь я чего-то, боюсь... Да и мать моя недовольна. Говорит, обманешь ты меня.

Да ты что?.. – Алексей обнял Галю, прижался щекой к ее пахнущим мятой волосам. – Мы будем вместе, подожди немного...

Сказав это, Алексей замолчал: он не знал, когда это будет. И будет ли вообще. Жизнь, вначале такая простая и ясная, особенно в школьные годы, оказалась гораздо сложнее и труднее. Отслужив два года в армии, Алексей оказался на распутье: не было пока ни профессии по душе, ни квартиры в Минске, где работал, ни денег в запасе. И будущее виделось смутно, как дальний тополь в ночи.

Галя, почувствовав невеселое настроение Алексея, взяла его за руку:

– Я буду ждать.

– Ты правду говоришь?

– Да...

Алексей благодарно сжал мягкую ладонь Гали.

– Я часто думаю о жизни. Вообще о жизни и своей личной в частности. И знаешь, пришел к выводу: человек по своей природе не слабый, но только в том случае, если к чему-то стремится.

– А ты к чему стремишься? – прямо спросила Галя.

– Для начала твердо стать на ноги.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах, – прямо ответил Алексей. – В профессиональном, материальном, служебном, если хочешь. Только в этом случае можно быть собой. В хорошем смысле этого слова. Жить для себя, своих близких, просто для людей.

– Наверное, это немало, – предположила Галя.

– Наверное, – согласился Алексей.

Река встретила их холодом. По ее свинцово-темной поверхности гулял порывистый ветер. На затопленные огороды, улочки и переулочки волны выбрасывали грязную пену. Чаква предостерегающе шумела.

– Хочу тебя спросить кое-что...

Алексей замялся.

– Спрашивай.

– Ты извини... Говорят, жених у тебя в Долине есть...

Галя смутилась.

– Навязывается там один...

– А ты?

– А что я... Мне ты люб...

– Гляди, – отгоняя недобрые мысли, обронил Алексей. – Я делиться тобой ни с кем не буду.

– Точно?

Девушка смотрела прямо, испытующе.

– Я сказал, – отрезал Алексей.

Галя повеселела, довольно проронила:

– Хорошо...

Они хотели идти домой, как услышали шумные всплески воды: кто-то плыл в лодке. Когда они приблизились, Алексей узнал в ней Еремеева. Лодка свернула в ближайший переулочек, уткнулась в песок. Илья матерно выругался. Спустя минут пять, сгибаясь под тяжестью лодочного мотора, который, по всей видимости, испортился в пути, Еремеев неуверенно протопал в сторону Каменки – улицы, вымощенной булыжниками.

Алексей с Галей переглянулись и пыркнули со смеха.

Илья остановился, глянул в их сторону. Никого не увидев, побрел дальше.

– Пора и нам. – Галя взяла Алексея под руку. – Ночь, а мы гуляем...

– Пошли...

В спящем селе мерцали редкие огоньки. В густеющей тьме неба показалась на мгновение вечерняя звезда – Венера. Ее отражение золотой каплей упало на чернеющую воду, игриво качнулось и тут же исчезло.

IX

Евсей, несмотря на поздний час, еще не ложился. Сидел возле открытой грубки, грел свои старые кости. У ног его терся облезлый черный кот с оборванными ушами. Кот часто и надолго пропадал из дома, но всегда возвращался. Перед самым паводком, после недельной отлучки, он опять появился в доме. И теперь сидел с хозяином, скрашивая его одиночество.

Дрова уже догорали. Евсей тяжело поднялся, достал из шкафчика начатую банку кильки, дал коту.

– Ешь.

Кот лизнул и отвернулся.

– Паскуда, – обозвал кота старик.

Он взял банку, поставил обратно. Снова сев к грубке, тупо уставился на затухающий огонь. Тепла от него уже не было, но вот от углей исходил жар. Он впивался в кожу Евсея, проникал внутрь, до самых костей. Жар нагонял дремоту.

Со двора вдруг донеслось глухое рычание собаки, короткий лай. Евсей насторожился, неохотно поднялся, зашаркал к окну. Откинув занавеску, стал вглядываться в густую темень. Возле калитки кто-то стоял. Надо было идти, посмотреть, кто это. Суетливо потоптавшись, Евсей надел телогрейку, вышел на крыльцо. Тревожно спросил:

– Кто там?

– Собаку привяжи, – хрипло раздалось из темноты.

По голосу старик узнал Еремеева. «Принесло», – подумал зло.

Включив фонарь, что висел над дверью, прикрикнул на собаку:

– Ляг!

Овчарка зарычала и пошла в дальний угол двора. Шатаясь, Илья подошел к Евсею.

– Добрый вечер.

– Кому добрый, кому не совсем, – хмуро проворчал старик, невольно отворачиваясь и отступая от удушливого перегара гостя.

– Ты что ж, не рад? – недобро щури припухшие глаза, спросил Еремеев. – Не рад?!

– Рад, рад...

Евсей, зная буйный характер пьяного Ильи, трухнул.

– Рад – угощай. – Еремеев подобрел. – Как-никак, а я гость.

– Чем же я угощу?

– Самогоном.

– Да откуда ж он у меня?.. Нет самогона.

– Не брешь. – Илья предупреждающе покрутил корявым пальцем перед прыщеватым, облезлым носом Евсея. – Я носом чую...

Пьяный Еремеев часто ходил по домам, где выпрашивал, а где требовал выпить. Бывал он и у Евсея.

– Я чувствую, – повышая голос, проговорил Илья. – Выпить у тебя есть!..

Старик, понимая, что от Ильи так просто не отделаешься, повернулся и молча поплелся в дом. За ним, спотыкнувшись на пороге, ввалился Еремеев. Расстегнув мокрый кожух, долго шарил глазами по комнате, служившей кухней и передней одновременно, примериваясь, куда бы его повесить. Наконец заметил на стене гвоздь. Повесил на него. Не снимая шапки, бухнулся за стол.

Евсей принес из кладовой полбутылки мутной сивухи. Подумав, достал из шкафчика недоеденную рыбную консерву, кусок сала, черствый хлеб.

Притихший Илья напряженно ждал. Его тяжелые водянистые мешки под глазами нервно вздрагивали, худой кадык то и дело уходил вверх, теряясь под небритой несколько дней щетиной.

Старик разлил самогонку. Гостю – полный стакан, себе – половину. Не дожидаясь приглашения, Еремеев осторожно взял стакан и, задирая голову вверх, надувая до красноты жилистое горло, медленно выпил. Евсей поднес свой стакан ко рту, но тут же поставил обратно: его тошнило.

– Прикуси сначала, – осоловело посоветовал Илья, доставая негнушимися пальцами кильку.

Евсей вздохнул:

– Меньше бы ты пил.

– Ты что ж, попрекаешь? – Илья, перестав жевать, набычился. – А-а?..

– За что же мне тебя попрекать. – Евсей пожал худыми плечами. – Жалею...

Илья вперил угрюмый взгляд в Евсея. Тяжело ворочая языком, медленно проговорил:

– Раньше надо было жалеть. А сейчас чего ж... Себя лучше пожалей. Желтый весь...

Помрешь скоро...

– Ты что ж говоришь, – выдавил Евсей, – против ночи...

Разговоров о смерти он не терпел – боялся ее, хотя и понимал, что не вечный и никуда от смерти не денется, а все равно думал о ней со страхом. Даже не со страхом, а ужасом. Может, потому, что сам не раз сталкивался со смертью, а может, потому, что самому когда-то пришлось убивать...

– Помрешь, – упрямо повторил Еремеев. – Николая Стреху помнишь?.. Он тоже перед смертью пожелтел весь. Врачи его от желтухи лечили, а у него рак был.

Кровь хлынула в голову старика. Дышать стало трудно, в ушах отрывисто застучало. Евсей медленно поднялся, прошипел:

– Выйди из хаты...

Илья до хруста в пальцах сжал кулак, угрожающе выдохнул:

– Я тебе этого не забуду... Ты давно нарываешься, давно...

Старые счета были у Ильи Еремеева к Евсею. Старые, да крепкие.

Это случилось в середине шестидесятых годов, когда Илья учился в четвертом классе. После занятий он играл с ребятами на колхозном кукурузном поле в войну. Тихо пробираясь сквозь высоченные стебли, нос к носу столкнулся с Евсеем. Оба перепугались.

– Дядя Евсей, – удивился Илья, – ты чего тут?

– Кукурузу сторожу, – боком закрывая мешок с отборными початками, шепотом проговорил Евсей.

– Ты же не сторож, – тоже переходя на шепот, усомнился Илья.

– А тебе что?!

Евсей смерил паренька хмурым взглядом.

– Кукурузу ворует, – пугаясь своей догадки, проговорил Илья.

– Я?.. – Евсей вытаращил свои рыбы глаза. – Ах ты, шенок вшивый!

Он схватил парня за ухо и, выкручивая его, резко толкнул. Илья упал, от страха и боли ужом скользнул в гущу кукурузы и оттуда, убегая, крикнул:

– Все расскажу бригадиру.

– Поглядим, – с ехидной злостью обронил Евсей.

Он достал из кармана огрызок химического карандаша и, слюнявя его, вывел каракулями на своем мешке: «Еремеевы». С этим мешком направился прямо в школу, к директору, мол, смотрите, чем ваши ученики занимаются – колхозную кукурузу воруют. Скандал получился

большой. Мало того, что Илью гневно отчитали на общем собрании школы, так еще вдобавок нехорошо прописали о нем в районной газете, где заодно мазнули грязью и его родителей, вспомнив, что они не хотели вступать в колхоз. С этого случая учеба и жизнь Ильи пошли наперекосяк. Постоянно ощущая на себе отчужденно-подозрительные взгляды учителей и одноклассников, он стал убегать с уроков, не приходил на занятия. Еле-еле окончив семь классов, начал выпивать, пытался ездить на заработки, но нигде не мог проработать больше двух-трех недель из-за своей излишней нервозности.

– Ты еще поплачешь, – угрожающе пообещал Евсею Илья.

Он плеснул себе в стакан остаток самогонки, выпил не закусывая. Поглядел стеклянными, невидящими глазами сквозь Евсея, тяжело поднялся, процедил:

– Гад...

С трудом оделся и, едва держась на ногах, поплелся к себе домой, где его ждали тихая покорная жена – рыжая фельдшерица Галя да четверо детей, мал мала меньше.

Проводив Еремеева ненавидящим взглядом, Евсей бессильно опустился на стул, уставился на ожившую от весеннего тепла муху. Муха сонно ползала по крошкам хлеба, пожелтевшему куску сала. Перед пустым граненым стаканом, из которого пил Илья, остановилась, застыла. Глядя на нее, старик вдруг с болезненной ясностью представил свою смерть. Он почувствовал ее физически. Она где-то рядом. Быть может, сидит за столом напротив и глядит своими страшными глазами на него, Евсея, так, как он глядел на муху: сонно и равнодушно.

«Помрешь скоро», – вспомнились слова Ильи.

«Помрешь, – точно обухом стукнуло в голове. – Вот он, мой сон...»

Евсей бессознательно уставился в окно. За его невымытыми стеклами кружилась тьма. Тянуло холодом и одиночеством. Как в ту ночь...

Он, Евсей Друцкий, его дружки – Андрей Мозолевич и Тихон Стасюкевич, все – полицаи из Городка, ночью постучались в хату Марии Лемешевич – жены местного участкового, которого в начале войны призвали на службу – в армию. В окне мелькнуло что-то белое, потом послышался женский голос:

– Кто там?

– Свои, – ответил Тихон.

Когда дверь открылась, он грубо оттолкнул женщину, вошел в хату, осмотрелся. Никого. Лишь спящий годовалый ребенок. Стасюкевич уставился на него, ухмыльнулся:

– В батьку.

Мать, чувствуя беду, подошла к ребенку, загородила собой, с сердцем проговорила:

– Мы-то в чем виноваты?.. Война. Побойтесь Бога...

– Бога? – Переспросил Стасюкевич. – А ты веришь в Бога? Муженек твой верит в Бога?

Не верит, раз Советам служит.

– Он не верит, правда. А я веру, веру...

– Евсей! – крикнул Стасюкевич. – Возьми дитя.

Женщина побелела, рванулась взять сына, но сильный удар свалил ее с ног.

– Кому говорю! – прикрикнул Тихон.

– Бери, – нервно теребя покалеченное партизанской пулей ухо, прорычал Мозолевич.

Евсей взял дитя. Грубо, неумело, не зная, что делать. Ребенок проснулся, закричал.

– Что ж ты своего муженька, своего защитничка задрипаного в армию отпустила? Что ж не придержала, а?

Стасюкевич, наступая на женщину, опять ударил ее.

– Сука!..

Он бил пока она не потеряла сознание. Бил Марию и Мозолевич. Бил жестоко, с остервенением.

А ребенок кричал, захлебывался в плаче, точно хотел выплакать всю боль этой ночи: свою и материнскую.

– Пошли, – коротко приказал Стасюкевич и вышел с Мозолевичем из хаты.

Евсей с ребенком поплелся за ними.

– Куда его? – спросил.

– Куда?! – Тихон нервно повел мутными, полупьюянными глазами вокруг, остановил свой взгляд на реке. – В воду!

– Не могу я... – Евсей задрожал. – Дитя еще...

Мозолевич нервно хихикнул.

– А я могу, – угрожающе обронил Стасюкевич и взвел курок винтовки. – Считаю до трех. Раз...

Евсей попятился к реке. Что-то человеческое, забытое за то время, когда он пошел служить немцам, шевельнулось в его душе. В какое-то мгновение он хотел кинуться в реку вместе с ребенком, чтобы уйти из этой жизни, забыть свою слабость, страх, предательство, чтобы покончить со всем разом. Но когда глянул вниз на холодную бездну, на дуло винтовки, то понял, что не сможет покончить с собой, что боится смерти, что хочет жить, жить... И он бросил дитя, вскрикнув от ужаса и отвращения...

– Господи, не оставь меня одного, – прошептал старик.

Он весь дрожал. Внутри его что-то булькало, в глазах замелькала ожившая муха. Через мгновение мух стало больше. Они начали слетаться к глазам Евсея, застилая ему свет. Он чувствовал, что вот-вот ослепнет. Как чувствовал тогда, когда впервые встретил Марию Лемешевич, когда ездил в район. Она сразу не поняла, кто перед ней. А когда поняла, то мгновенно побелела, зашаталась, безумно заворочала глазами, точно выпила стакан спирта. Чтобы не упасть, несчастная женщина схватилась за железный забор и точно прилипла к нему. Было видно, что у нее еле заметно дергалась голова...

«Живая», – подумал Евсей и сам вдруг задергался, ощущая, что жизнь от него уходит.

Теперь это ощущение повторяется...

Сцепив от страха непослушные руки, Евсей нервно тут же разжал их, встал. «До Евы надо», – мелькнула мысль. Как утопающий хватается за соломинку, так и он, ухватившись за эту мысль, стал собираться: натянул длинные резиновые сапоги, надел телогрейку, шапку. «Вылечит, старая, – билось горячей волной в воспаленном мозгу старика. – Она всем помогает – безотказная... Вылечит, я заплачу...»

Подумав о плате, Евсей торопливо зажег свечу и полез в погреб. В нем резко отдавало гнилью, копошились, попискивая, мыши. Евсей, ничего не чувствуя и не замечая, поставил на пустую полку свечу и, нагнувшись над почерневшей от давности бочкой, достал из нее обмотанную порванной мешковиной ржавую металлическую коробку. Осторожно поставив ее на землю, стал открывать. Но она не открывалась. И без того взбудораженные нервы старика тяжело заворочались. Он матерно выругался, выдернул из трухлявой доски гвоздь и, всадив его под крышку, резко повернул. Гвоздь, выскочив, проскрежетал по металлу, полоснул по руке Евсея. В горячке он вцепился заскоружеными пальцами в крышку и с силой рванул ее к себе. Коробка открылась. На землю, тускло поблескивая, посыпались золотые кольца, броши, кулоны, цепочки, монеты царской чеканки. В какой-то момент все эти драгоценности вдруг пропали и старику показался незнакомый, но где-то виденный им, улыбающийся мужчина неопределенного возраста с запухшим, заросшим черной щетиной лицом. В его грязных руках – дрожащий бубен с блестящими, переливающимися бубенцами. Видно, что они звенят. Но не слышно. Совсем не слышно. И уже не видно. Только блестят, отрываясь и падая вниз, бубенцы...

«Я заплачу», – вяло подумал Евсей.

Из последних сил он вцепился за лестницу и, чувствуя страшную тяжесть во всем теле, полез наверх, на воздух...

Х

От Гали Алексей возвращался под утро. Шел не улицей, а вкруговую – по бывшему болоту. Это чтобы никто из односельчан не видел.

Село еще дремало. Только в нескольких домах горели огни. Их зыбкий свет расплывался в густом и темном тумане. С настывших деревьев падали капли росы в черную, жидкую грязь.

У забора Евсеевого дома Алексей неловко оступился. Нога его тут же поехала по мокрой, скользкой земле. Чтобы не упасть, парень схватился за штакетник. Старые доски затрещали. Одна из них переломалась, издав резкий, пугающий звук. Алексей, ожидая злой лай Евсеевой овчарки, внутренне напрягся, сжал в руке выломанную штакетину. Но лая не послышалось. Это удивило парня: в доме Евсея горел свет, дверь была открыта. Значит, он у себя, почему-то не спит. Собака должна быть во дворе или в огороде. Алексей вызывающе стукнул по забору – тихо. Ударил еще раз, громче – никого. Недоумевая, пошел вдоль забора к калитке. Она оказалась незакрытой. Парень пригляделся. На пороге, головой вниз, лежал старик. «Пьяный, что ли?» – подумал Алексей. Он оглянулся и осторожно, не выпуская из рук штакетины, приблизился к Евсею. Расхристанный, без шапки, он не двигался. Внутри парня кольнула недобрая догадка. Он потрогал старика штакетиной – не шевелится. Преодолевая страх, нагнулся, приложил руку к голове Евсея, но тут же отдернул назад, попятился – старик был холодный...

Потрясенный, Алексей бегом кинулся в больницу, но по дороге, немного успокоившись и рассудив, что Евсею уже ничем не поможешь, решил рассказать сначала об увиденном деду Федору.

В доме стариков было еще темно. Парень, бредя по воде, подошел к окну, резко постучал. В окне показалась голова деда Федора. Алексей приглушенно попросил:

– Выйди.

Скрипнула дверь. На порог, в полотняном белье, вышел старик, встревожено спросил:

– Что случилось?

– Евсей умер, – тяжело дыша, выдавил Алексей.

Дед Федор побледнел.

– Откуда ты знаешь?

– Я от Микулов шел. А он, Евсей, лежит на пороге. Холодный уже...

– Ты что ж, проверял его?

– Ага...

Алексей сбивчиво рассказал, как было.

– Кончился, значит, – проговорил старик, о чем-то думая. – Подожди...

Он пошел в дом, стал одеваться.

– Куда это ты? – спросила разбуженная бабка Вера.

– Надо тут, – неопределенно буркнул дед Федор. – Сейчас приду.

– Так завтра сходишь.

– Завтра поздно будет...

Говоря это, дед Федор и сам не предполагал, насколько окажется прав.

Одевшись, он торопливо подался в сторону бывшего болота. За стариком поспешил Алексей.

ХІ

Евсей лежал все в той же позе. На сбившихся волосах застыла роса. Дед Федор перевернул Евсея на спину, хмуро бросил внуку:

– Помоги.

Вдвоем они положили Евсея на лавку. Оскалившись, он зло глядел заледеневшими глазами в светлеющее небо.

– Все, – глухо проронил дед Федор. – Ты иди, Леша, за доктором, участкового позови, а я пока побуду тут...

Алексей ушел, а дед Федор, глядя на Евсея, невольно думал о его запутанной жизни, смешивая в себе к бывшему полицаяу неприязнь и жалость.

Над селом уже поднималась заря. Встречая ее, неистово горланили петухи. Над печными трубами появились первые дымки. У ближайшего колодца загомонили бабы.

Село жило своей обычной жизнью. И никому не было дела до Евсея.

Дед Федор отвернулся от покойника, вздохнул. Хотел было закрыть дверь Евсеевого дома, но увидел, что погреб тоже открыт. Прошел в дом, глянул в чернеющую яму. На дне ее что-то блестело. Старик присмотрелся.

«Золото!..»

Он спустился по тухлявой лестнице вниз, провел дрожащей рукой по холодному металлу, поднял ржавую коробку и, осененный страшной догадкой, бессильно опустился на какой-то ящик, стал мучительно вспоминать...

Это было зимой 1943 года. Февральская ночь со свистом обдавала землю морозным ветром, поднимала и крутила в воздухе мелкий снег. Закутавшись в тучи, едва виднелась луна. На улицах было темно и пусто. Выли собаки.

Сквозь сон Федор услышал, как кто-то стучит в окно. Подумал, что немцы. Неторопливо поднялся, со страхом пошел к двери. Открыл. На пороге стоял его старший брат Роман. Позади его топтался Евсей. Вдвоем они были в партизанском отряде.

Роман приезжал редко. С Федором у него были сложные отношения. Покойный отец братьев, Григорий Иванович Жилевский, оставил им на двоих около двадцати гектаров земли. Роман, похозяничав на ней с год, уехал с семьей в поисках лучшей доли в Америку и вскоре затерялся там: не приезжал, не писал. Федор стал обрабатывать и участок, который принадлежал брату. Так продолжалось лет десять. Но перед Второй мировой войной, когда Западную Белоруссию, которая была под Польшей, присоединили к Советскому Союзу, Роман неожиданно приехал в Рубеж. Без семьи, с небольшим чемоданчиком, в котором лежали две пары белья, поношенный костюм да старенькие настенные часы. Брат потребовал вернуть ему землю, оставленную отцом в наследство. Федор отдал Роману меньший и худший участок, считая, что имеет на это право. Роман кровно обиделся, стал враждовать. И неизвестно чем бы все это закончилось, если бы его вскоре не направили на партийную работу в соседнюю республику – в Украину. К тому же началась война СССР с Германией. Романа из Украины перевели на родину – в Западную Белоруссию, родной Долинский район, поручив создать партизанский отряд. Федору офицер из районного НКВД приказал жить в селе, сообщать брату все новости о передвижении врага, а заодно снабжать партизан продовольствием. Война на время примирила братьев, но, увы, не сблизила их.

– Проходите, – холодно поздоровавшись, пригласил Федор ночных гостей.

– Притомились мы, – Роман тяжело опустился на лавку. – Дай чего-нибудь перекусить, накорми коня.

Федор кивнул жене, чтобы накрывала на стол, а сам вышел во двор.

Конь, запряженный в сани, стоял разгоряченный, потный, понуро опустив голову. Сразу было видно, что прошел за день не один десяток километров. Федор выпряг его, отвел в хлев, дал сена. Едва управился, как вышел Роман, спросил, оглядываясь:

– Тихо тут у вас?

– Кто его знает, – уклончиво ответил Федор. – Сегодня тихо, а завтра одному Богу известно, что будет. Антон Охремчик хвастался, что побьют вас скоро немцы.

Роман подозрительно поглядел на Федора, проговорил:

– Мало нас в партизанах, мало...

– Ты откуда приехал? – перевел разговор на другую тему Федор.

Роман оживился.

– Из Городка. – Он постоял, о чем-то раздумывая, потом решительно направился к саням. Остановился, жестко спросил: – Не продашь?

Чувствуя, как внутри поднимается старая обида на брата, Федор зло выдохнул:

– Пошел ты!..

– Ладно. – Роман миролюбиво улыбнулся. – Кто старое помянет, тому глаз вон... Гляди.

Он разгреб сено на санях, проворно открыл крышку железной коробки из-под патронов. Федор оторопело застыл: в коробке поблескивали монеты царской чеканки, кольца, серьги, кулоны, цепочки, браслеты, часы... Все из золота. Посреди этого богатства отливал серебром увесистый портсигар.

– Откуда все это? – прошептал потрясенный Федор.

Роман, довольный, что произвел впечатление на брата, захлопнул крышку.

– Городокские полицаи забрали у местных евреев и цыган, а мы у них. Так-то. Пошли.

– Надо добро это в хату занести. – Федор кивнул на коробку с золотом. – Вдруг кто чужой во двор заявится.

– Пускай лежит. – Роман махнул рукой. – Никто ж не знает. – Помолчав, добавил: – Кроме Евсея и нас...

В полутемном доме уже был накрыт стол: холодная картошка, хлеб, сало, соленые огурцы, сушеная рыба. В грубке горел огонь, грелся чай. Рядом сидел Евсей. Его раскрасневшееся лицо было мрачным и чужим, точно он не местный.

– Не уснул? – поинтересовался Роман. – Садись к столу. Подкрепимся, выпьем малость. Мы сегодня с тобой заслужили.

Евсей молча сел к столу, ни на кого не глядя, стал есть.

«Партизан, – неприязненно подумал Федор, – вроде свой, а глаза прячет. Нашел себе дружка Роман, ничего не скажешь...»

Уехали гости под утро. Федор их не только накормил, но и дал выпить: самогонка, несмотря на войну, в селе у каждого была – мало ли для чего потребуется. Думая о золоте, он выгнал корову из хлева и погнал к реке. Неожиданно послышались выстрелы. Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе Федора. Он, оставив корову, выбежал за село. В километре от него, в направлении леса, гнал коня Евсей. Позади его сидел Роман и отстреливался из трофейного автомата: за ними гнались на конной подводе немцы. Сразу Федор и не сообразил, откуда они взялись. Потом понял: немцы ехали в Рубеж со стороны деревни Бережновка. В дороге и встретились.

До леса оставалось метров двести или триста, когда Роман покачнулся и неуклюже, медленно стал подниматься. «Попали», – мелькнула у Федора страшная мысль. Ему хотелось закричать Евсею: «Поддержи его, поддержи Романа!». Но Евсей, не оборачиваясь, гнал коня. Роман еще какое-то время держался, потом тяжело рухнул в снег...

Не дожидаясь беды, в то же утро, Федор с семьей ушел в лес.

Евсея тогда он больше не видел. Слышал, что его вроде как поймали и теперь он служит в Городокской полиции. Встретился с ним после войны. Постояли они посреди улицы, ненавидяще глядя один на одного, и разошлись. Все тогда было им ясным без слов. Оказалось, что не все.

Сгорбившись над золотом и как-то еще больше постарев, дед Федор вспоминал прошлое, когда услышал голоса, доносившиеся с улицы. Он очнулся от мрачных дум и, не отдавая себе отчета в том, что делает, машинально схватил коробку, сгреб в нее вместе с землей драгоценности. Закрыв, сунул ее себе под телогрейку и вылез из погреба.

Во дворе над бывшим полицаем согнулись врач с участковым, они о чем-то тихо говорили. Евсей коварно щерился в небо. Казалось, он все видел и знал.

Дед Федор последний раз глянул на Евсея и, не оборачиваясь, торопливо пошел домой. Врач с участковым рассеянно поглядели ему вслед и опять склонились над покойником.

ХII

За гробом, который одиноко лежал на возе, шли с десятков ветхих старушек, четверо мужчин с лопатами, да потерянно бежала в стороне овчарка, провожая в последний путь своего хозяина. Время от времени она останавливалась, принюхивалась и зло скалилась на редких встречных прохожих.

Из окон домов и из-за заборов на похоронную процессию глядели рубежцы. Они скупо бросали реплики. Кто осуждающе, а кто так, чтобы не молчать.

- Гляди ты, в церкви отпевали.
- Так не собака, а человек все-таки.
- Оно так, да не совсем.
- Ладно, он уже отжил свое.
- Один жил, один и умер.
- Все помрем.
- Что заслужил, то и получил.
- Теперь ему уже все равно.
- Не скажи: суд Евсея еще и на небе ожидает. Точно, ожидает.
- Этого никто не знает.
- Ты, может, и не знаешь, а я знаю.
- Упокой его грешную душу, Господи.
- О-хо-хо...

Молчаливо двигалась процессия. В ее малолюдности было что-то отталкивающее и злое. Быть может, поэтому конь, тянувший воз с покойником через глубокую выбоину, остановился, после чего долго не хотел идти дальше.

- Все не так, как у людей, – бросил кто-то.

Это была чистая правда: жил Евсей вроде бы и рядом, с людьми, а без них, боясь своего прошлого и опасаясь настоящего.

Жил дико, словно зверь...

Перед самым кладбищем овчарка Евсея остановилась, присела к земле, опустила голову, потом вдруг вскочила и зло залаяла на стоявшего у забора лысоватого небритого мужчину, который придерживал за уздечку большого черного коня, запряженного в старый воз. На возу лежала охапка соломы, а на ней сидела худая скуластая женщина. Возле нее мостился чернявый парень лет двадцати пяти. Женщина испуганно поглядывала то на покойника, то на собаку, то на парня, который поминутно шмыгал своим вислым носом.

- Пошел! – хлестнул по земле кнутом приезжий мужчина.

Овчарка зашла еще большим лаем, но близко к возу не подходила – боялась. Успокоилась только на кладбище, смиренно присев возле свежерыкопанной могилы.

– Полюбуйтесь! – раздался чей-то голос. – Молчит, будто оплакивает своего хозяина. А он, когда живой был, не жалел ее, почти не кормил. Вот она, собачья верность.

Его поддержали.

- У собаки тоже сердце есть.
- Правда. Но откуда собаке знать о делах Евсея?
- Вот!..

Когда вырыли яму и стали опускать в нее гроб, пошел дождь: мелкий, колючий, зарядивший надолго. Мокрая земля потемнела, осунулась.

- Дьявол! – вырвалось у кого-то.

Почти все поглядели на покойника, лицо которого было серым, с желтизной, словно вылепленным из залежавшегося парафина, и каким-то уж очень отрешенным, холодным.

Кладбище вскоре опустело. Осталась только овчарка. К ней, словно неожиданная тень, присоединилась Мария Лемешевич. Хмурая, вся в черном, она молчала и ненавидяще смотрела какими-то сумасшедшими глазами на свежую могилу. Ни звука больше не издала и собака.

Бабка Вера, ходившая на похороны бывшего полицая, осуждающе заметила дома:

– Похоронили Евсея в старом костюме, нового он так себе и не купил... Прости Господи, грех переговаривать...

Старуха перекрестилась на образ.

– Тебе то что? – хмуро спросил дед Федор. – Как жил, так и помер.

– Оно так. – Бабка Вера вздохнула, скорбно глянула в окно на залитый рекой огород. – Все там будем. И святые, и грешники, как в Писании писано.

– Будем, – проворчал дед Федор. – Не накаркай, раньше срока.

– Так и есть, – словно не слыша супруга, продолжила свою мысль бабка Вера. – Но ничего, ничего: одни умирают, а другие приезжают.

– Ты это о ком? – не понял старик.

– О молодежи с сыном, которых с Городка привезли в наше село, – объяснила бабка Вера. – Жить эта молодница со своим хлопцем тут будет.

– В Рубеже?

– Может быть.

– В Рубеже пустых домов нет.

– Нет... Вот только дом покойного Евсея.

– Побойся Бога.

Дед Федор укоризненно уставился на супругу.

Бабка Вера указательным и большим пальцами вытерла уголки глаз.

– А что?

– Это я у тебя спрашиваю.

– О чем ты спрашиваешь, о том я и рассказываю... Говорят, что мужчина, который привез молодницу с сыном, вроде как родственник Евсея. А молодница эта – родственница этому мужчине. Значит, она покойному Евсею тоже не чужая.

– Вот как ты рассудила.

– Как люди, так и я...

Бабка Вера сняла с вешалки платок, накинула на голову и вышла в сени.

Дед Федор, глядя в окно на широкую реку, задумался.

*****

В этот же день Алексей засобирился в Минск.

– В городе, конечно, лучше, – с обидой в голосе обронила Надежда Казимировна, укладывая в дорожную сумку домашние припасы.

Алексей ничего не ответил: ему было жалко мать.

– Может, останешься? – спросила она с надеждой в голосе.

– Нет, – пряча глаза, выдавил Алексей.

– Что ж, гляди сам, – проговорила мать.

Опустив голову, она вытерла краем платка мокрые глаза.

– Рубеж не забывай, семью нашу помни. – Степан Федорович обнял сына. – А если что понадобится, пиши. Мы хоть и небогато живем, но зато все свое, не из магазина... И приезжай, приезжай почаще...

Алексей глянул на поваленный льдиной забор. На нем обозначилась ровная серая лента засохшей пены: блестящая на солнце вода уже спадала. Она скатывалась в реку, обходя вер-

хушку широкого обрыва, который с каждым паводком все ближе и ближе подходил к дому Жилевских.

Глава вторая

I

Целый день в Минске было холодно. И только вечером погода переменилась: ветер потеплел, рваная туча, космы которой спадали на крышу двадцатидвухэтажного Дома мод, самого высокого здания в Минске, разбухла и пролилась. Остатки ее, похожие на испуганных вороных жеребят, торопливо подались за горизонт. В темнеющей высоте неба показалась луна. Ее жидкий свет, смешиваясь с неоновыми огнями, погнал сумрак в парки и скверы, на старые улочки и переулки, в подворотни. Город, глянув на себя в зардевшиеся лужицы, повеселел, ожил. У билетных кинокасс и газетных киосков выросли шумные очереди. На Ленинском проспекте, где строилась первая линия метро, расхозяйничались воробьи. Глядя на них, прохожие замедляли шаг, останавливались и жадно вдыхали сырой, сладковатый запах размякшей, но еще холодной земли. Довольные, переговаривались:

– Потеплело.

– Весна в этом году ранняя.

– Ранняя и буйная. Вон на Полесье воды сколько. Что на море.

– Да, давно такого паводка не было.

– Машеров туда вылетел, по телевизору показывали.

– Понятное дело: Машеров – первый секретарь ЦК нашей партии, ему надо поглядеть, что и как, принять меры.

– Это какие такие меры?

– Пострадавшим от паводка людям помочь. Вот какие.

– Нам тоже не мешало бы помочь.

– Это чем же?

– Деньгами: зарплаты добавить, пенсии.

– Хватил... Тут о наводнении речь.

– Понятно. У нас в Минске тоже мокрогато.

– И дожди обещают. По радио передавали.

– Сыро стало, правда, но свежее...

Постепенно городской гул и людской говор притих. Небо еще больше потемнело. К нему из поверхности шершавого асфальта медленно и почти незаметно поплыли струйки тумана – верный признак ухода холодов.

II

Электронные часы завода радио- и телевизионных футляров производственно-технического объединения «Горизонт» высвечивали время, которое уже близилось к полуночи. Заканчивалась вторая смена.

– В цехе №21 на слесарно-сборочном участке рабочие готовили к погрузке новый станок для обработки древесно-стружечных плит. Закончив сборку, его отправляли заказчику — мебельному объединению из России, представитель которого, крупный, жилистый мужчина с кривым носом, сидел в цехе с самого утра. Глядя, как рабочие неторопливо смазывают основные узлы станка, он нетерпеливо бросил:

– Я бы попросил – быстрее!

– Ты не гони, – недовольно заметил ему Андрей Максимович Захаревич, пожилой слесарь с одутловатым болезненным лицом. – И так досрочно сделали.

Его поддержали.

– Не пожар.

– Если приспичило, то езжай без станка.

– Действительно.

– Станок и нашему заводу сгодится – футляры для телевизоров делаем... .

Рабочие зашумели, собрались идти на перекур.

– Ладно, не базар, – повысив голос, остановил их старший мастер цеха Сергей Борисович Прогудин, худощавый лысеющий мужик с маленькими глазками и злым хрипящим голосом. – Давайте заканчивайте и грузите, а то и вправду заказчик уедет.

– Уеду... . – Мужчина, почесав нос, кивнул и внимательно осмотрел станок. На станине, где крепился вал пилы, несколько болтов были зажаты не до конца, а один из них и вовсе выступал на треть. – А это еще что?..

– Продолговатое лицо представителя заказчика станка стало наливаясь краской.

– Что опять не так? – Олег Далидович сжал в своих длинных костлявых пальцах увесистый гаечный ключ. – Мы тут стараемся, а вы все недовольны.

– Болты не закрутили. – Мужчина показал рукой на станину станка. – Посмотрите.

– Сейчас закрутим. – Далидович нервно покрутил головой. – Еще ж работаем... . Только вы выйдите из цеха и не мешайте.

Он пристукнул ключом по станине и стал заворачивать выступающий болт.

Прогудин, наблюдавший за этой сценой, сделал вид, что ничего не видит.

Когда все болты были закручены, как и должно быть, рабочие проворно зацепили станок тросами.

– Поднимай! – скомандовал старший мастер.

Статный рыжеусый богатырь Ленька Копыш включил кран-балку. Тросы натянулись и станок, поднявшись, мягко опустился в кузов грузовика.

– Вот и все, – не то с облегчением, не то с сожалением обронил Ленька.

МАЗ, осевший под тяжестью станка, медленно выехал из цеха. Рабочие между тем расходиться не торопились. Стояли, перекидывались незначительными фразами, поглядывали в настежь открытые железные ворота, за которыми гуляла разбавленная лунным светом сырая тьма. Некоторые уже собирались выйти на воздух, передохнуть, но тут появилась тучная фигура Настасьи Михайловны Забродиной, уборщицы цеха. Шла она неторопливо, переваливаясь с боку на бок, как гусыня. Еще издали, окинув хозяйским взглядом цех, проговорила:

– Конец смены, а они стоят... . Стружку кто убирать будет?..

– Уберем, Михайловна, не ворчи. – Бригадир фрезеровщиков Сергей Иванович Кутько пригладил жидкие, совсем седые волосы, одел черный, замасленный берет. – Пошли за вениками.

Он направился в кладовую, но тут же вернулся: на дверях кладовой висел замок. В сердцах бросил:

– Опять кладовщицы нет... .

– Ушла Залесская, – обронил Прогудин. – Отпустил я ее. Говорит, что заболела, температура.

– Вот девка! – воскликнула уборщица. – В парке она, на танцульках. Я через парк на автобусную остановку хожу, видела ее. – Настасья Михайловна покачала головой. – Воспитывать Марину надо.

– Надо, согласился старший мастер, вытирая красные, слезившиеся глаза. – Вот ты бы, Михайловна, с ней по-женски и потолковала, а?..

– Послушает она меня, – проворчала уборщица. – Старая я с Мариной по душам говорить, да и не умею. Пусть вон молодые поговорят, а лучше – домой к ней сходят, узнают, как живет. Ленька или Ваня.

Уборщица устала на Ивана Даниша, коренастого русоволосого фрезеровщика. Парень, заметно краснея, проворчал:

– Что я, воспитатель?..

Заметив внимательный взгляд бригадира, опустил глаза.

– Начальство у нас на что? Ему и надо побеседовать с Мариной, – подвел итог разговора о кладовщице Ленька Копыш.

– Побеседуем, – пообещал Прогудин и, обращаясь к Копышу, спросил: – Ты у нас кто?

– Слесарь, – растерявшись от такого вопроса, ответил Ленька. – А что?

– А то, что начальство у нас знает без тебя, чем заниматься. – Сергей Борисович нахмурился. – Понял?

– Понял, – буркнул Копыш. – Сказать уже ничего нельзя.

– На собрании будешь говорить.

– Ладно, Борисович, не горячись, – добродушно глянув на него, проронил Кутько. – Домой пора...

Рабочие стали расходиться. Смена вскоре закончилась.

III

За проходной Ивана Даниша нагнал Кутько. Некоторое время они шли молча. Потом, как бы между прочим, Сергей Иванович спросил:

– В общежитии у тебя все нормально?

Парень пожал плечами.

– Нормально.

– Алексей к родителям уехал?

– Да.

– Понятно... Невеста у него есть?

Даниш насторожился, глянул искоса на бригадира: лицо серьезное.

– А что?

– Просто так, спрашиваю.

– Есть.

– А у тебя?

Иван сделал вид, что не понял вопроса.

– Ты извини меня. – Кутько смущенно кашлянул в кулак. – Я вижу, нравится тебе наша кладовщица...

Даниш, внутренне напрягшись, молчал.

– Дурного не думай. Ты у меня в бригаде и мне, сам понимаешь, не все равно. Я, может, и не говорил бы тебе этого, да Михайловна правильно сказала: молодым с Мариной надо побеседовать. Вот ты и возмись за это дело. В кино пригласи, а может, и вправду к ней домой сходи. Глядишь, и сойдетесь, поженитесь. Вам хорошо и производству польза: раньше времени Залесская со смены уходить не будет. Договорились?..

Кутько остановился, пытливо поглядел в глаза парню. Иван опустил голову и тихо, с затаенной болью, проговорил:

– Я бы, Сергей Иванович, женился на Марине, да только она со мной жить не будет.

– Это почему? – не понял бригадир.

– Не нравлюсь я ей, – совсем тихо и как-то обреченно сказал парень. – Да и где жить, если бы даже мы поженились... Квартiry у меня нет, а Марина в общежитие, думаю, не пойдет – городская.

– Ты не спеши с выводами? – Сергей Иванович покрутил головой. – Молодые вы еще, все впереди.

– Что впереди? – вскинув глаза, спросил Даниш.

– Квартира, все остальное, – уточнил Кутько.

– Не будем об этом, – оборвал неприятный разговор Иван.

– Ладно. – Сергей Иванович протянул руку. – Не будем, так не будем. До свидания, мне в другую сторону...

По-мужски, неумело, влез в душу парня бригадир. Растревожил чувства к Марине, сказал прямо, что знал. Значит, не секрет уже в цехе, что равнодушен он, Иван Даниш, к кладовщице. Может, и она знает?..

Эти мысли совсем расстроили его. В общежитие с таким настроением ему идти расхотелось. Он сел в первый, пришедший на заводскую остановку автобус, и уехал в город. Долго бродил по улицам, со щемящей грустью поглядывал в светящиеся окна жилых зданий и думал о Марине.

IV

Город уже спал. По мокрому асфальту полз едва заметный туман. Равнодушно мигали светофоры. На них смело катили редкие в такой час автомобили.

Марина со своей подругой Ниной возвращались с танцплощадки. Все маршрутные автобусы давно ушли и девушки шли пешком.

– Скука. – Нина зевнула. – Целый вечер на танцплощадке пропрыгали, а домой без кавалеров идем.

– А ну их, – равнодушно отозвалась Марина. – У них всех одно в голове.

– Так уж.

– Так. – Марина привычным движением откинула назад спадавшие на глаза золотистые волосы, поправила шарф. – Без провожатых доберемся.

– А мне вот провожатого не хватает.

– Появится еще. Не торопись.

– Злая ты на парней. Может, свою школьную любовь забыть не можешь?

– Петьку, что ли?

– Его.

– Ну, ты даешь... Он же, кроме своей гитары, никого не видел и не видит. Одно слово – музыкант. Поцеловались пару раз, вот и вся любовь.

– А сейчас никто не нравится?

– Ты не согласишься, но никто.

– Точно?

– Зачем мне тебя обманывать.

– А Лешка из твоего цеха?.. Ты как-то говорила.

– Да я и сама не пойму.

– Значит, пока у тебя ничего ни с кем не клеится.

– Значит...

– Люську на танцах видела? – чтобы переменить разговор, спросила Нина.

– Видела.

– Опять во всем новом. И откуда у людей столько денег?

– Папа – заведующий магазином.

– Да-а?

– Да. А ты что думала?

– Везет же людям. Сама худющая, глядеть не на что, а разоденется – фирменная девочка, ничего не скажешь.

– Приоденемся и мы.

– Когда? – Нина невольно окинула взглядом поношенную болоньевую куртку подруги, глянула на свои застиранные до белых пятен джинсы. – До светлого будущего, о котором нам с тобой в школе талдычили все десять лет, мы не доживем, а в настоящем нас не жалуют. Только и знают, что призывают к скромности. Мол, при социализме все равны, все живут одинаково. Ты веришь в это?.. Молчишь – и правильно делаешь. Вот какая твоя зарплата?.. Сто двадцать рублей?.. Еще нормально. А моя – восемьдесят. Лаборантке больше не положено. Отца у меня нет – сбежал. Помощи ждать не от кого...

Это Марина слышала уже десятки раз: когда Нина была не в духе, она всегда жаловалась на свою судьбу.

– Все на своем горбу, все!

– Не прибедряйся.

Нина нервно усмехнулась, привычным движением пальцев растерла ямочку на своем выступающем вперед подбородке. Ее круглое, полное лицо начало покрываться красными пятнами.

– Я не прибедряюсь, я так... Тошно. По телевизору одно говорят, а в жизни совсем другое... Кто наглее, тот и живет. Вот время пошло.

– Всегда так было. Что при царизме, что при нашем социализме. Люди у нас такие.

– Какие?

– Завидущие.

– Да?

– Да.

– Наверное...

Они замолчали. Брели по тротуару не спеша, думали каждая о своем. На улице было тихо. Неоновые вывески, казалось, понимающе и насмешливо смотрели на них.

– Вот и пришли. – Нина остановилась. Она жила в трехэтажном старом доме рядом с площадью Октябрьская. – Зайдешь?

– Поздно уже.

– Ничего не поздно. Подождут тебя твои старики. Пошли. У меня дома никого нет, мать в третью смену работает. Ну?..

– Ладно, на минутку, – сдалась Марина.

Нина повеселела.

Они поднялись на третий этаж по крутой обшарпанной лестнице. Нина достала ключ, щелкнула замком.

– Проходи.

Марина хотела разуться, но Нина запротестовала:

– У нас не убрано. Проходи, проходи в зал, я сейчас.

Она ушла на кухню. Марина села на диван, взяла газету, пробежала глазами несколько строчек и положила обратно: читать не хотелось. Встала, прошла по комнате. Все здесь было ей знакомо с первого класса, когда подружилась с Ниной. За эти годы в квартире почти ничего не изменилось: старенький телевизор «Рекорд-б», одежный шкаф, журнальный столик, два кресла, с десятков вазонов. Разве что новый палас появился, да светильник...

– Марина! – послышался Нинин голос из кухни. – Иди сюда.

На столе, застланном зеленой клеенкой, стояли овощной салат, яичница, открытая консервная банка со ставридой и полбутылки крепленого вина.

– Садись, поужинаем. – Нина пододвинула стул. – Гулять, так гулять. Ну...

Выпив, размякли.

– Слушай, – оживилась Нина, – а давай выйдем замуж. За людей серьезных, пусть немолодых, но с деньгами. Ну их, этих малолеток. Что с них толку, а?

Марина удивленно посмотрела на подругу.

– Шутишь?

– Нисколько. Я об этом давно думаю. Любви все равно нет. А если и есть, меня никто не полюбит. Толстая я, нестандартная. – Нина хлопнула себя своей крупной красной ладонью по щедро налитому колену. – Не тот сорт. Ты – другое дело...

– Не преувеличивай.

– Ладно, не будем.

Нина взяла пустую рюмку, отрешенно уставилась на нее.

– Тяжело нам с мамой: одни да одни. А я не хочу быть одной. И копейки до полочки тоже считать не хочу. Я тебе об этом как-то говорила, но ты всерьез не восприняла. Вот найду себе хорошего человека и выйду за него замуж. Пускай он будет уже в годах. Ну и что. Главное, с достатком. Ну и, конечно, не жмот.

– Ты просто сегодня не в духе, вот и плетешь разную ерунду. – Марина встала. – И вообще, я думаю, все будет нормально. Люди живут, женятся, выходят замуж, получают жилье... Мы не исключение, все у нас еще впереди.

– Ага, надейся и жди. Как в песне. Но я не хочу ждать светлого будущего, надоело. Люська вон вся в заграничных шмотках ходит, и в институте учиться. Мы же с тобой работаем, а того не имеем, что эта мымра.

– Далась тебе эта Люська.

– Обидно просто. Ты не сердись.

– Да что уж. Я пойду.

– Осталась бы на ночь.

– Не-а.

Марина оделась.

– Пока.

– До свидания.

Проводив подругу, Нина села на кухне за стол и от нахлынувшей жалости к себе заплакала.

V

Среди ночи в квартире Залесских резко и протяжно зазвонил телефон. Павел Семенович осторожно, чтобы не потревожить жену, поднял с мягкой перины свое тучное, но еще крепкое, несмотря на пенсионный возраст, тело, вышел в коридор, снял трубку.

– Слушаю.

– Это Павел Семенович?

Далекий женский голос спрашивал вежливо и почтительно.

– Да.

– Сегодня утром скорый поезд «Варшава – Москва» прибывает в Минск. Встречайте своего друга. Встречайте.

В последнем слове, показалось Залесскому, были повелительные нотки.

Он хотел было спросить, кого именно встречать, но услышал короткие гудки. Повесив трубку, недоуменно подумал: «Кто бы это мог быть?..» Не находя ответа, поплелся в спальню. Заметив в приоткрытую дверь Мариной комнаты пустую кровать, раздраженно подумал: «Гуляет, паскуда... Третий час ночи...»

В спальне Павел Семенович помалу успокоился, но сна уже не было – из головы не выходил телефонный звонок и холодно-вежливый голос: «Встречайте...» Разболелась голова.

Залесский опять встал, рассеяно поглядел на жену. Раскинувшись на широкой кровати, она спала. Из-под расстегнутой ночной сорочки виднелась дряблая шея и расплывшаяся грудь.

– Черт бы все побрал, – прошипел зло Павел Семенович.

Выпив таблетку анальгина, он оделся и вышел на улицу. Не замечая сырости, долго стоял, пока поймал такси.

Ночь неторопливо таяла. Неоновая вывеска «Вокзал» призрачно глядела своими зелеными глазами на бледный восход солнца, слегка окрашивающий небо. На Привокзальной площади в несколько рядов стояли такси – ждали скорый поезд. Перрон дремал. Лишь в зале ожидания было многолюдно. У буфета выстроилась длинная очередь. Павел Семенович встал в нее. «Встречайте...» – не покидала его тревожная мысль.

Высокая румяная буфетчица то и дело отвлекалась. Это еще больше раздражало Залесского. В другой раз он бы не сдержался, но теперь вместе со всеми топтался, терпеливо ждал своей очереди. Наконец, она подошла.

– Какао, – буркнул Павел Семенович. – Со сливками.

Взял горячий стакан, пошел к столику.

– Сдачу возьмите, – услышал позади голос буфетчицы.

Вернулся, не считая, высыпал копейки в карман, отпил из горячего двухсотграммового стакана обжигающий напиток и тупо уставился в окно...

Неожиданно из громкоговорителя раздалось:

– Уважаемые пассажиры, скорый поезд «Варшава – Москва» прибывает на станцию «Минск».

Залесский торопливо допил оставшийся какао и с похолодевшим сердцем вышел на перрон.

«Кого встречать?.. Зачем?..»

Над железнодорожными путями висело застланное дымкой солнце. Его лучи падали на рельсы, желтозубо кривлялись и дрожали при приближении пассажирского состава. Спустя минуту они исчезли: скорый прибыл.

Перрон тут же оброс народом, наполнился людским говором, смехом. Шум помалу начал стихать, когда поезд стал отправляться. Вскоре перрон опять опустел. Вдоль железнодорожного полотна прохаживались лишь несколько человек. Из них выделялся тонконогий подтянутый старик в меховой куртке. Павел Семенович присмотрелся и облегченно вздохнул: он узнал Анджея Мозолевского, своего старого знакомого из Польши...

Приезжий, почувствовав на себе взгляд, повернулся. Глаза Залесского и гостя встретились. Какое-то мгновение они смотрели один на другого. Наконец, Павел Семенович суетливо поправил галстук и подался к приезжему.

– Анджей?

– Я.

Они резко и холодно обнялись.

– Не ждал тебя. Надолго?

– Нет, я проездом.

– Отойдем, поговорим...

Залесский взял из рук гостя чемодан, воровато зыркнул по сторонам и направился в сторону сквера.

VI

Когда-то у Павла Семеновича Залесского была другая жизнь. Отец его, Семен Демьянович Залесский, имел в своей собственности обширный хутор под Кобрином, что на Брестчине, держал большое хозяйство. Мужик расчетливый и скупой, он решил выгодно женить своего младшего сына. Остальные сыновья, а их всех было шестеро, поженились. В невестки Павлу Залесский-старший присмотрел дочь лавочника – девушку худосочную, простоватую, но с богатым приданым. Павел был не против этого брака, сулившего ему сытную жизнь. Однако женитьба не состоялась – 1 сентября 1939 гитлеровская Германия напала на Польшу, а уже 17 сентября на землю Западной Белоруссии, на территории которой был и хутор Семена Демьяновича Залесского, вступила Красная Армия. Спустя месяц большую часть земли, а также хозяйственные постройки и живность семьи Залесских оккупационная власть национализировала. Семен Демьянович попытался сопротивляться, даже выстрелил из охотничьего ружья в воздух, но тут же был схвачен, арестован и отправлен в местное НКВД. Его немедленно осудили и сослали в Сибирь. Мать Павла, женщина слабая, набожная, не перенесла этого и вскоре умерла. Лавочника вскоре тоже осудили, вроде бы за спекуляцию, а его дочка вышла замуж за местного учителя, который по идейным соображениям поддержал Советскую власть.

Все, что задумывалось Залесским-младшим, и должно было осуществиться, как-то быстро рухнуло. Затаив зло на Советы, Павел стал тихо жить в отцовском доме, половину которого отдали под склад. От природы боязливый, слабовольный, он, наверное, прожил бы так всю жизнь, если бы не Отечественная война. Но его забрали в армию. Уже через неделю, в новеньком обмундировании, он ехал на полуторке с бойцами навстречу фронту.

Погода в тот день стояла душная. Трава по обочинам дороги никла, желтела и начинала скручиваться, хотя до осени было еще далеко. Лениво покачивались обсыпанные пылью листья на кустах и деревьях. В небе было ясно и необычно тихо. Хотелось спать. И тут неожиданно налетели немецкие самолеты. Посыпались бомбы. Небольшая колонна грузовиков с солдатами в беспорядке остановилась, задымила. Рядового Залесского кинуло взрывной волной через борт машины в сторону...

Когда он очнулся, то сначала ничего не понял: вокруг было тихо-тихо, и только откуда-то издали доносился монотонный, приглушенный звон. Рядом лежала перевернутая полуторка. Возле покоренной кабины корчился в предсмертных судорогах шофер, его правая нога, прижатая колесом, обгорела. На ней виднелась красновато-желтая гноящаяся кожа...

Залесский поднялся, хотел было помочь шоферу, но из-за машины вышел рослый немец с автоматом на груди. Он молча взял за плечо Залесского, повернул и грубо толкнул в спину.

– Шнель!..

Не обращая внимания на умирающего шофера, повел на дорогу. Неподалеку толпились плененные красноармейцы. Всех их охранники с собаками погнали к ближайшей деревне, закрыли в сарае. Несколько суток держали без еды, почти не давали пить. Наверное, некоторые из пленных умерли бы или сошли с ума, если бы не пошел проливной дождь. Он лился сквозь дырявую крышу, а они, голодные и измученные, стояли с раскрытыми ртами и ловили живительные струйки. Красноармейцы немного ожили, но ненадолго. Их вывели из сарая и погнали к лесу. Возле глубокой канавы построили в две шеренги, направили пулеметы. Залесский сразу же обмяк, дышать ему стало трудно. Хотелось закричать, но он лишь просипел:

– За что?..

Стоявший рядом сержант прикрикнул:

– Молчи!..

Залесский с ненавистью глянул на него и, захлебываясь, закричал:

– Ты молчи, ты, ты!..

Он толкнул впереди стоящего красноармейца и пошел к немцам.

– Я не хочу, не хочу умирать!..

Вперед вышел немецкий офицер и на чистом русском языке спросил:

– Кто еще не хочет умирать?

Из передней шеренги пленных сделал боязливый шаг вперед невысокий худощавый боец с перебинтованной наспех рукой. Он ничего не говорил, только кривился в нервной усмешке. На его грязном испуганном лице застыли маленькие глаза, а с костистого носа обвисала большая капля пота...

– Хорошо, – удовлетворенно ухмыльнулся офицер. – Жить всем хочется. Еще есть?..

Пленные молчали.

– Фойе! – махнул рукой офицер, махнул так легко и спокойно, точно где-нибудь на людной улице увидел милое ему женское лицо.

Вздвигнув, взвыли пулеметы. Небо колыхнулось и, показалось Залесскому, стало падать...

По приказу офицера, Павел и второй вышедший боец присыпали трупы землей. Обоих после этого немцы посадили в грузовик и повезли с собой. Но по дороге случилось неожиданное: уцелевшая группа отступающих красноармейцев напала на фашистов. В затянувшейся перестрелке пленные – Павел Залесский и раненый в руку боец – сбежали.

Залесский подался за Пинск, прибил к затерянной в полесских болотах крохотной деревеньке, где отрастил усы, бороду и прожил у одинокой сердобольной старухи всю войну, прикидываясь убогим и больным. После победы над фашистской Германией, когда с фронтов начали возвращаться немногие уцелевшие мужики, и стало выясняться, кто и где был в лихие годы, как воевал и что делал, Залесский решил уходить с деревеньки и прописаться в каком-нибудь городе, где можно легко затеряться. Так Павел Семенович оказался в Минске. Он сменил несколько занятий, прежде чем нашел себе работу по душе – устроился кладовщиком на хлебозавод. Приворовывая, жил сытно и тихо. Женился поздно, лишь в конце 50-ых. Супругу взял себе под стать – женщину хозяйственную и прижимистую, работавшую в заводской столовой поваром. Молодые сняли угол в коммуналке. Дети обзаводиться не торопились. «Успеется одеть это ярмо», – говорил Павел Семенович. Жена, Зинаида Григорьевна, молчаливо соглашалась. Только когда получили благоустроенную квартиру, решили заиметь ребенка. Родилась дочь. Воспитывали ее Павел Семенович и Зинаида Григорьевна строго – ничего лишнего. Ограничивали ребенка даже в самом необходимом – игрушках, одежде.

К старости Залесские стали еще скупее. Павел Семенович все чаще стал задумываться, где бы найти богатый источник дохода. Планам этим помог осуществиться случай.

В день пятидесятилетия жены Залесский против своего обыкновения решил сделать ей подарок. В магазинах ничего подходящего он не нашел и отправился на Сторожевский рынок.

На небольшом пятачке земли, окруженном ветхими постройками старого города, былолюдно, шумно и по-летнему, несмотря на начало осени, душно. Минчане и жители близлежащих деревень продавали собак и кошек, поросят и птицу. Тут же предлагали свой товар выходцы из других городов и союзных республик.

Деловитые черноусые горцы расхваливали кожаные пиджаки и туфли. Добродушные аксакалы в тубетейках предлагали купить цветастые халаты и кофты. Северные соседи из Прибалтики озабоченно показывали прошитые молниями и заклепками модные куртки и брюки...

Меж торговых рядов суетились говорливые цыганки. Одни из них продавали шерстяные платки и игральные карты, другие гадали, третьи скупали различные товары, чтобы выгодно сбыть их где-нибудь в другом месте.

Были на рынке и зарубежные туристы, в основном поляки. Озираясь по сторонам, они предлагали помаду, солнцезащитные очки, бижутерию...

Залесский, ничего не купив, направился к выходу, когда его остановил за руку молодой поляк с модной бородкой и глазами показал на фен, лежащий на огромной сумке.

– Дешево продаю, бери...

Павел Семенович, примерившись к цене, купил.

– Возьми и это. – Поляк достал из внутреннего кармана пиджака губную помаду. – Дешево...

Залесский отказался. Тут же к торговцу подступила верткая рыжеволосая женщина.

– Сколько стоит? – быстро спросила она.

– Пять рублей, – ответил поляк.

– Еще есть?

– Есть.

– Беру по три рубля все.

Поляк, помявшись, извлек из сумки увесистую коробку и отдал рыжеволосой. Она, рассчитавшись, тут же растворилась в толпе.

– Для чего ей столько, – спросил Павел Семенович длинноногого прыщеватого парня, который тоже наблюдал за этой сделкой.

Парень смерил презрительным взглядом Залесского и небрежно ответил:

– Перепродаст по рублей семь. А может, и по большей цене...

Озадаченный Павел Семенович направился домой, прикидывая по дороге выручку спекулянтки. Выходило, что она заработает, по меньшей мере, половину его пенсии.

С того дня он зачастил на рынок. Вскоре начал скупать мелкие товары. Продавал их с помощью жены. На Сторожевке познакомился с Анджеем Мозолевским – парикмахером из Люблина, который регулярно привозил ходовые товары. Левое ухо поляка было обезображено какой-то давней раной.

– Что это у тебя? – спросил как-то Залесский у Анджея Мозолевского.

– Подстригался у одного молодого, неопытного парикмахера, а он мне ножницами по уху... Чуть голову не отрезал. Представляешь?..

Павел Семенович, представив, невольно вздрогнул.

– Это же членовредительство. За такое от работы отстранять надо, а то и убивать.

– А я и убил, – нахмурившись, выдал поляк. – Потом.

– Шутишь?

– Шучу...

Любивший шутки, он был серьезен в торговле. Поэтому и приехал опять...

– Ты чего так внезапно, случилось что-нибудь? – спросил Залесский, подозрительно глядя на Мозолевского.

– Нет, нет... Трудно вырваться сейчас. – Поляк виновато усмехнулся, нервно почесал несколько длинноватый, высыхающий нос. – Непокойно у нас.

– Как непокойно? – не понял Павел Семенович.

– Кризис. Поэтому люди недовольны, бастуют...

– Как бастуют?

– Не выходят на работу, требуют смены власти.

– Не пойму я.

– Не будем об этом. Наше дело – коммерция.

– Ладно. Что привез?

– Целлофановые пакеты.

– Много?

– Целый чемодан.

Сговорившись о цене, Залесский забрал чемодан и поехал домой. Марина уже была дома, спала. Жена чистила на кухне картошку.

– Ты где был? – зевая, спросила она.

Павел Семенович рассказал.

– Как же все продать? – Зинаида Григорьевна задумалась. – Это же столько пакетов!..

– Марина поможет, – высказал давно зреющую мысль Залесский.

– Ребенок еще, – возразила жена.

– А по ночам шляться не ребенок?! – вспыхнул Павел Семенович. – Двадцать лет сейчас исполниться. Пускай учиться жить!..

Зинаида Григорьевна замолчала. Залесский угрюмо выпил стакан молока и пошел досыпать. Раздеваясь, сухо заметил:

– Анджей поехал в Москву. Через неделю будет ехать обратно. Надо отдать ему за пакеты деньги...

VII

Иван с трудом разлепил сонные глаза. В комнате было тихо. Сквозь тонкие шелковые шторы заглядывала набухшая синь неба. В раскрытую форточку пробивался ветерок. Он лениво гонял едва видимые пылинки, поднимая их со стола, тумбочек, телевизора...

Отбросив одеяло, Иван сел на кровати. Ему вспомнилось вчерашнее. Чтобы не думать о нем, не мучить себя мыслями о Марине, он резко поднялся, сделал физическую зарядку и пошел в умывальник.

В коридоре было прохладно. В углу, на недомытом полу, блестела широкая лужа, рядом лежала мокрая тряпка. «Мишка Цыбульский дежурит», – сразу определил Иван. Он не любил этого парня, хотя знал его мало, больше по внешности. Невзрачный, болтливый, он одевался всегда вызывающе модно.

Мишка, стоя перед зеркалом в умывальнике, аккуратно подбривал свои холеные черные усики.

– Здоров, – буркнул Иван.

– Приветствую, – не поворачивая головы, ответил Мишка.

Он был в новеньких джинсах и в голубой майке с броской надписью «Адидас».

Иван умылся, побрился и пошел одеваться, а Мишка все еще стоял в умывальнике, внимательно всматриваясь в свое зеркальное отображение. Домывать пол он явно не торопился.

Часы уже пробили 10—00. По радио передавали последние новости. Диктор одинаково бесстрастным голосом говорил о подготовке трудовых коллективов к проведению Ленинского коммунистического субботника, продолжении космического полета Владимира Ляхова и Валерия Рюмина на борту орбитальной станции «Салют-6», всеобщей забастовке государственных служащих Великобритании, Китайской агрессии против Вьетнама, наводнении в Польше... И только когда заговорил о паводке на Полесье, немного оживился. В словах диктора зазвучали нотки сопереживания:

– При участии первого секретаря Центрального Комитета коммунистической партии Белоруссии Петра Мироновича Машерова правительственная комиссия и руководители пострадавших от наводнения областей с учетом создавшейся обстановки разработали дополнительные меры по борьбе со стихией и ликвидацией последствий затопления. Перед всеми партийными, советскими и хозяйственными организациями поставлены четкие и конкретные задачи: обеспечить доставку во все отрезанные населенные пункты продовольствия, уберечь от разрушения жилища и хозяйственные постройки, использовать все возможности для спасения сена и других кормов, вывозки картофеля, свеклы с буртов и кагатов...

Внимательно выслушав, Иван выключил радио, сел завтракать. Ел нехотя, через силу. Вместе с весенним теплом в тело, казалось, вливалась какая-то слабость, сонливость. Иван хотел было после завтрака прилечь, но в дверь постучали, и в комнату вошла воспитательница общежития Зоя Владимировна Чуйко, молодая бойкая женщина.

– Сегодня уборка территории, – коротко сказала она. – Собирайся.

Делать было нечего. Иван оделся и пошел во двор. Там уже работали. Несколько человек, в основном ребята, вскапывали грядки. Девушки убирали мусор, подметали площадку. Иван взял лопату и направился к грядке. Его встретили довольно.

– Нашего полку прибыло.

– Подмога добрая.

– Выбирай себе делянку...

Иван очертил для себя сравнительно большой участок, по-хозяйски поплевал не руки и взялся за работу. Лопата в землю входила легко, черенок тут же почернел от жирной и липкой земли. Данишу вспомнилась Долинщина, родная деревня Заболотье, прибывная вода... И захотелось ему домой, подальше от этой городской суетливой жизни, от своего общежития, в котором жило несколько сотен человек, но не было среди них ни родственников, ни друзей, за исключением Алексея, ни просто хороших знакомых, с кем можно было бы просто посоветоваться, излить свою душу.

Соскучившись по сельской, привычной с детства работе, Иван копал умело, даже ожесточенно. Любовные чувства к Марине, роившиеся внутри его, помалу заглушались и, казалось, с испариной земли поднимались высоко-высоко в небо, чтобы там, то ли исчезнуть, то ли вернуться через какое-то время с новой силой.

VIII

Воспитательница общежития Чуйко устало присела за письменный стол в своей комнате на первом этаже, которая служила жилищем и кабинетом одновременно. «Старею, – подумала она, глянув по привычке в зеркальце. – Старею...» На ее худощавое, скуластое лицо, тронутое мелкими, но уже заметными морщинками, напозла тень старой подруги – грустной и неопределенной задумчивости.

Просидев неподвижно почти с полчаса, Зоя Владимировна равнодушно взяла из пришедшей почты лежавшее сверху письмо. Вскрыла его. На специальном бланке со штампом районного отдела внутренних дел на пишущей машинке было отпечатано:

Товарищ Чуйко З. В.

Вечером 16.04.79 г. доставлен в отделение милиции гражданин Цыбульский Михаил Яковлевич – жилец вашего общежития. Гражданин Цыбульский возле ресторана «Планета» приставал к иностранным гражданам с незаконными, порочащими честь и достоинство советской молодежи просьбами – продать ему джинсовую одежду. Просим разобраться и принять меры.

Младший лейтенант Захарченко В. П.

Зоя Владимировна еще раз перечитала письмо. Ее внутренняя неудовлетворенность тут же переросла в злость. Она с раздражением глянула в окно, выискивая глазами Цыбульского. Опершись на грабли, он спокойно курил.

– Мишка, – крикнула Чуйко в форточку, – зайди ко мне!

Цыбульский, не спеша, докурил сигарету, сплюнул и, под насмешливые взгляды работающих, гуляющим шагом пошел в общежитие.

– Ну? – строго встретила его воспитательница. – Рассказывай...

– Что рассказывать? – догадываясь, в чем дело, но, притворившись, что не понимает, спросил Мишка.

– А то ты не знаешь? – с ехидством проговорила Зоя Владимировна. – На вот, почитай...

Она сунула под нос парню письмо.

Цыбульский внимательно прочитал. Его короткие усики дрогнули. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Ну? – смягчаясь, уже менее строго повторила Чуйко.

– Да не виноват я, Зоя Владимировна, – обиженным голосом проговорил Мишка. – Джинсы хотел купить, вот и все.

– В магазине не мог купить? – Чуйко деланно нахмурилась. – А?..

– Зоя Владимировна... – Цыбульский иронично и жалостливо улыбнулся. – Вы же знаете, что у нас в магазинах такие штотки не продают.

– Не продают, и не носи такие, – посоветовала воспитательница.

– Так все же носят.

– Не все.

– У кого есть, те и носят, – поправился Мишка и тут же соврал: – Первый и последний раз я хотел купить не просто нормальные брюки в магазине, а эти проклятые штаны – джинсы... Извините...

Чуйко устало вздохнула.

– Ладно, иди, но чтобы больше такого не было.

– Зоя Владимировна, честное комсомольское, – приложив к сердцу руку, благодарно проговорил Цыбульский. – Все.

Что «все», он не сказал. Но Чуйко сделала вид, что поняла и поверила. Когда Цыбульский ушел, она положила письмо на стол и опять задумчиво уставилась в окно: день как всегда проходил в унылых и надоевших хлопотах. А хотелось, и этому способствовала весна, чего-то большого и хорошего.

IX

Уборку территории, прилегающей к общежитию, закончили поздно вечером. Иван, не переодеваясь, прилег в своей комнате отдохнуть. Едва закрыв глаза, сразу же уснул: сказались поздняя ночная прогулка, переживания, нелегкая работа на свежем весеннем воздухе. Приснился ему странный сон. Будто приехал он домой к родителям с Мариной и говорит: «Вот, жениться решил...» И только хотел вместе со своей невестой войти в дом, как соседская собака, шерсть у которой черная, короткая, сорвавшись с цепи, бросилась под ноги Марине и стала громко и злобно лаять, отгонять ее от Ивана. Как он ни просил собаку успокоиться, как ни грозил ей, ничего не помогло. Только когда схватился за жердь, что лежала у забора, и замахнулся на собаку, та убежала. Но вместе с ней вдруг пропала и Марина. Иван видит это, оглядывается, ищет глазами, а ее нигде нет. Родители между тем как будто ничего не замечают, приглашают его в дом. И тут опять появляется черная соседская собака. Уже ласковая, она становится на задние лапы, вроде как обнимает, пытается лизнуть в лицо. Иван отталкивает ее и... открывает глаза.

Проснувшись окончательно, парень провел рукой по вспотевшему лбу. Повернув голову, увидел на спинке стула куртку Алексея, а рядом – объемистую дорожную сумку. «Когда же он приехал? – недоуменно подумал, соображая. – Интересно...»

Иван поднялся, обул тапочки, и пошлепал в умывальник.

Алексей, раздевшись до пояса, умывался.

– С прибытием, – поздоровался Иван.

– Приветствую. – Алексей крепко пожал руку друга. – Что в общежитии?

– Что было... Ты чего не разбудил?

– Спал сладко.

– Так уж... – Ивану вспомнился сон, но он тут же отогнал мысли о нем, спросил: – Сам чего не отдыхаешь с дороги?

– Дай умоюсь.

– Давай.

Вытираясь, Алексей поинтересовался:

– А как дела на заводе?

Иван пожал плечами:

– Нормально. Станок сдали.

– Так быстро?

– План, сам знаешь. В начале месяца – раскочка, а в конце – аврал, все – бегом.

– Ясно...

– Ладно тебе. – Иван шутливо толкнул в начавший набирать жирок живот Алексея. – Поправился, гляжу... Расскажи лучше, что дома.

Алексей хмыкнул:

– Да все по-старому... Потом расскажу. Пошли, перекусим.

– Пошли, – охотно согласился Иван, соскучившийся по домашней пище.

Алексей вынул из сумки мясо, домашнюю тушенку, кусок сала, десяток яиц, каравай белого хлеба, варенье, мед – все, что мать заботливо положила ему, провожая в столицу. Сели за стол.

– Так что дома? – аппетитно откусывая приправленное луком запеченное мясо, переспросил Иван.

– Вода: ни пройти, ни проехать. Дамбу прорвало, еле засыпали.

– Родители как?

– Живут. Мать опять уговаривала, чтобы оставался.

– Тяжело им, конечно. Село – не город, с утра до вечера – работа. Сам это хорошо знаешь.

– Да, нелегко.

– Галю видел?

– Ага.

Они замолчали.

– Евсей умер, – прерывая паузу, обронил Алексей.

Иван перестал жевать.

– Как?

– Да кто его знает! – с неожиданным раздражением буркнул Алексей. – Умер и все.

– А ты чего нервничаешь?

– Я не нервничаю, это так.

Он встал, пошел к кровати. Разувааясь, извиняющимся голосом попросил:

– Убери стол сам, а я спать... Хорошо?

– Хорошо.

Иван принялся за уборку. Вынося в коридор остатки пищи, мусор, заметил:

– Тебе с университета звонили, забыл сказать...

Алексей уже не слышал. Проваливаясь в сладкое забытье, он засыпал.

Х

Едва Сергей Иванович Кутько вышел из дома, как сердце застучало – тяжело, глухо.

«Опять...»

Сергей Иванович машинально достал валидол, положил таблетку под язык. Горьковатый холодок успокаивающе разлился во рту. Стало немного легче. Но все равно сердце ворочалось как-то неуклюже, рывками и Кутько тут же, у подъезда, сел на скамейку, внутренне напрягся...

Сердечные приступы были у него в последнее время часто. Временами схватывало сильно, уцеписто, хоть кричи. Об этом Сергей Иванович никому не говорил, даже жене: боль свою носил в себе.

На скамейке Кутько сидел долго, смотрел слезившимися глазами на детишек, шумно играющих во дворе, и невесело думал: «Старость. От пули на войне можно уйти, уходил не раз, а от старости не уйдешь, не спрячешься. Уцепилась – и все, баста...»

Боль все же отступала, сердце набирало привычный ритм. Сергей Иванович поднялся, застегнул на все пуговицы серое демисезонное пальто старого покроя и неторопливо пошел к заводу.

Жил Кутько в старом приземистом одноэтажном доме, застолбившем место в переулке Софьи Ковалевской, в десяти минутах ходьбы от завода радио- и телевизионных футляров. Переулок этот небольшой, дома на нем в основном частные, деревянные, построенные сразу после войны. Весной вокруг них кипят буйным цветом сады, поют птицы, пахнет дурманяще, сладко.

Шагая вдоль забора, над которым колыхались ветки вишен, глядя на набухшие почки, Сергей Иванович довольно отметил про себя: «Затяжелели, видно зацветут до срока. Быстрее бы...»

На завод Кутько пришел бодрый, точно и не было сердечного приступа. Первая смена уже заканчивалась. Сергей Иванович переоделся и пошел в цех. Сменщик, Геннадий Евсеевич Глиншин, мужик худой и высокий, убирал вокруг станка мусор.

– Оставь. – Кутько махнул рукой. – Сам убери.

Глиншин положил щетку, вытер ветошью руки. Уходя, обронил:

- Начальник цеха просил тебя зайти к нему.
- По какому делу, – несколько удивленно спросил Сергей Иванович.
- Не знаю, – буркнул сменщик.
- Ладно...

Кутько убрал мусор, протер станок, проверил инструмент и только тогда пошел к начальнику цеха.

– А-а... – Михаил Антонович Демьянович поднял свое грузное тело. – Познакомься, – он указал на высокого молодого человека со светлыми пышными, неподатливыми расческе волосами, – корреспондент из газеты «Советская Белоруссия» Владимир Петрович Беляков... А это, – начальник цеха повернулся к Сергею Ивановичу, – наш лучший бригадир Сергей Иванович Кутько...

- Здравствуйте, – корреспондент, поднявшись, протянул руку.
  - Добрый день.
  - Ну, – начальник цеха поднялся, – я пошел, а вы тут поговорите.
- Михаил Антонович тихо закрыл за собой дверь.

Сели к столу. Беляков помолчал, разглядывая старого бригадира, потом спросил:

- Здоровье не подводит?

Кутько вскинул брови, однако ответил:

- Бывает.
- Давно бригадой руководите?
- Да уже лет двадцать.
- Тяжело?

– По-всякому. Раньше, что скрывать, тяжелее было, а сейчас привык. Да и люди в бригаде хороши, толковые.

- Вы назовите, пожалуйста. – Корреспондент вынул блокнот, ручку. – Я запишу.

– Записывайте. – Сергей Иванович перебрал в памяти фамилии. – Записывайте... Анатолий Андреевич Пожиток, Семен Денисович Шелягович – это наши, можно сказать, старые кадры... Молодые – Иван Даниш, Алексей Жилевский, мой ученик Саша Стасевич... Да почти все заслуживают похвалы.

- О тех, кого вы назвали, подробнее можно?
- Можно, чего же нельзя.

Бригадир стал рассказывать обстоятельно, неторопливо, выделяя сильные и не утаивая слабые стороны каждого.

– Хорошо. – Беляков положил ручку. – А вот в ком вы видите свою смену, вернее кто, если вы уйдете на отдых, станет на ваше место, будет бригадиром?

В груди Кутько неприятно кольнуло, к голове стало подниматься тепло. «Еще не написал, а уже на пенсию провожает», – неприятно подумал Сергей Иванович и хмуро обронил:

- Поглядим.

Корреспондент, угадав мысли бригадира, улыбнулся.

- Да я не в этом смысле. Извините, если обидел вас.
- Чего уж там... – У Кутько немного отлегло. – Не молодой я, пора и о покое подумать.
- Давайте о проблемах поговорим, – чтобы сгладить неловкость предложил Ермолов. – Что мешает работать?

Сергей Иванович ответил не сразу: было видно, что думал он об этом не раз.

– Первое – это частая неразбериха в организации труда, – начал бригадир. – Ведь что получается. В начале месяца мы ходим – руки в брюки, а в конце – аврал. Давай план – и все. Отсюда – брак, халтура. Да вы и сами об этом знаете, на многих предприятиях так. Второе – быстро стареют наши инженерные разработки. И это притом, что работаем мы в цехе новой

техники. Дали нам чертежи, сделали мы станок, а он уже не той кондиции... Устарел, словом. И третье – не хватает хорошего, современного инструмента. Взять те же сверла, фрезы. Новые – дефицит. Что у нас, железа в стране нет, чтобы инструмент сделать? Есть, а не делаем.

– Дефицит у нас ощущается, что скрывать, – согласился корреспондент. – Это мы знаем, видим. Особенно когда в магазин заходим.

– Во-во, – поддержал Кутько. – А все потому, что мало думаем о завтрашнем дне. Я вот на заводе сразу после войны начал работать, а старые проблемы живут и по сегодняшний день. А ведь все знают, что плохое производство – это плохие товары. Телевизоры, к примеру, наши. Огромные, тяжелые ящики, не поднять. Показывают плохо, звук часто пропадает. Я в прошлом году с делегацией ездил в Финляндию, посмотрелся. Техника у них отменная. Научились капиталисты делать. Одно слово – рынок... Обидно. Что мы, хуже?

– Может, и хуже, – обронил корреспондент и хитро сузил глаза. – Вы-то как думаете?

– Нет, не хуже, – уверенно произнес Сергей Иванович. – Раз войну такую страшную выиграла, Гитлера победили, значит, даже лучше.

Кутько опять замолчал, задумался.

Беляков перевернул листок в блокноте, что-то записал в нем, после чего уверенно сказал:

– Все, думаю, и у нас будет хорошо.

Помолчав, неожиданно попросил:

– А расскажите, Сергей Иванович, о войне, раз о ней вспомнили. Вы ведь с первого по последний день были. Мне начальник цеха говорил.

Кутько провел ладонью по вспотевшему горячему лбу.

– Да что ж рассказывать. Воевали, думали о родных, близких, верили. По-настоящему верили, что победим, знаете...

Только через два часа приступил к работе Сергей Иванович. Кажется, все вроде рассказал он корреспонденту, а пришел к станку, подумал – нет, не все. Много бы еще надо было сказать ему. Чтобы написал он, как оно было, как тяжело приходилось людям, особенно старикам, детям, как все ждали победу и надеялись на лучшую, счастливую жизнь...

XI

Ближе к вечеру Алексей засобирался в университет. Поутюжил брюки, выгладил рубашку, почистил туфли.

Иван, лежа на кровати и искоса поглядывая на друга, задумчиво проронил:

– Может, себе пойти куда-нибудь учиться?

– Почему бы и нет, – проронил Алексей. Вспомнив поэта Сергея Михалкова, продекларировал: – Все профессии важны, все профессии нужны...

– Выбирай на вкус, – с задумчивой грустью закончил Иван. – Ладно, дуй в свой храм науки, а я посплю.

Он отвернулся к стене, закрыл глаза.

– Не нравишься ты мне сегодня ты, – уходя, сказал Алексей. – Вернусь, поговорим.

Хлопнув дверью, сбежал по лестнице вниз. Вахтерша, круглолицая баба Настя, оторвав седую голову от вязанья, скорее из-за служебного этикета, чем из-за личного интереса, спросила:

– Куда это, на вечер глядя?

– В оперу, – шутливо поклонившись, ответил парень.

Баба Настя, глянув вслед на стрелки выутюженных брюк, покачала головой и не то с сомнением, не то с осуждением, проговорила:

– Молодо – зелено.

Факультет журналистики, где учился Алексей, расположился в пятиэтажном, пристроенном к жилому дому, здании по улице Московской, как раз напротив огромного Дома быта. Самое примечательное в этом современном учебном корпусе, не лишенном важности, было

то, что здесь, на втором этаже, находилась столовая – самая обыкновенная, общепитовская, а значит, доступная всем. В ней всегда былолюдно, шумно и весело. Алексей здесь почти всегда встречал своих однокурсников, друзей по заводскому цеху, знакомых. Этот день не был исключением.

Едва Алексей вошел в фойе, как увидел спускающегося с лестницы Игоря Садовского, с которым вместе служили.

– О, какие люди! – блестя золотым зубом, расплылся в улыбке Игорь.

Кого-кого, а Игоря Алексей здесь встретить не ожидал. Игорь – коренной минчанин, сын директора научно-исследовательского института, парень, как шутили в армии, с приданным.

– Привет, – без особого энтузиазма поздоровался Алексей.

– Ты что, учишься здесь?

В глазах Игоря мелькнула, как показалось Алексею, насмешка.

– Учусь.

– Гм... Не зря, оказывается, ты заметки в нашу дивизионную газету строчил. Постой, как это она называлась?

– «Патриот Родины».

– Точно. – Игорь тряхнул своим беловатым чубом. – Ты, скажу тебе, молодец.

– Да ладно тебе. – Алексей смущенно улыбнулся. – Честно говоря, я вначале подал заявление на исторический факультет, а потом решил все же пойти на журналистику. Теперь вот учусь без отрыва, так сказать, от производства, на вечернем отделении... Ты-то где?

– На тракторном заводе. – Игорь с некоторой бравадой хлопнул себя в грудь. – Рабочий класс. Пока слесарем, а там видно будет.

Садовский хитро подмигнул.

– Платят у вас сколько? – поинтересовался Алексей.

– А у вас? – вопросом на вопрос ответил Игорь.

– Я сто шестьдесят рублей в месяц получаю.

– Ну, и я около этого. На столовую хватает, а на ресторан папаша добавляет.

– Понятно.

Алексей не знал о чем говорить дальше.

– Ладно, давай свой адрес. – Игорь вынул записную книжку. – Спешу, друг, извини. Встреча у меня рядом здесь. Понял? Женюсь.

– Да ну?

– Вот тебе и ну.

– И как зовут твою невесту?

– Люся... Между прочим, так называют друзья Людмилу Гурченко, нашу великую актрису.

– Поздравляю...

Записали адреса, телефоны.

– Пока.

Хлопнув бывшего сослуживца по плечу, Садовский побежал.

Когда Алексей вошел в аудиторию, она уже наполовину была заполнена. Стоял шум, гам, как в школьном классе.

– А-а, Лешка. – Первой увидела Алексея голубоглазая блондинка Лариса Филанович, которую однокурсники, успели окрестить куклой Белошвейкой. – Привет!

– Кто к нам пришел, – загудел басом Володя Захаревич, чем-то смахивающий на Владимира Маяковского. – Здорово!

– И вечный бой, покой нам только снится, – продекламировал известные стихотворные строки Александр Луцевич, чернявый симпатичный парень.

– Заходи, заходи, – заулыбавшись, пригласил в аудиторию Алексея Максим Андриевич, потирая острый кончик своего продолговатого орлиного носа.

– Привет, ребята! – поприветствовал всех Алексей.

Ему было приятно, что в этой, по сути дела еще малознакомой аудитории, однокурсники ему обрадовались.

ХII

Марина сидела дома – смотрела телевизор. На экране мелькали кадры далеких афганских гор, перевалов, маленьких селений, в которых телеоператор то и дело выхватывал лица людей в халатах и чалмах. Эти люди были совсем непохожи на тех, кого Марине приходилось видеть каждый день на работе, или на улице. Разница состояла не в одеждах, не в расовой принадлежности, не в образе жизни. Нет. В лицах афганцев сквозило какое-то недоверие, насто-роженность. Казалось, они знают что-то страшное и ждут его. А оно, это страшное, уже приближается, вот-вот наступит...

Голос диктора был похож на голос Левитана, когда он передавал военные сводки, хотя в тексте все вроде звучало оптимистично:

– Афганистан готовится отметить годовщину апрельской революции. Страна, судьбу которой взял в свои руки народ, освобождается от пут вековой отсталости, строит, несмотря на вооруженное вмешательство, империалистических и реакционных кругов, фундамент нового общества. И это, прежде всего, видно по афганской деревне...

Недоверие и насто-роженность в лицах людей никак не соответствовали оптимизму диктора. Марина, посмотрев новости, выключила телевизор, прилегла на диване. Но тут зазвонил телефон. С неохотой поднявшись, взяла трубку.

– Аллю...

На другом конце телефонного провода была Нина. Она звонила с автомата, просила выйти, погулять.

Марина подошла к окну, отодвинула штору. За стеклом уже стужалась темень. Но на улице былолюдно и даже нарядно: блестя лакировкой, спешили в разные стороны автомобили, неторопливо шли, каждый по своим делам, люди. Выделялись молодые пары. Веселые и счастливые они о чем-то оживленно беседовали, смеялись. Марина, сучавшая перед телевизором, сразу повеселела.

– Иду, – коротко сказала она, кладя трубку.

Накинув легкую, из плащевой ткани куртку, щелкнула дверным замком.

– Ты куда? – выглянула из кухни мать.

– Погуляю немного. – Марина открыла дверь.

– Иди, – разрешила Зинаида Григорьевна. – Только ненадолго.

Нина уже стояла у подъезда. В сером плаще, завязанной на шее белой косынке, она выглядела стройнее, чем обычно, красивее.

– Ты сегодня – класс! – заметила Марина.

– А ты думала, – удовлетворенно ответила Нина. – Ну, куда идем?

– А куда ноги несут.

– Тогда пошли на Парковую.

Квартира Залесских располагалась в центре города возле кинотеатра «Победа». Как раз неподалеку от Парковой магистрали – широкой, застроенной современными зданиями улицы, куда по вечерам стекалась молодежь. На Парковой находились известные на весь Минск кафе «Реченька» и «Ромашка», которое прозвали «Рюмашкой». Здесь мостились гостиницы «Юбилейная» и «Планета» с одноименными барами и ресторанами, где можно было весело провести время.

Парковая магистраль славилась еще и тем, что по ней гуляли праздные иностранцы. Наиболее предприимчивые из них прямо на улице меняли свои доллары, франки, фунты

на рубли и устремлялись по магазинам. Закупали матрешки, льняные скатерти, водку, естественно, антиквариат. Как и всегда, Парковая жила своей, особенной жизнью, в которой слово «интернационализм» было не холодным идеологическим штампом, а вполне одушевленным действием. На вид недоступные иностранцы на Парковой магистрали становились обыкновенными, простыми людьми, как и все, и нередко приглашали местных девушек на кофе, а то и на полноценный ужин с шампанским.

– Значит, гуляем? – Марина с вызовом посмотрела на подругу. – Я правильно понимаю?

– А почему бы и нет. – Нина расплылась в улыбке. – Не одной же Люське, этой вешалке, гулять...

В жизни и Марине, и Нине недоставало тепла. А его так им хотелось.

XIII

Занятия на вечернем факультете журналистики закончились раньше обычного: заболел и не пришел на последнюю лекцию преподаватель белорусской литературы Андрей Станиславович Ковалевич.

– Может, сами позанимаемся, – предложила Лариса Филанович.

– Да ты что, – недовольно нахмурив полувыщипанные, крашенные в черно-смоляной цвет брови, хмыкнула Марина Войтович. – Меня ждут.

Она сунула учебник в сумку и демонстративно, подняв кверху и без того вздернутый нос, вышла из аудитории.

– Очень правильное решение, – проводив блудливым взглядом миловидную однокурсницу, прокомментировал Семен Вильчинский и обнажил в широкой улыбке неровные, начинающие гнить зубы.

Его поддержали. Аудитория быстро опустела.

– Ты в общежитие? – на выходе из здания спросил у Алексея Володя Захаревич.

– Куда же еще, – неохотно отозвался Алексей, поправляя от ударившего в лицо сырого ветра шарф. – Домой.

– Давай заедем в студенческое кафе, – предложил Володя. – Недалеко тут. Посидим, поговорим за жизнь.

Алексею никуда ехать не хотелось. Тем более в кафе, в котором был за все время работы и учебы в Минске два или три раза.

– Поздно уже, – заметил он, глядя на часы.

– Поедем, чего ты, – настойчиво попросил Захаревич. – На трамвае одна остановка. Я угощаю.

– Ладно, только ненадолго, – согласился Алексей.

Кафе было забито молодой порослью, одетой кто во что горазд – от мини юбок и туфель на высоченных каблуках до старых кроссовок и вытертых, а вернее протертых до дыр джинсов. Над всем этим совершеннолетним, но еще безусым и роскошным в своем волосяном богатстве молодняком висел густой дым от дешевых папирос и редких дорогих сигарет. Кафе чем-то напоминало растревоженный пчелиный улей. Растревоженный до такой степени, что из-за шума и гама почти не было слышно очкастую симпатичную певицу, которая, приплясывая, исполняла веселую песенку о моряке и его девушке. Все это развеселило Алексея и он, сам себе улыбаясь, осторожно двигался за Володей, который искал свободные места. Наконец, найдя в уголке два незанятых стула, бухнулся на один из них.

– Садись, – кивнул Алексею. – Что пить будешь?

– Не знаю. – Алексей замаялся. – Ты командуешь.

– Тогда пиво и по сто водки. Идет?

Алексей пожал плечами. Захаревич, привстав со стула и дружески хлопнув своей крупной ладонью по плечу однокурсника, подмигнул:

– Будь как дома. Тут все братья и сестры, как в монастыре.

– В монастыре не пьют, – заметил Алексей, сторонившийся выпивок и шумных компаний.

– И ты не пей, – пробасил Володя. – Выпей, но не упивайся. Впрочем, я бы напился.

– С чего это?

Алексей, подыгрывая однокурснику, с шутливой важностью сложил на груди руки и приготовился слушать.

– А с того, что я, наверное, уйду с факультета журналистики.

– И куда?

– В Москву поеду, во ВГИК буду поступать. Слышал о таком?

– Расшифруй.

– Всесоюзный Государственный институт кинематографии.

– Ого! – Алексей положил руки на стол и внимательно посмотрел на Володю. – В кино, значит, хочешь сниматься?

– Может быть, – неопределенно ответил Захаревич.

– Серьезное дело. – Алексей улыбнулся. – Знаю.

– Откуда?

– Да сам снимался.

– Как? – не поверил Захаревич.

– Обыкновенно.

– Выкладывай.

Алексей почувствовал перед однокурсником некоторую свою значимость, и ему стало как-то неловко. Чтобы сгладить эту неловкость, он без всякого зазнайства коротко рассказал.

– В армии я снимался, когда служил. Приехали к нам как-то в батальон киношники, выбрали десять человек и целых полгода снимали. В массовке, конечно. Фильм снимали про войну. Называется «Я хочу вас видеть». Производство «ДЕФА», ГДР. Может, видел?

– Нет.

– Ладно, фильмов много, всех не увидишь.

– А кто в этом фильме снимался?

– Гойко Митич, Евгений Жариков, Петр Вельяминов, Светлана Суховей... Но мне больше всех запомнился Леонид Кмит. Это тот артист, который в фильме «Чапаев» сыграл Петьку.

– Интересно, чем он запомнился?

– Отношением к солдатам и офицерам. Кмит на всех нас глядел с каким-то недовольством, осуждением. Пару раз выговорил, как я понял, свое наболевшее. Мол, ничего в нашей армии за все годы ее существования не изменилось.

– В смысле?

– В смысле обмундирования, культуры... Как ходили в кирзовых сапогах, так и ходят. Как ругались матом, так и ругаются...

– Это мне знакомо – сам служил.

– В общем, такие у меня воспоминания о кино.

– Что ж, мир тесен, – философски изрек Володя. – Давай вместе во ВГИК рванем, а?.. За это и выпьем.

– Нет. – Алексей взялся за рюмку. – У тебя своя дорога, а у меня своя.

– Это так, – согласился Захаревич и поинтересовался: – А ты чего вообще в жизни хочешь?

– Даешь ты. – Алексей крутанул головой. – Это что, так просто: определил – и на всю жизнь? Мой дед говорит: человек думает, а Бог направляет. То есть руководит человеком.

– В смысле – управляет человеческой судьбой?

– Именно так.

- Значит, твой дед верующий?
- У нас в селе почти все верующие.
- А ты?

– Да я и сам не знаю. – Алексей опустил голову. – У нас в семье никто никого не принуждал и не принуждает верить. Внутри это должно быть. А у меня пока с этим пустовато.

- Не у тебя одного. Материалисты мы. По Марксу и Ленину живем.
- Наверное...

Они замолчали и также, молча, выпили. В это время чей-то пьяный голос, заглушая шум и гам, громко возвестил:

- Нех жые Жэчпосполита, Польша!

Голос подхватили, закричали.

- Нех жые!
- Жые!
- Добжэ!
- Вив!..

Алексей и Володя повернули головы на крики. У самой сцены, где исполняла свои нехитрые песенки очкастая, худенькая певица, за сдвинутыми столами сидела группа подвыпивших молодых людей. Среди них было несколько пожилых мужчин. Все вместе, выпив за очередную здравицу, затянули какую-то старую польскую народную песню.

– Смотри внимательно... – Захаревич пододвинул свой стул к Алексею. – Поляки опять буйствуют.

- Чего это? – Алексей ничего не понимал.

– Жизнью своей недовольны. – Захаревич перешел на шепот. – Я сюда часто хожу. Уже два или три раза их в таком состоянии видел. Трезвые – ничего, а выпьют – ругают и свою партийную власть и нашу.

- И все молчат? – Алексей удивился. – Не видят, что ли?..

Захаревич кисло усмехнулся, но ответил не сразу. Отпил из бокала пиво, облизал мокрые губы и только потом проговорил:

- Делают вид, что ничего не видят. Кому охота связываться. Иностранцы все же.

– Они это всерьез? – Алексей тоже перешел на шепот. – У нас тоже жизнь не мед, но мы же живем как-то.

– Вот именно – как-то. – Захаревич пододвинулся к Алексею еще ближе. – Я недавно радио «Свобода» слушал. Так ведущий программы так прямо и сказал: «Польша выйдет из социалистического лагеря и из Варшавского Договора».

- Не может быть, – не поверил Алексей.

– Все может быть, – выдохнул Захаревич. – Все. Это тебе не кино, а жизнь. Ну, допиваем. За все хорошее...

- За все.

Алексей выпил с непонятными, смешанными чувствами, в которых наружу прорывался вдруг откуда-то взявшийся страх.

«Пора домой...»

XIV

В общежитие Алексей возвращался ночью. Пешком.

Пустынный город отдыхал от людской суеты и шума. Меж каменных громадин хозяйничал холодный ветер: колыхал набрякшие ветви одиноких деревьев, безответно стучался в потухшие окна домов, зализывал на асфальте полузамерзшие лужицы.

Алексей, кутаясь в шарф, то и дело закрывал рукой лицо от ветра и не заметил, как его нагнали четверо парней. Один из них, длинноносый, усатый, с короткими черными волосами, обходя Алексея, поприветствовал:

– Здорово.

Алексей замедлил шаг.

– Привет.

– Один гуляешь?

Парень остановился. Стал и Алексей. Какое-то мгновение они молчали. Чувствуя, что сейчас что-то должно произойти, Алексей внутренне напрягся.

– Один, значит, – повторил парень, хмуро сдвинув густые брови.

«Вроде не городской, деревенский», – мелькнуло в мозгу Алексея.

Между тем парень нервно тряхнул головой, провел ладонью по вспотевшему лбу, оставляя на угреватой темной коже белый, неровный след.

– Что надо? – стараясь быть спокойным, спросил Алексей.

– Сейчас узнаешь, – жестко отрезал парень, оглядываясь по сторонам.

Его друзья, стоявшие сзади, подошли ближе, задышали в затылок. И прежде чем Алексей сообразил что происходит, получил резкие удары в спину, в плечо, под дых. Согнувшись – в голову, потом в лицо. С носа тут же потекла кровь. Алексей, тяжело хватая воздух, с трудом выпрямился и со всей силы ударил одного из нападавших в грудь. Но тут же получил несколько прямых и жестких ответных ударов. Готовясь к худшему, Алексей резко качнулся в сторону и стал отступать спиной к зданию. Но его больше не били, решив, видимо, что хватит. С его головы усатый парень сорвал новую ондатровую шапку, после чего он и его друзья быстрым шагом скрылись за углом дома.

– Сволочи! – бросил им вслед Алексей, вытирая кровь.

Придя в себя, он понуро побрел в общежитие.

Иван не спал: лежа на кровати, читал «Тихий Дон». Увидев Алексея, сразу понял, в чем дело. Сочувственно спросил:

– Сильно болит?

– Да так, – неопределенно проговорил Алексей.

Он с трудом переделся, – боли в голове и, особенно, в спине действительно были сильными, – взял полотенце и пошел в ванную. Глядя на себя в зеркало, увидел, что нижняя губа рассечена, на подбородке синяк. «Сволочи», – мысленно опять обозвал он бивших его парней. Чувствуя слабость, поплелся в комнату, прилег на кровать. Заметив сердобольный взгляд Ивана, раздраженно бросил:

– Пройдет, не впервой.

Чтобы не говорить больше об этом, спросил Ивана:

– Ты что ж, раньше не читал Шолохова?

– Читал. – Иван взял роман. Открыв его, с минуту смотрел на какой-то рисунок. – Читал, а теперь вроде как изучаю.

– Зачем? – Алексей медленно повернулся на бок. – Ты же не критик какой.

– Просто интересно. О жизни написано интересно. Читаю и будто все вижу. Вот село ихнее, хаты, огороды, река... Почти все как у нас, на Полесье... И люди такие же, характеры ихние, хоть и столько лет прошло. Гришка, батько его, Аксинья... – Иван опустил голову. – Знаешь, уеду я отсюда, уеду.

– Куда это?

Алексей, не ожидая такого поворота в разговоре, даже привстал. Но тут же, почувствовав резкую боль в спине, опять прилег.

– В деревню свою уеду, – вздохнул Иван.

– Гляди сам, – неодобрительно проговорил Алексей. – Только тебе в твоей деревне тяжело будет.

– Чего это ты так решил?

Иван уставился на Алексея.

– Того, что у вас в деревне жизнь бедная, однообразная и какая-то бесперспективная, что ли. Словом, колхоз.

– У вас в Рубеже тоже колхоз, – напомнил Иван.

– Колхоз колхозу рознь, – рассудительно промолвил Алексей. – Да и не держатся у нас люди колхоза. Каждый год на заработки выезжают. В Сибирь, а то и дальше. А некоторые теплицы строят, огурцы, помидоры выращивают. Потом продают. Выгодное это дело. Женщины семенами занимаются. Прилично зарабатывают. Ты же сам знаешь.

– Знаю. – Иван кивнул. – Из Заболотья нашего тоже начинают выезжать на заработки. Может, и я поеду.

– Может, – передразнил Алексей. – Ты сначала определись, чем будешь заниматься, а потом увольняйся.

– Когда уеду, тогда и определяюсь, – отрезал Иван.

– Из-за Марины все?

В голосе Алексея была жалость.

– Из-за нее, – признался Иван. – Обидно, знаешь.

– На обиженных воду возят, – буркнул Алексей.

– Может, и возят. – Иван надулся. – Особенно, если этого не замечает друг.

– Ты это о чем?

Алексей уставился на Ивана.

– О том, – выдавил он, – что Марина на тебя поглядывает.

– Ты что? – удивился Алексей.

– Я сказал, а ты думай, – выдохнул Иван.

– Этого еще не хватало...

Алексей осторожно лег на спину, закрыл глаза. Хотелось спать, но сон не приходил: внутри все болело. Вдобавок мучили обида и бессилие наказать ни за что избивших его и укравших шапку парней.

– Ты-то когда домой поедешь? – спросил Иван.

– Не знаю, – слабым и каким-то чужим голосом ответил Алексей. – Работа, учеба, да и денег, сам знаешь, в обрез. Не могу я часто ездить.

– Ладно. – Иван выключил настольную лампу. – Давай спать. Завтра рано подниматься. А что касается Марины, то может я в ней не разобрался. Не знаю...

*****

Дней через десять Иван уволился и уехал в Заболотье. Алексей же смог поехать в Рубеж только через два с половиной месяца.

Глава третья

I

С утра выглянуло солнце. Но воздух оставался прохладным. Дул ветерок.

К обеду небо потемнело: с запада на Рубеж двигались огромные, в полнеба, темно-металлические тучи. Поднялся сильный ветер. Он гнул деревья, рвал молодую листву, зло кружил ее в воздухе. Вскоре полетели крупные капли дождя. Прогрохотал гром, замысловато и грозно засверкала молния.

Село опустело, притихло. С мокрых, заблестевших соломенных, шиферных и черепичных крыш полилась капель. Глядя на нее, стали подвывать собаки. Сбившись под навесами, находились куры.

Дождь усилился. Над самым селом мощно и раскатисто – хоть уши затыкай – гроыхнуло, потом еще. Дома, хлевы, пристройки осветило ярчайшим небесным светом и тут же, на миг, все затихло и как будто провалилось в темень.

Тишину и оцепенение всполошил неожиданный и истошный крик:

– Пожар!

Молния ударила в хлев, стоявший над самой рекой, подожгла старые, сухие бревна.

Село сразу же ожило. Люди, в основном мужчины, повыскакивали из домов. На колхозном дворе, точно испугавшись, одиноко взвыл трактор. Захрапел, а потом рванулся привязанный к забору детского садика конь. Завхоз, Николай Поликарпович Филанович, больше известный по прозвищу Микула, резво перебирая толстыми ногами, выбежал из стоящей рядом котельной и бросился к коню. Отвязав его, быстро погнал подальше от огня, после чего тут же вернулся, уже без коня, и заспешил на кухню садика за ведрами...

Деревянный хлев полыхал во всю мощь. Внутри его отчаянно и страшно визжали свиньи, хрипела корова. Хозяин, долговязый Андрей Васильевич Маманович, колхозный ездовой, накинув на голову телогрейку, бросился к горящему хлеву, лихорадочно открыл засов и резко распахнул широкую дверь. Испуганно, точно от чужого, шарахнулась от него корова. Андрей схватил из кормушки клочок сена, замахал на нее. Корова выбежала из хлева. Шерсть на ее спине уже дымилась. Маманович бросился открывать дверцы отсеков, где были свиньи. Открыл одну, другую. Третью не успел: огонь, плясавший на вышках, где лежало сено, гулко скатился вниз. Андрей, сбросив горячую, забивающую дыхание телогрейку, выбежал из сарая. За ним рванулся, расходясь вокруг, удушливый запах горелого мяса...

К хлеву, через огороды, уже бежали с ведрами воды и баграми соседи. С ними – Николай Поликарпович.

Ворота двора Мамановича закрипели и распахнулись настежь. В них отчаянной гурьбой ввалились мужики и женщины из близко стоящих и дальних домов. Неподалеку послышался рев мотора пожарной машины.

Отовсюду неслись крики, вопли, команды.

– Отгони корову!

– Свинья в дверях... Тяни ее!

– Как?

– Веревкой цепляй.

– Обходи сзади!

– Ой, что ж это творится?

– Ломай забор...

Дождь между тем усилился. Но продолжался он недолго. На западе полоса неба начала светлеть. Когда она стала совсем светлой, дождь перестал, хотя гром продолжал еще будоражить окрестности. Вскоре все стихло. И только возле догорающего хлева Мамановича про-

должали гомонливо суетиться люди, поливая водой деревянные стены подступающего к огню дома, спасая все то, что можно было спасти, да причитала, вытирая подолом горячие слезы, дородная, мужиковатая хозяйка – Серафима, жена погорельца.

Последний весенний день, уходя, оставлял о себе в Рубеже недобрую память.

II

Беда, чужая ли, своя, сплачивает людей

Мужики, бабы, даже дети, помогавшие тушить пожар, возвращались к своим домам молчаливо, переживая чужое горе, как свое. Если и перебрасывались фразами, то по необходимости.

Надежда Казимировна уже подходила к своему дому, когда ее нагнала Павлина Антоновна – мать Ивана Даниша.

– За тобой, Надя, не поспеешь, – тяжело дыша, проговорила Павлина Антоновна.

– Привыкла я бегом. – Надежда Казимировна замедлила шаг. – Спросить чего хотела или что?

– Спросить, спросить. – Павлина Антоновна, скинув с головы платок, обнажила пышную, цвета пшеницы, копну волос, провела ладонями по покрасневшим, пухлым щекам. – Хотела спросить, когда твой Алексей приедет.

– А для чего он тебе?

– Да он-то мне не нужен. – Даниш махнула рукой. – Я о своем Иване хочу спросить, посоветоваться. Вроде как испортили моего хлопца в Минске.

– А что такое?

Надежда Казимировна насторожилась, остановилась. Синяя жилка на ее худощавой шее дрогнула.

– А то ты не знаешь?

– Не знаю.

– Пьет... – Павлина Антоновна поджала свои пухлые губы. – Как бросил работу в Минске, так почти что ни день, то пьяный. Хочу поговорить с твоим сыном. Может, он знает, в чем дело.

Надежда Казимировна нахмурилась.

– Я с Алексеем разговаривала недавно по телефону, но он мне ничего об Иване не говорил. Даже не знаю, что и сказать... Ты, Павлина, заходи к нам, когда Лешка приедет, заходи.

– Хорошо.

Собираясь уходить, Павлина Антоновна спросила:

– Твой еще учится?

Надежда Казимировна посветлела лицом.

– И работает, и учится.

– Значит, в городе останется?

– Не знаю. – Надежда Казимировна пожала плечами. – Хочется мне, конечно, чтобы Лешка в наше село вернулся.

– Вот это правильно, – вздохнув, одобрила мысли Городчанки Павлина Антоновна. – Лучше бы того города никому не знать.

– Это почему? – удивляясь таким словам, спросила Надежда Казимировна.

– У нас земля, а там асфальт – ничего не растет, – смахнув слезу, просто, но со смыслом, ответила Даниш. – Значит, на земле лучше, надежнее.

– Может, ты и права, – озабоченно проговорила Надежда Казимировна. – Город есть город. Не каждому он для жизни годится...

– Вот-вот... Мой уже наработался там. Теперь мало того, что пьет, так еще к Тамаре Рукавчук начал ходить. За добавкой.

– Да ты что? – не поверила Надежда Казимировна. – Это к той молодежи, что с хлопцем к нам из Городка приехали?

– К ней.

– А ты что?

– А что я?.. Иван мой давно уже вырос, меня не слушает.

– Мой Алексей тоже родительские советы не очень любит, – озабоченно обронила Надежда Казимировна. – Молодежь... Ты заходи, когда Лешка приедет, заходи. Он на днях должен быть.

– Зайду.

– Ну, договорились...

Женщины, выдавив для вежливости улыбки, расстались.

Дед Федор, сидевший на лавочке у забора и наблюдавший за разговором невестки с Заголотной, – в Рубеже и Заболотье называли Павлину Антоновну и ее мужа, Василия Захаровича, Заголотными, – поинтересовался:

– О чем это вы там балагурили?

– Да так, по-бабьи. – Надежда Казимировна не стала ничего рассказывать старику. – Это вам не интересно.

Она прошла в свою хату, присела на лаву, чувствуя в душе неожиданную тревогу за Алексея.

«Что там у него?..»

Дед Федор, подозрительно поглядев невестке вслед, сутуло поковылял к реке.

Чаква неспешно и, казалось, осторожно несла свои похудевшие воды в Горынь и по ней – в Припять. Вдоль реки, по берегам, то там, то здесь, громоздились кучи бревен, которые почти всю весну на лодках возили в деревню мужики. В основном бревна предназначались для дров. И потому забирать их не спешили: до осени, а тем более до зимы было далеко.

Вода за последнюю неделю заметно спала. На оголившихся берегах зазеленела трава, упрямо полез наверх, к свету и теплу, молодой лозняк, успокоилась после нереста, застыла под корягами крупная рыба – шуки, судаки, язи. Гладь Чаквы беспокоили только редкий ветер, да домашняя птица – гуси и утки, а еще снующие от берега к берегу на самой поверхности воды стаи мелких рыбешек.

Дед Федор, глядя слезящимися глазами на воду, у берега пенистую, а посередине, до которой было метров сорок, не меньше, темно-синюю, удовлетворенно проговорил про себя:

– Вот она, жизнь, течет. Радость, горе у людей, а она течет и течет, не остановишь. Все от Бога, все от Его промысла...

III

Пожар вызвал в памяти Николая Поликарповича воспоминания о войне. Она оставила его в живых, но забрала детство. Навсегда...

Огонь в крематории Освенцима, казалось его обитателям, не потухнет никогда. Он и не потухал. Двенадцатилетний Николай Филанович ждал, когда его поведут в печь. Именно так заключенные и говорили: «В печь...»

«Пусть бы меня сразу, – думал Николай, – а маму потом...»

В Освенцим он попал вместе с матерью. После прохождения санпропускника их разлучили сразу и больше они не виделись.

Николая определили на нары третьего этажа. Вокруг барака возвышался забор из проволоки, стояли вышки, на них дежурили солдаты с пулеметами. Внизу ходили постовые с автоматами и собаками.

Было страшно и одиноко. Болели нервы. Когда становилось невмоготу, Николаю хотелось кричать, выть. Но он боялся – могли убить. А умирать не хотелось. Тем более, внутри Николая, глубоко-глубоко, ворочалась надежда – вдруг освободят?.. Призрачная надежда...

Каждое утро, часов в пять, по бараку шел немец-офицер, а с ним еще три солдата с овчаркой. Они внимательно оглядывали нары, по ходу выбирали двадцать пять-тридцать заключенных. Подходили к полуспящему человеку, грубо толкали:

– Ты...

Если кто отворачивался или, не дай Бог, морщился, тут же стаскивали с нар и пинками, палками, прикладами гнали на выход из барака. Если же улыбался, то еще разрешали пожить еще какое-то время.

Когда пришла очередь идти в печь Николаю, он испугался и как будто онемел. Стоял в группе обреченных, молчал. Но тут к нему подошел какой-то человек в черном шерстяном костюме и строго сказал: «Ты пойдешь со мной. Будешь работать».

Этот человек поставил Николая возле печи и приказал: «Вместе с золой выгребай все, что блестит. Складывай это блестящее в ведро, а потом будешь отдавать мне».

– Хорошо. – Николай покорно кивнул, понимая, что судьба ему дарит еще несколько дней жизни. – Буду делать все, что скажете...

Обреченных на смерть увели. Их уводили постоянно, а потому печь топилась непрерывно. Едкий тошнотворный дым свободно и устрашающе разносился вокруг барачков.

Николай внимательно вглядывался в золу. Вместе с ней попадалось что-то блестящее, металлическое... Целые пригоршни. Его Николай собирал в ведро, а потом нес человеку в черном костюме. Это были кольца, зубные коронки, различные золотые украшения – все, что оставалось от сжигаемых людей.

«Скоро и я сгорю, – готовился к худшему Николай. – И меня больше не будет. Никогда...»

Разгребая золу, Николай вдруг увидел обручальное кольцо своей матери. Сознание его тут же помутилось, и он упал. Очнулся уже в бараке. А назавтра, опухший от плача, опять пошел на свою черную работу. Его жизнь поддерживала все та же надежда – а может, это не мамино кольцо, может, она жива?..

Никто не мог ответить на этот вопрос. Только время. Но и оно было равнодушно к малолетнему узнику.

На седьмой или восьмой день Николая позвал к себе человек в черном костюме, протянул бутерброд с маргарином.

– На, подкрепись... Сегодня ночью тебе надо попытаться уйти отсюда. Поползешь под проволоку. Все обойдется – останешься жив. Заметит охрана – убьет сразу. А вместе с тобой и меня могут прикончить.

– А если я убегу, то что вы скажете охране? – спросил Николай.

– Скажу, что бросил тебя в печь – надоел...

Он перекрестил Николая: «Матка Боска, сохрани».

Николай, дождавшись ночи, прополз под проволокой, мысленно прося прощения и одновременно помощи у своей матери, судьба которой для него была и осталась неизвестной. Содрал коленки, ногти, наелся земли, но сумел убежать. Из самого настоящего ада. Уже потом, случайно, узнал, что человек в черном костюме был по национальности поляк. Он помог освободиться нескольким малолетним узникам, но потом сам был сожжен немцами. Заживо.

От Освенцима Николай отходил долго. Так долго, что его сиротское детство закончилось раньше, чем он это осознал...

«Матка Боска, сохрани», – привычно проговорил про себя Николай Поликарпович, правя конем, который тянул воз с хозяином к его дому. Тянул по Рубежу.

Завхоз был партийным, но в Бога верил, как верили – кто больше, кто меньше —практически все жители Рубежа.

IV

Среди ночи Надежда Казимировна выглянула в окно и застыла в недоумении: там, где был берег, шел по воде мальчик, одетый в длинную полотняную сорочку. Полотно сорочки было белым, что снег. Из головы мальчика исходил неяркий, но ровный и плотный свет.

Страх сковал Надежду Казимировну. Слышала она о подобных чудесах, а вот сама их никогда не видела. И вот – видит...

Чудный мальчик шел по воде неторопливо, беспечно, не глядя себе под ноги, словно и не видел воды, не чувствовал ее холода. А может, так оно и есть: паводок мальчику нипочем, он сам себе хозяин.

«Господи!..» – призвала Надежда Казимировна Спасителя, но ничего не попросила – не знала о чем просить и просить ли. Когда она мысленно обратилась к Господу, то необычный мальчик повернул голову и добродушно улыбнулся ей.

Надежда Казимировна тут же почувствовала, как внутри ее потеплело, захотелось спать. Она на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их, то мальчика уже не было. Он как будто растаял, испарился, превратившись в едва заметное облачко тумана.

«Что ж это? – забеспокоилась Надежда Казимировна. – Если ангел, то к чему он приходил, что хотел сказать?..»

Оконное стекло прохладным языком лизала тьма. Было тихо. Только слышалось тиканье настенных часов. Они отсчитывали время, отведенное для короткой ночи, за которым обязательно должен наступить день.

«Быстрее бы утро», – пожелала Надежда Казимировна.

За окном начало светлеть. Надежда Казимировна осторожно, чтобы не разбудить мужа, улеглась с ним рядом. Прочитав про себя молитву, задремала.

Чудный мальчик опять явился Надежде Казимировне. Но уже во сне, который она, проснувшись, забыла. Потом весь день ходила, вспоминала...

К вечеру Соня Широчук, местная почтальонка, привезла на велосипеде газеты: районную – «Полесское слово» и областную – «Заря». С газетами протянула письмо. Добродушно улыбаясь, сообщила:

– Вам весточка от сына.

– Спасибо, – обрадовалась Надежда Казимировна. – Дай тебе Бог здоровья.

– Здоровье есть, – погрустнела Соня. – Жениха нет.

Белое, круглое лицо девушки с ямочками на щеках пошло пятнами.

– Чего ж так? – Надежда Казимировна сочувственно взгляделась в почтальонку. – Рассказывай, если не секрет.

– Не знаю, что и рассказывать. – Соня пожалала своими покатыми, широковатыми плечами. – Наверное, невезучая я.

– Невезучая?

– Так и есть.

Надежда Казимировна усмехнулась.

– Зря ты на себя наговариваешь. У каждого свой срок: родится, под венец идти, детей рожать.

– Тоже скажете: детей рожать. – Девушка смутилась. – До этого, думаю, мне еще далеко.

– Я тоже так думала. – Надежда Казимировна втянула в себя воздух, протяжно выдохнула. – А все произошло намного быстрее. Главное, сильно захотеть того, чего желаешь. Оно и придет. Дети тоже появятся, как же без них.

Почтальонка мечтательно уставилась на гладь реки, потом проронила:

– Хотелось бы, чтобы дети были послушными, а когда вырастут, то чтобы родителей своих уважали, ценили.

– А ты, когда родишь, такими их и воспитай, – посоветовала Надежда Казимировна. – Какими воспитаешь, такими и вырастут.

– Есть разные дети, – возразила Соня. – Одних вроде и не воспитывают, а они и учатся хорошо, и потом в жизни приличными людьми становятся, а другие, как к ним не относишься, добра не помнят и живут только для себя. Потом даже родителей не хотят видеть.

– Ты не права, – терпеливо и мягко проговорила Надежда Казимировна. – Все дети ласки и любви хотят. Понимание, конечно, тоже должно быть. Если будет это, все сложится хорошо. А не будет, тогда ничего доброго не жди.

– Вы говорите так, как говорила моя классная руководительница.

– Что ж тут удивительного?.. Люди слеплены из одного теста. Поэтому ничего нового я тебе не скажу.

– Спасибо и за это. – Почтальонка, несмотря на полноту, проворно перекинула ногу через раму велосипеда и уселась на его сиденье. – Ну, я поеду.

Счастливо, – пожелала ей Надежда Казимировна и вдруг вспомнила свой сон.

Вспомнив, подумала: «А оно действительно так: дети разные. Одни, что ангелы, а другие неизвестно в кого пошли. Хотя чего тут неизвестного: яблоко от яблони далеко не катится – чистая правда...»

V

С самого утра в вымытое дождем окно постучалась ветка вишни. Отдернув штору, Галя приложила ладонь к влажному стеклу. Ветка прильнула к ладони, шутливо отпрянула и опять уткнулась в руку. Девушка улыбнулась, накинула кофту. Еще раз глянув на ветку, вышла на улицу, присела на скамейку. На ней уже сидела бабка Фрося – скуластая, рыхлая старуха с редкими, зачесанными назад и неровно обрезанными на уровне ушных мочек, прямыми волосами. У бабки Фроси Галя квартировала второй год. Они хоть и не сходились иногда во мнениях, но между собой ладили.

Дом старухи стоял почти в центре районного городка Долин среди старых, одноэтажных застроек – еще довоенных. Вокруг их повсеместно кучились плодовые деревья, тянулись вверх на простор липы и тополя. В огородах, вдоль заборов, росли крыжовник, малина, смородина. Здесь было по-городскому чисто, аккуратно и по-сельски свежо, уютно, тихо.

– Ну, что, вечером сегодня пойдешь на танцы? – спросила бабка Фрося. – Сидишь все, сидишь... Слышишь, вон музыка уже гремит в парке. Сейчас потянется туда молодежь... Или ты не пойдешь, ждешь кого?

– Жду. – Галя замялась. – Письмо жду.

– Э-э... – Старуха махнула рукой. – Письмо ждет. Сколько же ждать можно. Любишь что ли так своего кавалера?

– Люблю.

Девушка покраснела.

– Да не смущайся ты, – заметила бабка Фрося. – Дело молодое, сама такой была. Да-а... Только смотри, не обожгись. Что-то, я замечаю, не торопится к тебе твой суженный. Смотри.

– Приедет.

– Скоро лето закончится.

– Ну и что?

Щеки Гали еще больше покраснели, и стали по цвету похожи на половинки перезревшего помидора.

– Приедет, конечно. – Старуха уставилась на свою квартирантку. – Приедет и опять уедет. – Помолчав, заворчала: – Тебе постоянный кавалер нужен. Постоянный, чтобы возле тебя был, а ты возле него. А порознь – это не дело. Маета только, да дурные мысли. Эхе-хе... Смотри, не прогадай...

Галя промолчала. В душе она была согласна с бабкой, хотя и понимала, что Алексей не может все бросить, учебу и работу, и приехать к ней, в районный город. Лучше ей поехать к нему, в Минск. Она готова поехать, пусть только скажет, позовет...

Уже вечером, глядя на пустынную улицу, на зажигающиеся окна высотных зданий, что стояли ближе к центру городка, Галя со щемящей душой думала о встрече с Алексеем.

Целый день она была без настроения. Вечером, когда совсем стемнело, девушка пошла спать. Едва она разделась, легла в кровать, как в окно ее комнаты упал яркий луч света, загулял по стене, потолку. «Кто это светит?» – подхватила Галя. Сердце ее вздрогнуло: «Может, Алексей?» Девушка, чуть-чуть отодвинув штору, взгляделась в слабо разбавленную светом темень. Напротив окна, за забором, виднелась приземистая, полная фигура Валерия. «Принесло его ночью, – недовольно подумала Галя. – Дня мало...»

Валерий был старше ее на шесть лет. Год назад закончил в Горках сельскохозяйственную академию, работал в Долинской районной «Сельхозтехнике» механиком. Познакомившись на танцплощадке с Галей, пытался за нею ухаживать. Она относилась к этим ухаживаниям равнодушно, иногда посмеивалась: «Шустрый кавалер. Только я таких шустрых не люблю...»

– Галя! – позвал Валерий.

Девушка приоткрыла форточку, зашептала:

– Иди домой, чего ты светишь?

– Ну, выйди, – попросил Валерий.

– Нет, – отрезала Галя.

Она закрыла форточку, задернула штору, но от окна не отошла: интересно было – уйдет Валерий или нет. Парень, потоптавшись, повернулся и медленно пошел. Через десяток метров остановился, поглядел в окно. Гале показалось, что он увидел ее. Она отпрянула от окна, прыгнула в постель. «Нахал», – обозвала про себя, находя, однако, что ей стало приятно, когда Валерий обернулся. «Вот выйду за него замуж, раз Алексей не приезжает», – вдруг подумала Галя и сама испугалась этой мысли.

Расстроенная, она уснула нескоро.

VI

Гулкий вагонный перестук, вперемежку с тяжелым, переливающимся храпом, не давал спать Алексею. Осторожно, чтобы не потревожить попутчиков, он слез в верхней полки, прошел в тамбур. Здесь было свежо и прохладно. Прислонившись плечом к стенке, стал вглядываться сквозь грязное стекло дверей в проносящиеся мимо полустанки, далекие огоньки поселков, сел и деревень. Огоньки, словно маяки, постоянно были поблизости. Они притягивали к себе, но, в то же время, не давали приблизиться: то убегали, теряясь среди полей, то снова появлялись, чтобы вести поезд за собой.

Алексею вспомнилась армия, ночные стрельбы. Во время их, он, лежа за бруствером, ловил в прицел автомата цель – деревянную мишень. Она двигалась вместе с подсветкой плавно и бесшумно, параллельно брустверу. Поймав ее, Алексей нажимал на курок.

Бывало, уставая от напряжения, Алексей не видел мишеней. Они как будто исчезали, а в прицеле мерцала лишь подсветка, чем-то напоминающая ночные огоньки в окнах далеких и родных домов. Эти огоньки манили и звали к себе. Хотелось бросить автомат и бежать к ним. Бежать туда, где живут мать, батько, Юля, Люба, дед Федор, бабка Вера, Галя...

Алексею в какой-то момент показалось, что поезд, то удаляясь, то приближаясь, провожают старые знакомые – огоньки. Те самые, что светили еще в армии. Алексей смотрел на них долго, до тех пор, пока они не стали сливаться в единую мерцающую полосу. Эта полоса начала сужаться и вдруг пропала совсем: он задремал. Несколько минут, точно загипнотизированный,

Алексей стоял неподвижно. Из этого состояния его вывел резкий, свистящий звук встречного поезда. Алексей протер глаза, растер лоб, виски и пошел на свое место.

В вагоне начиналось оживление: поезд подходил к станции «Горынь». За ней уже лежала Украина.

Попутчики Алексея, занимавшие места на нижних полках, проснулись. Один из них, краснощекий, широкий в кости мужик, лет под сорок, кряхтя, обувался. Второй, помоложе и помельче, зевая в черные роскошные усы, что-то искал в своей сумке. Алексей поздоровался, присел с краю.

– Студент, что ли? – спросил краснощекий, продолжая завязывать шнурки на побитых, давно не видевших крема ботинках.

Алексей промолчал.

– Мы тоже были студентами, – не дожидаясь ответа, проговорил краснощекий. – Закончили сельскохозяйственную академию в Горках. Слышал о такой?.. Вот. Теперь на земле работаем. Ты сам из деревни?

– Из села, – отозвался Алексей.

– Это хорошо, – отметил краснощекий попутчик. – Из сельской местности все вышли. И умные, и сам понимаешь, дураки.

– Ясное дело, – выдохнул черноусый, подмигнув Алексею.

– Балобол, – беззлобно проговорил краснощекий и, обращаясь к Алексею, спросил: – Тебя как зовут?

– Алексей.

– Леха, значит. – Краснощекий на минуту задумался. – Сына у меня тоже Лехой зовут. А меня – Николай, Николай Степанович. А это мой друг и коллега. – Он кивнул на своего попутчика. – Александр. Мы с ним вместе в одном колхозе агрономим. Я – главный агроном, а он просто агроном.

– Хорошо, – чтобы не молчать проговорил Алексей.

– Что же тут хорошего? – задал вопрос черноусый, в который раз зевая. – Горбатимся на земле целый год. Летом почти без выходных. К тому же получаем совсем немного.

– Вот новость, – хмыкнул слушавший разговор рябоватый, заметно согнутый годами дедок. Сидел он у окна на боковом сидении. – Это мы горбатились. За копейки. А теперь что?.. Техника везде: тракторы, комбайны, грузовые машины. Сегодня работать в колхозе можно, время другое.

– Вы не совсем правы, – осторожно возразил Александр.

– Прав я, – загорячился дедок. – Раньше за прогул в Сибирь могли сослать, а теперь беседы ведут воспитательные. Тьфу ты!..

Николай Степанович и Александр переглянулись. Алексей, с интересом поглядев на дедка, заметил:

– Сегодня не сталинское время.

– Не сталинское, – согласился дедок. – И не дай Бог жить при сталинском времени. Но так как сегодня хозяйничают на земле – не дело, хотя вроде по науке даже работаем. И что в итоге?.. Страна – за день самолетом не облетишь, а зерно у Америки закупаем. Позор!..

– А причем тут Америка? – начал заводится Николай Степанович.

– Америка тут, конечно, ни при чем, – заключил дедок. – Просто работать надо лучше, с умом. А главное, хозяевами на земле быть. Хозяевами!..

– Интересно девки пляшут, – сморщив лоб, проговорил главный агроном. – Вы-то сами, извиняюсь, кем работали?

– Бухгалтером. – Дедок ощерился, показывая всем вставленные желтовато-коричневые зубы. – И тоже в колхозе. У вас, скажите, сколько рабочей силы в хозяйстве?

– Ну-у, – задумавшись, затыкнул Николай Степанович.

– Вот, – не дал ему договорить дедок. – Простой вопрос, а ответить затрудняемся. А почему?.. Потому что этой рабочей силы сегодня в колхозе хватает. И особенно много стало управленцев. – Дедок почему-то обратился к Алексею. – Вот я тебе расскажу. Раньше, как было?.. Один председатель, он же и агроном. Один бухгалтер и два бригадира. Остальные – это полеводы, механизаторы, доярки, птичники, строители, кладовщик, сторож... На этом все. Командуют пять-шесть человек, а другие, как минимум две сотни, работают в поле, на фермах, в птичниках... А теперь?.. Третий – начальство. Третий!.. Обязанности, которые я в свое время один выполнял, сегодня четыре человека выполняют: главный бухгалтер, заместитель главного бухгалтера, просто бухгалтер и еще кассир. Кассир-то зачем?.. Они что, бухгалтера эти, сами деньги не выдадут?.. Выдадут, но оказывается, такой штат по инструкции положен...

Выговорившись вволю, дедок обиженно отвернулся к окну и замолчал. На следующей остановке он вышел.

– Ты женат? – спросил Николай Степанович у Алексея.

– Нет, – ответил Алексей. – Думаю.

– Пока не женись, – посоветовал Александр. – Рано еще. Лично я считаю, что жениться надо после тридцати. Ну, когда все будет: деньги, свой угол, желательна машина. «Жигули» или хотя бы «Москвич»...

– Не слушай ты его, – перебил Александра Николай Степанович. – Жениться надо. А когда, во сколько лет, так это как у кого получается. Главное, чтобы понимание между молодыми мужем и женой было и любовь, конечно. А еще, правильно, Саша сказал, свой угол. Особенно в деревне. Сам ты из деревни, говоришь, а из какой?

– Из села, – напомнил Алексей. – Рубеж называется. Знаете такое?

– Знаем. – Александр кивнул. – Богато у вас живут.

Алексей пожал плечами, обронил:

– Кто как.

На него внимательно посмотрел Николай Степанович, поинтересовался:

– Что-то в семье не так?

– Все так, – неохотно ответил Алексей. – Только у бабки со здоровьем не важно: он шофер, в аварию на своей машине попал, а теперь медленно выздоравливает... Очень медленно...

– Все ясно.

Николай Степанович кашлянул и выразительно посмотрел на своего младшего коллегу. Мол, ничего больше не спрашивай. Александр виновато улыбнулся, проронил:

– Бывает.

Алексей опустил голову. Говорить ему на тему болезни не хотелось.

– Надо, значит, самому стараться свою жизнь наладить, – серьезно и назидательно проговорил Николай Степанович. – В деревне или в селе, конечно, жизнь проще, хотя и тяжелее. Правда, более, я бы сказал, совестливее. В городе все сложнее, да и бессовестнее.

– Как сказать, – обронил Алексей.

– Как ни скажи, а сложнее и бессовестнее, – продолжил свою мысль главный агроном. – Ты вот возьмешь в городе девку, и если нет жилья, пойдешь к ней жить. К ее, конечно, родителям. И вроде все так и должно быть. А в твоем селе, женившись, строится надо, или на худой конец у своих родителей кучковаться. К невесте в хату не пойдешь, потому что засмеют – примак, скажут. Так что думай.

– Это точно, думай, – уже серьезно и наставительно проронил Александр. – Надумаешь, действуй. В городе, в селе, в деревне – разница сегодня не очень велика. Люди теперь все грамотные, при работе. А если есть работа, то и жить можно. Не роскошно, конечно, но в целом и неплохо. А что касается жилья, то без него не будешь. Получишь комнату в семейном общежитии, а потом и квартиру или даже дом, если осядешь в сельской местности...

– Хорошо, – только и сказал Алексей, понимая, что в словах его попутчиков заложен выработанный веками смысл.

Вскоре за окном вагона показалась окраина городского поселка Речица. До станции «Горынь» езды оставалось несколько минут. А за ней – Долин.

Через полчаса с автовокзала Алексей уже звонил Гале:

– Привет, Галочка!

– Это ты?

В Галином голосе была радость.

– Кто же еще, – успокоил Галю Алексей. – Приезжай, если можешь, в Рубеж. Я завтра после обеда на мотоцикле подъеду на окраину села, куда выходит улица от вашего дома. Жди там...

VII

Надежда Казимировна встретила сына со слезами.

– Ты чего? – Алексей обнял мать.

– Да так, – Надежда Казимировна вытерла мокрые глаза. – Ждем-ждем, а ты все не едешь. Думаем, может, что случилось?..

– Да что может случиться. – Алексей улыбнулся. – Все одно и то же: работа, учеба, общение. Жизнь идет.

– Идет, – вздыхая, согласилась, мать.

– Батько где?

– Возле реки, сейчас придет.

Степан Федорович как будто услышал это – тут же явился: крупное мясистое лицо обветрено, в водянисто-зеленоватом взгляде припухших очей теплится радость.

– Ну, здравствуй, – крепко пожал он руку сыну. – Надолго?

– На пару дней.

– Скоро.

– Так получается.

– А когда у тебя отпуск? – с материнской любовью спросила Надежда Казимировна.

– Еще не скоро.

– Замучился ты в этом городе... Раздевайся, мой руки и садись к столу.

С улицы прибежала Юля. Повзрослевшая, но с теми же ямочками на щеках, как в раннем детстве, она белозубо улыбалась и в ее широко раскрытых глазах светилась радость.

– Привет. – Она бросилась обнимать брата. – Колючий ты.

От Юли отдавало парным молоком и каким-то родным, но уже забытым запахом – то ли сирени, то ли цветущей груши дички, что росла на краю огорода у деда Федора.

– А ты не колючих знаешь? – мягко поддел Алексей сестру, отстраняясь от нее.

Юля зарделась.

– Фу-у, невоспитанный.

– У нас Юля уже невеста, – подала свой голос Люба, вышедшая из соседней комнаты.

– Здравствуй, – обнял ее Алексей. – Ты что, спала?

– Да нет, просто лежала.

– Ну, если просто, тогда не считается...

Уже за столом, на котором были расставлены чуть ли не все домашние деликатесы, Надежда Казимировна как бы ненароком проговорила:

– Девки у нас, сам знаешь, рано спеют и замуж выходят. Хлопцы тоже в холостяках долго не ходят, женятся. Так что тебе, Лешка, уже пора о своей семье подумать. Дом у нас не малый, места всем хватит.

– Да уж хватит, – подтвердил Степан Федорович. – А не хватит, так новый дом построим. Сила пока есть. – Он разжал свои широкие ладони, глянул на них, точно убеждался, что гово-

рит правду. – А что касается материала, то привезем – лес рядом, а кирпич тоже недалеко – заводы в Ольпенске и Горыни пока работают.

Алексей, перестав жевать, уставился на мать, отца, потом на сестру.

– Женьба решили?

– А что ж тут дурного? – Надежда Казимировна долгим и жалеющим взглядом обвела Алексея. – Как у людей, так и у нас.

– Женьба – дело житейское, – заметил Степан Федорович. – Но ты это должен сам решить. Это, как говорят, личное.

В это время на пороге появился дед Федор. Как всегда с виду бодрый, но уже больше прежнего сгорбленный и какой-то осунувшийся или похудевший – не поймешь. Алексей встал, подошел к деду, пожал сухую, но еще крепкую, жилистую руку.

– Здравствуй.

– Здорово, внучек.

Надежда Казимировна принесла из кладовой бутылку самогонки. Налила сыну, мужу и свекру по полстограммки.

– Больше на дам, – предупредила.

Мужчины, чокнувшись, выпили. Дед повеселел, спросил:

– О чем тут у вас беседа?

– Алексей жениться хочет, – задиристо сказала Юля.

Глаза ее смеялись.

Алексей неодобрительно глянул на сестру.

– Никакой женьбы пока не намечается, – проговорил Степан Федорович. – Так, разговор только...

– А что, дело молодое, доброе, – одобрительно проговорил дед. – Я вот женился, когда мне всего двадцать стукнуло, прямо на Мясоед.

Алексей хмыкнул. Ему начинал надоедать этот разговор.

– Мороз в ту зиму был, – продолжал дед, – лютей. А нам, молодым, тепло... Надя, добавь...

Надежда Казимировна плеснула на дно стаканчика грамм двадцать сивухи. Дед тут же выпил.

– Вот это самогонка – крепкая, зараза. И кто ее придумал?.. Словом, Алексею надо жениться на Мясоед, как и я.

– Думаю, что жениться надо не с бухты-баракты, а с толком, – не совсем уверенно, вспоминая своего попутчика Николая Степановича, вымолвил Алексей. – В нашем селе я вряд ли жить буду, а в городе нужны и образование, и квартира, и деньги. Особенно в Минске – столице.

– А что ж мы, без денег, – дед Федор вызывающе оглядел всех. – Поможем.

Надежда Казимировна и Степан Федорович подозрительно, а Юля с Любой с интересом, уставились на деда Федора.

Поняв, что сказал лишнее, старик уже строго подытожил разговор:

– Будешь жениться, подумаем, что и как. Мы в селе люди не последние.

– С Иваном Данишем неважно, – заметила Надежда Казимировна. – Люди говорят, что он сильно запил, когда из Минска вернулся. Да и мать Ивана я недавно видела, она о том же говорила. Хотела с тобой, Лешка, встретится, выяснить, что с Иваном...

– Да-а?.. – Алексея это новость озадачила. – Зря это Иван, зря...

«А все Марина...»

Алексей встал.

– Спасибо. Пройдусь я лучше по селу.

За ним вышел дед Федор.

VIII

На улице Алексей услышал песню. Это пел пьяный Илья Еремеев. Шел он по улице в расстегнутой рубахе, грязный, растрепанный.

– Проводила меня мать у солдаты! – неслась его песня вдоль улицы нестройно и тяжело.

– Что это он в будний день пьяный? – спросил Алексей.

– А он каждый день пьяный, тьфу ты! – дед Федор плюнул, протер слезившиеся от старости и нелегкой жизни глаза. – Было у него, говорят, на сберегательной книжке рублей триста, так он уже все снял и пропил. Что тут скажешь – Дуромей, он и есть Дуромей.

Проходя мимо двора Жилевских, Илья остановился и стал мрачно глядеть на Алексея.

– Здравствуйте, – поздоровался парень.

Еремеев ничего не ответил и только пьяно шатаясь, щерил свои шербатые, гниющие зубы. Алексей отвел взгляд, пошел во двор.

– Не нравится?

Илья зло покрутил головой и поплелся дальше.

– Проводила меня мать у солдаты! – гудел он одно и то же.

Дойдя до своей хаты, Илья медленно вошел к себе во двор и напрямик направился к собаке – рослой и худой дворняге с побитым боком – на нем виднелась запекшаяся кровь. Хотел погладить ее, но собака, отступив, ощерилась, зарычала.

– Ах ты, гадина, – прошипел Еремеев.

В его голове мелькнула страшная, дикая мысль: «Повешу».

Он снял конец цепи от столба, привязал к ней валявшуюся у забора грязную, потемневшую, но еще крепкую веревку, и потянул собаку за хлев, к разлапистому вязу. Почувяв недоброе, дворняга зашлась лаем, рванулась в сторону.

– Не удерешь, – захрипел Илья.

Его всегда набрякшие водянистые мешки под глазами еще больше посинели, кадык на худой, красно-багровой шее нервно дернулся.

– Не удерешь, – повторил Еремеев.

Он перекинул сцепку цепи с веревкой через толстый сук вяза и стал тянуть, наваливаясь на конец веревки всем своим худым, но все же нелегким мужским телом. Собака уже стояла на задних лапах. Илья предпринял последнее усилие, и дворняга повисла в воздухе. В ее круглых, желтоватых глазах застыл ужас и страх. Высунув язык, она еще дышала. Еремеев привязал конец веревки к забору, уставился на собаку и нервно, точно в лихорадке захихикал.

Соседка, добрая и тихая доярка Люся, наблюдая со своего огорода за Ильей, присела от не меньшего, чем у повешенной собаки, страха. Тело женщины била дрожь. Она хотела закричать, но не смогла.

Илья, постояв, неуверенно, но зло направился в свой дом. В окне его виднелись лица его детей с глазами полными слез и такого же собачьего страха. На крыльце, заламывая руки, беззвучно голосила его жена-фельдшерица.

Алексей, проходивший мимо и видевший эту картину, не выдержал.

– Подожди! – крикнул он Еремееву.

Перемахнув через забор, пошел на Илью.

– Защитник, – сквозь зубы проговорил Еремеев. – Ну, давай.

Ничего больше не говоря, Алексей схватил за грудки Илью, притянул к себе.

– Ты что, сволочь, творишь?

– А тебе что?! – закричал Еремеев. – Что?!

Едкий перегар ударил в нос Алексея, пробрался в его внутренности.

Он, от отвращения, отпустил Илью, глянул в окно его дома. Детей в нем уже не было.

– Бить меня решил? – угрожающе понизил голос Еремеев. – Сейчас поглядим. Сейчас...

Пошарив вокруг набрякшими кровью глазами, он схватил валявшуюся на земле толстую палку, замахнулся на Алексея.

– На-а!

Алексей успел закрыться правой рукой. Удар пришелся по локтевому суставу. При этом палка скользнула по височной части головы с левой стороны, ободрав кожу. Этого Алексей простить Еремееву не мог. Он выхватил палку, отбросил ее в сторону и ударил ногой в пах Илье. Он согнулся, медленно опустился на колени и бессильно завыл:

– У-у-у...

Сплюнув, Алексей повернулся и пошел через огород к забору. Но перелезть его не стал, нашел в нем отбитую штакетину и просунулся через узкую щель.

IX

Над селом Рубеж садился теплый и тихий августовский вечер. Садился уверенно, неспешно, с достоинством. Что ему людские дела или заботы, смех или слезы. Он сам по себе. Если же кто хочет приобщиться к его красоте и простору – пожалуйста, не жалко.

Алексей, вдыхая прелый весенний воздух, прошел по длинной песчаной улице к центру села и уже оттуда напрямиком к колхозному клубу – старому, но большому, ошалеванному деревянному зданию, окрашенному в веселый желтый цвет. Дорога шла параллельно старому стадиону, который походил теперь на большую строительную площадку. На нем стояло несколько новых домов, универмаг и даже кафе. На оставшемся клочке стадиона, у небольших ворот, играли в футбол школьники. Алексей вспомнил, как сам в детстве гонял здесь мяч. Это было хорошее время – конец шестидесятых, начало семидесятых годов. Он и его друзья, соседские мальчишки, просто знакомые ребята, приходили на стадион сразу же после уроков, разбивались на команды и, если не было никакой работы дома, играли долго, порой до темноты, сбивая ноги, набивая шишки. Они, мальчишки тех лет, знали имена и фамилии десятков великих спортсменов, смотрели по черно-белому экрану телевизора все матчи ведущих команд Советского Союза и мира. Сельские ребята были фанатами футбола, мечтали походить на великих спортсменов. Увы, жизнь изменила эти планы: дал о себе знать возраст, да и футбол становился с каждым годом все менее популярным.

Алексей, наблюдая боковым зрением за игрой мальчишек, подходил к клубу, когда его окликнули. Повернувшись, увидел Кольку Машлякевича, жившего рядом с универмагом.

– Привет, Леха! – Колька усмехнулся в свои стоящие торчком усы. – Опять в гости приехал?

– Как видишь.

– Что это у тебя на виске?

– Да так. – Алексей махнул рукой. – Ударился.

– Ну-ну. – Колька понимающе ухмыльнулся. – Я помню, как на этом стадионе ты мне чуть голову не разбил.

– Это когда в футбол играли?

– Да.

– Так я же падал, вот и столкнулся с тобой. Тоже, между прочим, головой.

Алексей протянул руку своему бывшему однокласснику, с теплотой пожал.

– Играли мы хорошо, почти профессионально. Да... – Колька прищурил веселые глаза. – Сейчас, наверное, так уже не получится. Даже если бы сильно захотели.

– Все меняется.

– Все. Но у нас в Рубеже не совсем все. Давай присядем на скамейку, поговорим о сем-том...

Сев под отцветшей высокой вишней, они с минуту молчали, вспоминали. Колька достал папиросы, предложил Алексею.

– Не курю, – отказался он.

– А я курю. – Колька глубоко затаился, выдохнул пепельный едкий дым. – Слушай, а ты прав – все-таки меняется и у нас, в селе, жизнь. Что-то такое творится, скажу тебе, что сразу и не понять.

– Ты это о чем? – спросил Алексей, с некоторым удивлением для себя отмечая, что его бывший одноклассник не такой простой парень, как кажется на первый взгляд.

– Я о том, – продолжил Колька, – что люди стали злее, нахальнее. От школьника до пенсионера. Я чего вспомнил, как ты мне в нос саданул, а?.. Есть причина. Стою вчера в нашем универмаге в очереди за ленинградскими лезвиями для бритья, – ты же знаешь, их сейчас дефицит, – и тут вперед пробивается старый Максим, по-уличному – Кривуля. Его хата сразу за кладбищем. Показывает свою ветеранскую книжку – дай, мол, ему первому. Я не против. Но за ним лезет его внук, Андрей. Он за нас на года два-три младше. В городе проживает, кажется, в Пинске. И ему давай первому. Видно, считает, что он достойнее других. Но я ему спокойно говорю: «Отойди». А он тут же надулся и, ни слова не говоря, тык мне кулаком в нос. Сразу кровь пошла. Ну, я ему тоже саданул...

– Нашел о чем рассказывать.

Алексей скривился.

– Понимаешь ты... – Колька нахмурился. – Я говорю о неуважении. Сегодня ко мне, а завтра к тебе. О том, что все недоброе из-за неуважения к людям начинается. От зла. Попомни мое слово.

– Хорошего все равно больше. – Алексей стал нервничать. – Погляди вокруг, сколько людей: трудяг, честных, добрых. Это ж на них все держится.

– Не спору. – Колька смял окуроч, растер его в своих толстых, неуклюжих пальцах, привыкших к рычагам тяжелого гусеничного трактора, бросил под скамейку. – Но злость – сила дурная, пример свой подает быстрее, чем хорошая.

– Ну и что? У кого голова на плечах есть, тот разберется.

– Кто разберется, а кто и за злом пойдет. Не понимаешь ты.

– Чего?

– Того, что в селе нашем раньше жили тихо, мирно, а теперь чужие порядки и у нас появляются: я городской, значит умнее, выше, а ты из села, как говорится, деревенщина, посторонись... А еще говорим о сближении города и деревни. Если это такое сближение, то я против него, не надо оно.

– Да я тоже не совсем «за», – вздохнул Алексей. – Городские всегда считали себя выше сельчан. Знаешь, как они называют тех, кто в город переехал жить?

– Ну?

– Лимита.

– Это что ж такое?

– А вроде по лимиту сельчанам отводится столько-то мест.

– Сволота. – Колька сплюнул. – Разве не так?

– Да не сволота, – не согласился Алексей, – хотя такие тоже есть, а обыкновенная неприязнь к нам, сельским жителям. Особенно со стороны коренных горожан.

– Из-за чего? Не пойму я.

– Да все просто. Одни нас не любят, а другие боятся, что мы их места займем. На работе, службе, в жилых домах, мало ли еще где.

– Да-а? – осуждающе затаил Колька.

– Да.

– Скажи, пускай не боятся.

– Скажу. – Алексей встал. – Мы тоже, если уже говорить об этом, к городским относимся по-разному. Так что неприязнь у нас общая.

– Значит, у тебя тоже неприязнь эта есть? – удивился Колька. – Ты же уже сам горожанин.

- Бывает.
- И в нос можешь дать, если что?
- Могу.
- Вот как. А я тебе про доброту, справедливость толкую. Выходит, напрасно.
- Не волнуйся, не напрасно, – серьезно проговорил Алексей. – Ладно, поздно уже, темнеет. Пойду я домой, а то что-то сегодня все о жизни заговорили, проблемах. То жениться предлагают, то о добре и зле рассуждают. Даже непонятно: нет старых, привычных разговоров о соседях, грядках, сенокосах, погоде.
- В последнее время в нашем селе другие разговоры.
- Это какие?
- Все о том же: добре и зле. И о том, что зла становится больше.
- А конкретнее.
- Евсей умер, так теперь в его доме живет Тамара Рукавчук. Вместе с сыном. Он, как и ты, в Минске учится. Вроде на учителя.
- Не пойму что к чему.
- Ты спросил конкретно ответить о добре и зле. Я сказал.
- А причем тут к добру и злу эта Рукавчук?
- А притом, что эта Тамара поселилась в доме Евсея самовольно. Вернее, Тамару поселил ее родственник из Городка.
- Как это, самовольно?
- А вот так.
- Ну, а власть куда смотрит?
- А никуда. Дом Евсея, оказывается, ни в Рубеже, ни в Заболотье не зарегистрирован. Но даже если так, самоуправством заниматься никому непозволительно.
- Ничего, разберутся, – уверенно сказал Алексей. – С Евсеем же разобрались: посадили, за то, что в полиции служил... Всему свое время. Да и жить этой Тамаре где-то надо. Думаю, не от хорошей жизни она поселилась в хате Евсея.
- Наверное. Только я чувствую, что ее сын, если будет работать у нас в селе, свой характер покажет. А знаешь почему?
- Почему?
- Заметил я, что он в Заболотскую церковь, которую разрушили в шестидесятых годах, пить ходит. Там же и гадит.
- Не в духе ты сегодня... Ладно, я пойду.
- Ну, раз спешишь, то бывай. – Колька протянул руку. – Не забывай наше село и если жениться предлагают, то женись, свадьба будет.
- Алексей невольно засмеялся.
- Ладно, не обижайся. Я думаю, не все так страшно, как кажется. А что касается перемен, то они всегда были и будут. Воспринимай их спокойно.
- Перемены переменам рознь.
- Переживем.
- Вот так всегда. – Колька плюнул себе под ноги. – Переживем... А когда по-человечески жить будем?
- Будем, – улыбнулся Алексей.
- Что-то похожее на улыбку появилось и на лице Кольки, которое вдруг застыло и стало каким-то недовольным, даже злым.
- Да брось ты о дурном думать, – попытался подбодрить его Алексей.
- Я не думаю, я просто смотрю. – Колька опять плюнул. – Вон он... Легок на помине...
- Бывший одноклассник Жилевского указал на шедшего по улице в их сторону плечистого парня. На него с интересом уставился и Алексей.

– Ну?

– Гну. Это, кажется, сын Тамары. Романом зовут.

Когда он приблизился, Алексей чуть не остолбенел: на него шел то самый парень, который сорвал с него ондатровую шапку. Покосившись на Алексея, парень поспешно прошел мимо. Алексей ничего не сказал: не пойман, не вор.

– Видал? – спросил Колька.

– Видал, – процедил Алексей, сжимая кулак правой руки. – Кажется, я с ним не так давно знакомился.

– Да ну? – не поверил Колька.

– Вот тебе и ну, – тихо обронил Алексей. – Ладно, я пойду...

В этот вечер он лег раньше обычного и проспал почти до обеда следующего дня.

Х

Легко и быстро, что воздушный шар, взлетело в небо полуденное солнце. Потрескивала под его жаром высохшая земля. Дышать было тяжело. И лишь в поле прохладный ветерок колыхал лен, приглаживал на пастбище высокую траву, набирался ароматов от обильно росших вдоль канав цветов.

У края льна шла пыльная дорога, дугой извиваясь у края села. На пике дуги остановил тяжелый, отцовский мотоцикл «Днепр» Алексей. Чтобы чего дурного не подумали люди, склонился над двигателем, будто что-то ремонтировал, а сам поглядывал исподлобья на улицу: вот-вот должна была идти Галя. Она действительно вскоре появилась. Увидев Алексея, ускорила шаг. Алексей, оторвавшись от мотора, глядел на нее: легкую, в коротком платье, в босоножках. Как будто в первый раз открывал для себя ее густые темные волосы, высокую грудь, белые, стройные ноги.

– Привет, – просто и мило улыбнулась девушка.

– Здравствуй, – с подступившей внутренней благодарностью за доброту и откровение поприветствовал Алексей.

– Куда поедем? – спросила Галя.

– А куда хочешь? – вопросом на вопрос ответил Алексей.

– Не знаю. – Девушка замялась. – Предлагай.

– Может, купаться?.. К лесу, на озеро.

Алексей и сам не знал, куда бы поехать. Предложил купание так, без всякой задней мысли – лишь бы ехать.

Галя согласилась:

– Поехали.

Она села в коляску. Алексей резко дернул ногой заводную ручку. Мотоцикл тут же взревел. Парень включил скорость, добавил газ и поспешно отпустил сцепление. Мотоцикл рванулся и понесся к лесу, оставляя за собой клубы пыли.

Ближе к озеру тянулось пшеничное поле. По нему, оставляя за собой широкие темные полосы, казалось, плыли комбайны. За ними ехали грузовики, принимая в кузова спелое золотистое зерно.

Вдоль поля глазели на мир васильки. Можно было подумать, что они впервые видят его, а в нем несущийся на большой скорости мотоцикл.

– Не боишься? – прокричал Алексей.

– Не-а! – счастливо захлебываясь ветром, ответила Галя.

Они остановились возле леса у небольшого, но чистого и глубокого озера. Девушка вышла из коляски, сняла босоножки и босая пошла к воде. Прорезав пальцами ноги небольшую волну, вскрикнула:

– Холодная!

Алексей засмеялся.

– Боишься?

– Не-а, – в этот раз уже с вызовом ответила Галя.

Она решительно сняла платье, и смело вошла в воду, поплыла. Алексей, любуясь ей, разделся и тоже пошел купаться. Вода была холодной: со дна озера бил источник.

Они купались долго, не уступая друг другу в азартности, умении легко и свободно держаться на воде. Алексей и Галя как будто играли и соревновались одновременно. Но в этой игре уже рождался великий смысл единения их сердец и тел.

Из озера они вышли уставшие, но бодрые. Какое-то время парень и девушка глядели друг на друга и молчали, не зная, что сказать. Наконец, Алексей предложил:

– Давай загорать.

– Давай, – согласилась Галя.

На высоком месте, окруженном кустарником, легли на теплую траву. От близости тел, приятного и дурманящего запаха трав, цветов, кустарников, они как будто слились воедино с окружающим миром и воедино друг с другом.

Алексей придвинулся к Гале, положил руку на ее теплое, бархатистое тело. Ощущая ее дрожь, и сам внутренне дрожа, придвинулся к ней ближе...

Сколько раз он думал о такой близости, представлял ее. И вот она наступила. Как будто во сне, Алексей осторожно провел ладонью по упругому Галиному животу, груди, взъерошил ее жесткие волосы. Стал целовать в щеки, губы, шею, желая слиться с ней, стать одним дыханием, поцелуем, телом. Отозвавшись на ласку Алексея, Галя нерешительно потянула его к себе и вдруг, точно боясь потерять своего любимого, прижалась к его груди, задышала часто и горячо...

Когда Алексей отпустил обмякшее тело Гали, она отвернулась и заплакала. Когда успокоилась, стыдливо спросила:

– Ты не разлюбишь меня?.. После этого... Сегодняшнего...

Алексей, нагнувшись, сорвал травинку, прикусил – горькая. Глядя на Галю, выдавил:

– Не думай об этом. Так, значит, надо.

XI

Летний день плавно перетек в ночь. Ветер погнал к берегам Чаквы небольшие волны. Гребни на них поблескивали, словно чешуя рыбы.

Роман Рукавчук и Иван Даниш в старых свитерах и брюках, длинных рыбацких сапогах, с трудом удерживая велосипед, через раму которого свешивался большой мешок с неводом, а к сидению и рулю были привязаны весла, подошли к берегу Чаквы. Огляделись.

– Вроде никого, – обронил Роман. – Давай к бане...

Колхозная баня стояла у самой реки, на правом берегу. Он был обрывистый. Каждый год вешние воды бились в него и отрывали большие куски. Чаква их тут же жадно пожирала и растворяла в себе, требуя очередную порцию. Еще год-другой, и баня может уйти под воду. Рубежцы это понимали и старались укрепить берег посадками лозы. Но летом она, к удивлению всех, сохла. К тому же ее часто ломали дети, которые любили купаться у бани. Посиневшие от холодной воды, которую часто не прогревала даже июньская жара, они прижимались спинами к кирпичной стене, что стояла весь день к солнцу, и грелись – как возле печки.

– Ну, снимаем невод, – скомандовал Роман.

Иван сначала отвязал весла, потом приподнял один конец мешка и резко сбросил его на землю. Велосипед остался в руках у Романа.

– Куда его? – спросил он.

– Под котельную.

– А если увидят?

– Скоро стемнеет. – Иван занервничал. – Подождем.

– Ладно...

Когда на землю опустилась ночная тьма, мешок загрузили в небольшую лодку. Она угрожающе заколыхалась, нос ее стал съезжать с берега.

– Держи! – крикнул Роман.

Иван уперся веслом в берег и придержал плоскодонку.

– Давай спокойнее.

– Я спокоен. Главное, чтобы рыбнадзор нас не сцапал.

– Не сцапают. Поплыли...

Лодка отчалила от берега. Иван, стоя на корме и тихо работая веслом, повернулся к Роману, который сидел в носу плоскодонки и подозрительно вглядывался в очертания ближайших домов, хлевов, заборов.

– Держим на пляж?

– Как договаривались.

– Тогда доставай невод и веревки. А я буду гребти.

Роман развязал мешок и стал доставать из него пятидесятиметровый невод, который принадлежал отцу Ивана – известному в округе рыбаку. Потом извлек веревки. Когда лодка стукнулась в песчаный берег пляжа, Иван выскочил из нее, нашел метровую толстую палку, резко воткнул ее в грунт и привязал к ней веревку. Вторым концом веревки зацепил крыло невода.

– Будем выкидывать?

Иван как будто спрашивал разрешения. Он злился на себя за это, но по-другому поступить не мог – Роман не терпел, когда кто-то, тем более, младший и слабый, проявлял самостоятельность. Чтобы показать, кто здесь хозяин, он буркнул:

– Отъедем подальше.

– Подальше не надо, – осторожно возразил Иван. – Невод большой.

– А если за что зацепится?... У берега мелко, мусора полно.

– Не зацепится, я тут, возле пляжа, ловил уже, знаю.

– Точно?

– Точно. Давай я невод буду выбрасывать, а ты гребти.

– Давай.

Роман взялся за весло, а Иван, едва лодка отъехала от берега, стал умело выкидывать невод – научился этому ремеслу с детства. Не прошло и десяти минут, как весь невод был в воде. Его поплавы полукругом опоясывали мель пляжа и выходили на середину реки.

– Теперь гребти метров двадцать-тридцать прямо, а потом сворачивай к берегу.

Иван показал рукой, куда именно. Этот жест не понравился Роману. Он недовольно подумал: «Командир хренов...» Но послушался: направил плоскодонку на самый край пляжа – противоположный тому, на котором вбили палку.

Греб Роман неумело. От этого лодку водило со стороны в сторону, а веревка, которая была привязана к другой боковине невода, и которую старался плавно отпускать Иван, то резко натягивалась, то слабела и плескалась об воду, распугивая рыбу.

«Баран», – злился Иван, но молчал.

Наконец лодка пристала к берегу.

– Будем вытягивать невод, – засуетился Роман, с жадностью глядя на рыбацкую снасть.

– Не торопись, – чувствуя, что будет хороший улов, выдохнул Иван. – Пускай течение натянет невод. Больше рыбы будет.

– Смотри, отвечаешь, – предупредил Роман. – Это тебе не водку пить.

Иван сглотнул горькую слюну: выпить ему не помешало бы. К тому же хотелось закурить. Но и этого на рыбалке делать нельзя: отвлечешься на минуту, не заметишь, как рыба уйдет. Да и зажженная папироса издалека видна. Если увидит рыбнадзор – не сдобровать.

Осторожно, без резких движений, Иван натянул веревку. Невод, ощущалось, надулся под водой, что парус на ветру. Поплавы посередине ушли под воду. Крылья невода, наоборот, приподнялись, затяжелели.

– Помоги мне, – позвал компаньона Иван.

Роман зажал в своих здоровенных ладонях веревку и потащил на себя. Вода тут же запузырилась. Две или три рыбины ловко перемахнули через поплавы – на свободу.

– Суки! – ругнулся он.

– Хватит нам рыбы, – успокоил его Иван. – Ты только не отпускай веревку и не дергай.

Невод тяжело и медленно шел к берегу. Чем меньше оставалось пространства между ним и поплавками, плывущими к суше, тем больше бурлила вода, выскакивала на ее поверхность рыба и опять уходила в глубину, пытаясь найти в ней спасение. Но спасения не было – огромный невод, как прожорливая пасть неизвестного зверя, заглатывала в себя шук, язей, карасей, плотву и даже раков, которые отрывались от речного дна. Иван немного отпустил невод – чтобы его грузила шли как можно ниже.

– Я тут сам справлюсь, – бросил он Роману. – А ты иди на другой конец невода, отвяжи его крыло от палки и тяни на берег. Медленно тяни...

– Опутанный водорослями невод пополз на пляж. Рыба отчаянно забилась. Во все стороны полетели брызги воды, смешанные с илом и грязью. Они, точно плевки, липли к одежде, рукам, лицу.

– Давай быстрее! – не выдержал Роман.

Он с силой дернул крыло невода. Рыба тут же бросилась в открывшееся свободное пространство между дном и грузилами, но на свободе оказалась далеко не вся.

– Ты что? – глухо упрекнул Иван.

– Молчи!.. – Роман зло зыркнул на своего напарника. – Не последний раз закидываем.

– Как скажешь.

– Я и говорю...

Рыбу складывали в мешок. В какой-то момент Ивану показалось, что она, задыхаясь и отчаянно хватая воздух, кого-то беззвучно зовет. Ему стало не по себе: вспомнилась Марина, ее глаза – все понимающие и холодные, как речная вода в эту ночь. Иван внутренне сжался, точно ждал удара. Он хотел закричать, но только открыл рот, как умирающая в мешке рыба, и мысленно попросил: «Уйди...»

Попросил Марину, а вместе с ней и рыбу...

– Ну, теперь можно и выпить. – Роман смахнул со своего носа тяжелеющую каплю пота. – Будешь?

– Буду.

Иван облизал сухие губы.

XII

Павлина Антоновна поднялась ни свет, ни заря.

– Чего встала в такую рань? – проворчал разбуженный Василий Захарович.

– Ивана дома до сих пор нет, – озабоченно глянула на мужа Павлина Антоновна. – Ты бы тоже вставал. Может, пойти поискать?

– Не маленький, придет.

– Придет?

– А куда он денется?

«Спит где-нибудь пьяный или опять заночевал у Тамары?», – жалостливо подумала о сыне Павлина Антоновна.

К одной беде приклеилась другая: все чаще стал Иван наведываться к Тамаре Рукавчук. Действительно это была какая-то привязанность или просто безысходность, неизвестно. Только пропадал иногда Иван у Тамары по целым суткам. Не только пьяный, а и, бывало, трез-

вый. Павлина Антоновна поначалу выговаривала сыну за его связь с этой чужой для Заболотья женщины, но потом смирилась: она хоть и немолодая, некрасивая, но в душе женщина добрая, покорная. Правда, поговаривают, что колдует Тамара, с нечистой силой знается, как бабка Ева. Но в это Павлина Антоновна не верила – до мужиков Тамара сильно падкая, вот и не любят ее за это. Ну, да что должно быть, то и будет. Хочет ее Иван, пусть женится. Может, забудет свою минскую красавицу.

– Не хочешь сына искать, так я сама пойду, – с укором бросила мужу Павлина Антоновна.

Василий Захарович поднялся с постели, зачерпнул кружкой в ведре холодной воды, выпил.

– И куда ты пойдешь?

– К Тамаре Рукавчук. К ней, бессовестной... Иван говорил, что с ее Романом рыбу ловить пойдет. Ну, а если не будет у Рукавчуков, то неизвестно у кого наш сын.

– Не позорься, – хмыкнул Василий Захарович. – Дело молодое, чего в него лезть.

– Мы родители, значит, должны все знать.

– Ты и так знаешь.

– Что?

– А то, что Иван не дитя малое, за руку водить не надо.

– Тебе до сына, дела, вижу, нет.

– Есть у меня дело. Ко всем есть дело. И до тебя, и до Ивана, и до нашего младшего – Антошки.

– А чего ж ты не поговоришь с Иваном. По-мужски. Чтобы почувствовал, что есть батько. И рука, если что, у него тяжелая.

Рука у меня и вправду тяжелая. – Василий Захарович машинально сжал кулак, потряс им в воздухе. – Только Иван уже не маленький, сам должен понять, что делает не так, как оно должно быть. Что зря раскидывает свое здоровье. Да и потом я знаю: всему есть предел. Значит, и пьянству Ивана наступит конец. Одумается он, возьмется за ум. А пока надо терпеть. Терпеть и ждать. И пьет, и ходит до этой Тамары Иван от того, что у него на душе беспокойно – залезла в сердце городская краля. Молодой он еще. Перебесится.

– Затянулось это все, – плаксиво промолвила Павлина Антоновна. – Боюсь я, чтобы чего страшного не было.

– Не должно.

– Дай-то Бог, чтобы все сложилось благополучно. – Павлина Антоновна перекрестилась на образ. – Только моему терпению уже конец пришел. Не могу больше, хоть руки на себя накладывай. Понимаю, что грех об этом даже думать, а не могу больше терпеть.

– Ну-ну! – повысил голос Василий Захарович. – Потерпеть надо. Одумается наш сын, возьмется за ум. Поглядишь.

– Было б на что глядеть.

– Будет... Ты надейся и верь... Верь...

XIII

Иван Даниш проснулся под старой высохшей ольхой, что росла за огородом родительского дома. Куртка и брюки на нем были мокрыми – Иван спал на сырой, холодной земле, из-под которой, поверх старой, прошлогодней, уже лезла свежая трава. В вечерней густой мгле она отливала блестящей чернотой.

– Вот сука! – беззлобно ругнулся Иван. – Вымок весь...

В сущности, ему было все равно. Холода он не чувствовал – остатки хмеля еще сидели в его теле. Правда, сырость уже начинала забираться под одежду Ивана, норовя пролезть под кожу, к самым костям. Наверное, оттого их и крутило, точно кто-то посторонний в теле натягивал на них сухожилия, завязывал и тянул к себе.

– Сука! – опять ругнулся Иван.

Губы его распухли и потрескались. Во рту язык ходил тяжело, точно большая деревянная ложка, обмотанная наждачной бумагой. Болели скулы.

«Выпить бы еще», – подумалось Ивану.

Выпивка для него сейчас была спасением, и он стал перебирать в памяти своих односельчан, которые могли бы поставить ему бутылку: водки, вина, самогонки, спирта. Хоть бы чего-нибудь, чтобы прошли боль, слабость, тоска и сырость в душе.

«К кому пойти?..»

Таковых, близких и понимающих его, Ивана, как назло, не было.

– Гады, – сквозь зубы обозвал он своих односельчан.

Идти домой у него желания не было: выпить там ничего не осталось, а ругаться с родителями не хотелось.

Иван поднялся, обошел огород, вышел на узкую улочку и побрел за деревню, в сторону Рубежа. По дороге обратил внимание на свет в окне дома покойного Евсея, где хозяйничала теперь Тамара Рукавчук.

«Зайду, — решил Иван. – Роман уехал в Долин...»

Громко постучал в окно. Никто не отозвался. Опять начал стучать. Наконец, в окне показалось лицо хозяйки. Она открыла форточку, сунула в нее голову.

— Давай выпьем, а? – без лишних слов предложил Иван.

— Давай, — хмуро согласилась Тамара и спросила: – Тошно?

Иван кивнул.

— И мне, — глухо обронила женщина. – Не спится что-то. Сижу одна, думаю...

— Думать не надо? – обронил Иван. – От дум одно расстройство.

— Это точно, — согласилась Тамара. — Ты заходи, не стой.

— Спасибо.

— Потом благодарить будешь, потом...

Женщина закрыла форточку и торопливо пошла открывать ночному гостю входную дверь.

Глава четвертая

I

Как-то незаметно наступила осень. Ее прозрачная свежесть выхолаживала землю, воздух, серые громады многоэтажных зданий. Минск притих, потемнел и как будто стал ниже и шире.

Сергей Иванович Кутько, сидя в сквере, наблюдал за беспомощно падающим листом клена. Желто-оранжевый, с краев уже высохший, лист медленно и долго кружился. В какой-то момент, подхваченный ветром, он потянулся вверх, потом остановился, задрожал и резко пошел к земле.

«Все, – вздохнул Сергей Иванович. – Все, конец...»

Он давно уже об этом думал и теперь ясно осознавал, что очень скоро и сам, так как этот кленовый лист, станет беспомощным и однажды упадет.

«Молодость прошла быстро, в мгновение, а старость закончиться еще быстрее...»

Возможно, это роковое и последнее падение произойдет на работе, быть может дома, а может случиться, что и здесь, в этом сквере. От этой мысли Кутько стало горько и одиноко. Захотелось позвать кого-нибудь, посидеть вместе, вспомнить былое или просто поговорить обо всем и ни о чем. Ведь такие разговоры между людьми часто бывают. И это обычная жизнь, которая в любом возрасте необходима и дорога.

Желание позвать кого-нибудь длилось минуту-другую, но в этот крохотный отрезок времени Сергей Иванович вдруг понял, что такого человека у него нет. А ведь имеются жена и две дочери, Светлана и Зоя, зятя, внук Дима. И все равно как будто никого нет. Словно они умерли или умер он.

От этого осознания Кутько стало страшно.

«Нет, нет...»

Внутри у Сергея Ивановича что-то тяжело заходило, под ребрами сдавило, точно он попал в огромные заводские тиски. Кутько даже машинально схватился за сердце. Но оно, на удивление, билось спокойно и ровно.

«Что же это?»

В этот раз у Сергея Ивановича болело не сердце, нет. Это холодела и сжималась от одиночества его душа.

II

Дни одаривали город неярким, но светлым небом. Под ним хорошо думалось: о вчерашнем, сегодняшнем и особенно будущем, которое обязательно представлялось светлым, добрым и радостным. А вот по вечерам, когда вокруг густела темень и луна скрывалась за серыми, промокшими тучами, все вокруг становилось мрачным и унылым. Не помогали даже фонари, которые щедро разливали свой приглушенный желтоватый свет по столичным улицам и переулкам, площадям и скверам.

Длинными, осенними вечерами Алексею было как-то не по себе. Особенно в выходные, когда не надо было рано вставать, идти на работу, а потом на занятия в университет. Один в комнате, без своего друга Ивана Даниша, Алексей, выключив светильник, неподвижно и долго лежал на кровати и подолгу, бездумно, смотрел в потолок. Едва видимый, точно в дыму, потолок тяжелел, и, казалось, медленно опускался все ниже и ниже, готовый и вовсе упасть, раздавить...

Алексей, глядя на потолок, и сам как будто тяжелел, проваливался в кровать, растворялся вместе с ней в темноте, пока не засыпал.

Спал он недолго: час, от силы – два. Просыпался около одиннадцати-двенадцати часов вечера и опять впадал в какое-то непонятное и бездумное состояние.

В один из таких хмурых и неуютных октябрьских вечеров, Алексей, проснувшись, встал и подошел к окну. Внизу, возле входа в общежитие, стояла желтая «Волга» – такси. Возле нее о чем-то эмоционально разговаривали трое парней. Это было видно по тому, как они размахивали руками, что-то показывали на пальцах. Среди них был Мишка Цыбульский. Алексей его узнал сразу: среднего роста, в голубых джинсах и такого же цвета рубашке, он стоял лицом к общежитию. Незнакомые парни и Мишка говорили долго. Потом знакомцы быстро сели в такси и уехали. Мишка, оставшись один, поднял голову и увидел Алексея. Скорее всего, Цыбульский не узнал его, но – так, во всяком случае, показалось Алексею – обрадовался ему, замахал руками. Мол, иди сюда, вниз. Алексею стало интересно. «Схожу, – решил он. – Спать все равно не хочется. Да и завтра выходной...»

Алексей оделся, вышел из общежития.

– Ну?..

Мишка улыбнулся. Но улыбка его была какой-то неестественной, натянутой.

– Поедем в бар. Посидим, выпьем, – предложил он. – Я угощаю. В общежитие идти не хочется, а одному ехать непривычно, да и скучно.

Подумав, Алексей согласился.

– Поехали.

В баре, который расположился в небольшом уютном подвале, было полутемно и накурено. За стойкой сидели две полногрудые молодые женщины, потягивая коктейль, а за сдвинутыми столиками, густо уставленными бутылками, тарелками с закусками, расположилась компания из одетых во все джинсовое девиц и уже немолодых, в мятых костюмах, мужчин. Вели они себя шумно и развязно: пили, закусывали, обнимались, пытались что-то петь.

Алексей и Мишка сели за стойку бара. Благо, места были.

– Налей нам водки, – не спрашивая Алексея, сделал заказ Мишка.

Барменша, миловидная расплывшаяся женщина лет тридцати, улыбнулась, не спеша, налила полные рюмки водки, поставила на стойку. Блудливо глядя на Алексея, спросила:

– А закусывать будете или как?

Алексей, смутившись, глянул на Мишку. Но он как будто не слышал вопроса. Молча, одним глотком, опустошил рюмку.

– Что, проблемы? – уже глядя на Мишку, поинтересовалась барменша.

– Еще налей, – вместо ответа, понизив голос почти до шепота, проронил Мишка.

– Интересно...

Женщина глядела прямо. На ее пухлых губах гуляла все та же усмешка.

Алексей, чтобы не встречаться глазами с барменшей, поднял рюмку и пригубил немного водки. Она показалась ему чересчур горькой, словно в нее, прежде чем подать, щедро добавили чистый спирт.

Мишка, между тем, опрокинул вторую рюмку и, пристально глядя на барменшу, словно изучая ее, недовольно проговорил:

– А тебе, Ирина Александровна, все интересно.

– А как же, – тут же выдохнула женщина. – Ты – наш клиент. А о своих клиентах мы должны заботиться. Тем более, что благодаря тебе, у нас сегодня новый посетитель.

Она опять вперила свой взгляд в Алексея.

– Ну, ты и падкая к клиентам.

Мишка довольно расплылся в улыбке. Впервые за вечер.

– Тем и живем, – в ответ улыбнулась барменша. – Познакомь, что ли, со своим приятелем.

– Так бы сразу и сказала, – поднял куцые брови Мишка. – Моего приятеля зовут Алексей. Заметь, очень перспективный молодой человек, учиться в университете. – И уже заметно пьянея, скомандовал: – Наливай еще.

– Не много ли будет? – спросила женщина, наполняя очередную рюмку.

– Это мое дело, – огрызнулся Мишка. – Ты вот закрывай бар, пора уже. А мы останемся гулять будем.

– Seriously?

Барменша бросила вопросительный взгляд на Алексея, но он смотрел в сторону.

– Пригласи подругу, – ухмыльнулся Мишка, – чтобы компания была.

Только теперь Алексей обратил внимание на худощавую черноволосую официантку, которая сидела в уголке и что-то записывала.

– Маша! – бодро позвала ее барменша. – Иди сюда.

Официантка, похожая больше на ученицу-старшеклассницу, чем на работницу общепита, проворно встала, подошла.

– Ты сегодня как?

– Сегодня не могу, – виновато проговорила молоденькая официантка. – Жених с работы встречается.

– Жаль. – Ирина Александровна сникла. – А могли бы с мальчиками развлечься... Ну, в следующий раз...

В это время в бар вошли Марина и Нина.

– Ба, знакомые все лица! – воскликнул Мишка. – Алексей, знакомься.

– Да знаком я. – Алексей смутился. – В одном цеху вместе с Мариной работали. Она и ее подруга Нина к нам в общежитие иногда на танцы приходят. В общем, мы знакомы.

– Правда?

Мишка впился взглядом в Марину, потом в Нину. Девушки заулыбались.

– Правда. – Алексей кивнул. – Они меня знают, а я их.

– Значит, свои люди.

– Свои.

– Ну, раз свои, тогда к нам за стол, – пригласил Мишка. – Ты как? – бросил он взгляд на Алексея. – Не возражаешь?

– Да нет. Места есть.

– Это точно.

– Что будем пить? – спросила барменша.

– Водку, – ответил за всех Мишка.

– Марина и Нина переглянулись и почти в один голос проговорили:

– Можно.

– Отказываться не будем...

Алексей подумал: «На заводе и вообще вроде тихони, а тут за компанию, что хочешь...»

– Значит, водку? – подтянув и без того короткую джинсовую юбку, переспросила черноволосая официантка. Многозначительно поглядев на Мишку, потом на Алексея, улыбнулась. – Думаю, в самый раз.

Барменша с официанткой поставили две бутылки водки, минералку, бутерброды с колбасой, сыром и икрой.

– Гулять, так гулять! – весело загудел Мишка. – А проблемы... У кого их нет. Да и ну их к лешему!..

– Может, не надо? – повернулся к Мишке Алексей.

– Баб испугался? – Цыбульский ухмыльнулся и, схватив за полу пиджака Алексея, дохнул ему в лицо: – Не бойсь, они свои.

Если бы Мишка тут же не отпустил полу пиджака Алексея, то получил бы от него удар под дых. Но Цыбульский, неуверенно откинувшись назад, закричал:

– Нет в жизни любви, а хочется!.. Такой, чтобы навсегда, до гроба! У тебя, Леха, есть такая?

А кто его знает, – буркнул Алексей, после чего тихо, с сомнением, выдохнул сам себе: – Может, и есть...

Он на миг вспомнил Галю. Вспомнил – и забыл.

– А поехали в номера! – предложил Мишка. – Или слабо?

– Да брось ты, – попытался остановить приятеля Алексей. – Поздно уже.

– Для любви никогда не поздно, – поучительно произнес Мишка и его глаза превратились в щелки, точно у загулявшего в мартовскую ночь кота.

– Не поздно?

– Нет.

– Тогда поедem, – согласился Алексей и опрокинул в себя сорокоградусную – горькую, но в эту минуту показавшуюся ему чуть ли не сладкой. – Только попозже.

Они засиделись до поздней ночи. Впрочем, за огромными зашторенными окнами бара ничего не было видно. Свет за ними был или тьма, непонятно. Пили, закусывали, говорили за жизнь. Как-то незаметно все расслабились и стали вести себя как близкие друзья, и даже любовники.

Разливая водку, Марина незаметно дотрагивалась то до плеча Алексея, то до его рук. Он вначале вздрагивал, но через полчаса привык, а спустя еще какое-то время воспринимал эти дотрагивания Марины с нарастающим желанием близости с ней.

«Гулять, так гулять», – вдруг зашумело в его голове высказывание Мишки. Это уже действовало спиртное.

– А когда поедem в номера? – спросил Цыбульский и обнял Нину.

Она не сопротивлялась. Наоборот, прильнула к нему, закрыла глаза, показывая, что пора спать...

Алексей поглядел на них с ревностью.

– К кому ехать? – обвела всех горящим взглядом Марина.

– У меня новое предложение. – Мишка широко раскинул руки. Он был уже настолько пьян, что еле сидел. – Поехали на дачу к моему дядьке.

– Ну, поехали, – немного подумав, видно больше для приличия, чем опасаясь за последствия, как то буднично сказала Нина.

Официантка Маша, которая пришла убрать пустую посуду, одобрила это решение:

– Правильно. Пора вам на ночлег, а нам закрываться...

Ехали на такси. Когда выехали за город, дорога пошла через какую-то деревню, потом поле. Машину на выбоинах подбрасывало. Мишка сидел на пассажирском сидении впереди и, качаясь, все время что-то себе напевал. Алексей мостился на заднем сидении, между Мариной и Ниной. Ему было тепло и чуть-чуть беспокойно.

«У нас две беды, – со смутным сознанием думал он, чувствуя, что слабеет. – Дураки и дороги. И я тоже дурак, если еду туда, куда не знаю...»

Наконец приехали. Зашли в бревенчатый просторный дом с мансардой. Расположились в гостиной на мягком широком диване красного цвета и таких же креслах за массивным дубовым столом. Выставили на него из пакетов выпивку и закуску, что привезли из бара. Пили уже почти без тостов и больше молчали. Только кривились в ухмылках...

Назавтра Алексей проснулся поздно. С трудом открыв глаза, повернулся и увидел возле себя, на широкой деревянной кровати, едва прикрытую одеялом раздетую девушку, белая кожа которой бархатно лоснилась под еще скупым утренним светом.

«Марина!», – ударило в еще не совсем протрезвевшую, тяжелую голову Алексея.

Он закрыл слипающиеся веки: ему было не по себе. Но не оттого, что с ним лежала голая девушка, его знакомая по цеху, а по какой-то другой причине, о которой совсем не хотелось думать.

Марина тоже проснулась. Она виновато усмехнулась, потянулась к Алексею и тихим, виноватым голосом спросила:

– Мы вместе?..

– Да.

Алексей молча обнял Марину. Чтобы не смотреть ей в глаза, уткнулся в ее волосы. А потом, когда она подалась к нему своим теплым телом, стал входить в ее стыдную, но желанную теплоту. На мгновение он вдруг увидел Ивана и резко, упираясь руками в матрац, приподнялся.

– Ты чего? – тихо спросила Марина.

– Ничего, – ответил Алексей, – чувствуя, как внутренности его наливаются холодом, точно он выбежал из жаркой бани на морозный воздух.

«Зачем это? – подумалось ему. – Зачем?..»

III

Расстелив несколько полиэтиленовых пакетов по центру скамейки, которая стояла у рабочего общежития объединения «Горозонт», Марина и Нина присели по ее краям и, как ни в чем не бывало, стали лускать семечки. Но за этим занятием они провели всего лишь несколько минут, так как к ним начали подходить заводчане, которые возвращались с первой смены.

– Это ваши пакеты? – Русоволосая девушка лет двадцати прямо впиалась взглядом в блестящую надпись «Монтана», из которой вырастали, радуя глаз, одноименные голубые джинсы. – Ваши?..

– А что? – делая вид, что не совсем понимает, о чем идет речь, спросила Марина. – Красивые?..

– Да... Продаете?

Нина смерила подозрительным взглядом любознательную девушку, украдкой посмотрела вокруг.

– А вы интересуетесь или как?

– Или как, – несколько раздраженным, но тихим голосом ответила девушка.

Нина, довольно улыбнувшись, проронила:

– Продаем.

– В какую цену? – Девушка не уходила. – Мне один надо.

– Три рубля пакет.

– Так дорого?..

Нина пожалала плечами и ничего не ответила. Потоптавшись, девушка согласно кивнула.

– Ладно, давайте.

Марина приподняла один из пакетов и на его глянцевої поверхности скупое осеннее солнце, казалось, заиграло всеми своими лучами, придавая заграничным джинсам дополнительную свежесть и привлекательность.

– Дайте мне два пакета, – жадно выдохнула девушка и полезла в сумочку за кошельком...

Через полчаса все пакеты, а их было пятьдесят штук, были проданы. Марина с Ниной подсчитали выручку и счастливо охнули: сумма превышала месячную зарплату квалифицированного инженера.

– Вот это да! – Нина довольно закружилась. – Столько денег за полчаса. Пошли, выпьем кофе, а то после вчерашнего в голове все еще шумит.

– Деньги не наши, – заметила Марина.

– Пока еще наши, – поправила подругу Нина. – Пошли. Пару рублей возьмем, поляк даже не заметит.

– Зато мой папаша заметит.

– Ничего, что-нибудь придумаешь.

– Что?

– Что хочешь. Деньги на то и даны, чтобы их тратить. Это, говорят, еще Карл Маркс сказал.

Марина удивленно вскинула глаза.

– Ну, ты, подруга, даешь!

– А что? – Нина, размахивая сумочкой, закрутилась на месте, потом остановилась и, хитро прищуривая свои серовато-зеленые глаза, предложила: – Давай такой вот торговлей займемся всерьез. Пусть твой батя попросит своего знакомого поляка привозить товар почаще. У нас все разойдется мгновенно, особенно заграничное. Знаешь, какие деньги можно загребать... Это тебе не на заводе каждый день вкалывать и копейки получать. Тут за полгода на «Жигули» можно заработать.

– А если попадемся?

– Не попадемся.

– А все-таки?

– Откроемся. Не ворует же, свое продаем. Да и продавать будем умно, чтобы никто из нашей славной милиции не видел и не подкопался. Ну?..

– Даже не знаю. – Марина задумалась. – Хочется, конечно, иметь приработок. Хотя бы еще ползарплаты в месяц.

– Это и требовалось доказать. – Нина повеселела. – Не вечно же нам на нашу чертову зарплату жить. Можно и пошиковать, когда деньги будут, пожить в свое удовольствие, как у Мишки на даче. Ты как насчет дачи?

– Никак, – буркнула Марина. – Отстань.

– Не отстану. – Нина хитро улыбнулась. – Уверена, что тебе с Лешкой миловаться понравилось. Так?

– Не знаю. – Марина пожала плечами. – Вроде понравилось, а как-то не по себе, когда думаю об этом.

– Выбрось дурное из головы, – посоветовала Нина. – Мы люди взрослые. Да и что было, то уже прошло.

– Наверное, – согласилась Марина. – Лешка парень хороший, только у меня с ним ничего общего быть не может.

– Чего так?

– Нина смотрела насмешливо.

– Он – то горячий, то холодный. Значит, в мыслях у него другая.

– А ты такая специалистка, что разбираешься, – поддела Нина. – Один раз переспали, и ты уже все знаешь.

– Зачем так грубо?.. – Марина обиделась. – Говоришь ерунду.

– Извини. – Нина взяла подругу за руку. – Не подумала. Если не хочешь, то больше ни с Мишкой, ни с Лешкой никуда не поедем.

– Значит, будем торговать. – Марина вздохнула. – Это лучше.

– Будем. – Нина решительно кивнула. – Чувствую, нам повезет. А не повезет, то хоть вспомнить что будет – как торговали, деньги на пакетах делали. Это же драйв, а?

– Драйв...

Марине в эту минуту хотелось только одного – быстрее домой, под горячий душ.

IV

Павел Семенович ждал дочку с тревогой: боялся, что попадется – заберут в милицию, а, значит, сломает себе жизнь, да и ему самому не поздоровиться. Скажут, вырастил спекулянтку, а то еще могут и привлечь к ответственности, если милиция начнет разбираться, откуда заграничные полиэтиленовые пакеты с этой непонятной американской надписью «Монтана».

Не скажешь ведь, что друг подарил. Да и друг ли это, если он из Польши, в которой назревает бунт, а может что и хуже – не поймешь...

Залесский поймал себя на мысли, что боится больше за себя, чем за дочку: она молодая, все еще перенесет и переживет, а вот ему уже не выкарабкаться, если что серьезное – сердце прихватит, и тогда поминай, как звали.

«Опять принесло этого поляка на мою голову, – тяжело думал Павел Семенович. – Жил как все, тихо, мирно, а теперь что?.. Продавай польское барахло. Мало того, Анджей о политике болтает такое, что слушать страшно. А что, если он провокатор?..»

– Может, и провокатор, – проанализировав высказывания Мозолевого о ситуации в Польше, проронил про себя Залесский. – Верить никому нельзя...

Он и не верил никому – хорошо знал, что это опасно.

Павел Семенович встал с дивана, нервно прошелся по комнате, воровато, чувствуя разрастающуюся вину, выглянул в окно.

Во дворе желтели деревья. Под ними, сквозь высохшую траву, чернела земля. Она пятнилась уже вокруг всего дома. Но особенно много этой черноты было возле скамейки, на которой сидели две старухи из соседнего подъезда и что-то обсуждали. У ног их терся черный пушистый кот и поглядывал прямо в окно – на Залесского.

– Тьфу ты, нечистая сила! – ругнулся Павел Семенович. – Тьфу!..

Он хотел отойти от окна, когда заметил Марину. Она шла быстро, размахивая сумочкой.

«Веселая», – сразу определил Залесский. От сердца у него отлегло. Глядя на дочку, он невольно залюбовался ею: высокая, стройная, красивая. «А ведь и я был когда-то ничего, – вспомнилось Павлу Семеновичу. – Первым женихом считался. Эх, если бы не Советы, не война...»

Приятные воспоминания у него смешались с грустными. Но они не расстроили Залесского: Марина спокойно вошла в подъезд, значит, пакеты продала, все нормально. К тому же за продажу пакетов поляк даст комиссионные. А деньги, большие они или малые, всегда приятно получать. Да и он, Залесский, сам захотел коммерцией заниматься, сам...

«Сколько же поляк даст?»

Хотелось знать немедленно. Но, увы, это было пока невозможным.

Кода раздался звонок, Павел Семенович, прежде чем открыть дверь, предупредил жену:

– Марина идет, готовь обед.

Из кухни, смахивая со своего скуластого, бледноватого лица невесомые крупинки манной муки, выглянула удивленная Зинаида Григорьевна. Ничего не сказав, загремела кастрюлей.

Залесский крутнул ключ замка и, не поворачиваясь, пошел в зал на диван. Взял газету и сделал вид, что внимательно читает. Внутренне он ждал, что скажет дочка. Но она не торопилась радовать отца. Сняв плащ, вымыла руки, причесалась, заглянула на кухню. Только после этого прошла в зал, положила деньги на журнальный столик.

– Вот вся выручка. – Голос Марины был натянуто-спокойный, похожий на тот, когда она, бывало, приносила из школы тройку, а дома говорила, что должна была получить четверку, а то и пятерку, но так уж получилось, что не ответила на один-единственный вопрос. – Пересчитай деньги.

– Что ж их пересчитывать? – Павел Семенович отложил газету, поднялся с дивана. – Ты меня обманывать не станешь.

– А вдруг? – Марина бросила хитрый взгляд на отца. – Может, мне купить что хочется, а денег не хватает.

– Не хватает, так заработаешь, – серьезно сказал Залесский. – На заводе у тебя скоро получка. К тому же Мозолевский пообещал мне, что еще товара подкинет. Продашь, свою долю от выручки получишь.

– Это сколько процентов? – поинтересовалась Марина.

– В этот раз без процентов, а в следующий – посмотрим, – неопределенно ответил Павел Семенович.

– Передай своему поляку, чтобы больше свои пакеты или другое барахло не привозил, – выпалила Марина, разозлившись на отца за его скупость. – А если и привезет что, то в последний раз, по знакомству...

Эти слова не понравились Павлу Семеновичу. «Зарекалась корова молока не давать, – зло подумал он. – Что ты будешь делать, если меня не станет?..»

Об этом он уже не раз задумывался – годы. Правда, все еще никак, несмотря на возраст, не мог представить, что и ему придется умереть: тлея в нем недовольство своей судьбой, душила горечь, что не вышло так, как хотелось, противилась увяданию надежда на богатую и сытую жизнь.

«Бросить бы все и уехать за границу... – Застарелая тоска по несбывшейся мечте опять заворочалась в Залесском, но быстро улеглась, свернулась в клубок и уснула. – Жаль, поздно, – рассудил он. – Не поеду, да и не выпустят из Союза... Может, и хорошо, что не выпустят: кому я там, на Западе, нужен...»

Павел Семенович тупо уставился в окно.

▼

Алексей пришел с работы, перекусил немного и присел на кровать. В дверь постучали.

«Кто это?» – удивился он и глухо промолвил:

– Входите.

Порог комнаты переступила воспитательница общежития Зоя Владимировна Чуйко.

– Тебя к телефону просят, – поправив на лбу светлую челку, несколько подобострастным голосом сообщила она. – Из редакции...

Алексей, не переодеваясь, в спортивной форме, спустился на первый этаж, взял трубку телефона, который стоял на столике у вахтерши.

– Ало, слушаю.

– Это редактор газеты «Горизонт»...

Несколько хрипловатый мужской голос звучал громко, уверенно. – Меня зовут Юрий Николаевич Думенок. Приходите в редакцию. Завтра или послезавтра после работы. Жду...

Алексей с громко бьющимся сердцем положил трубку: «Неужели хочет предложить работу?..»

В это верилось и не верилось. Верилось потому, что очень хотелось работать по специальности, которую приобретал в университете, а не верилось – потому что учился только на первом курсе, работал на заводе.

«А может...»

Маленькая надежда на добрые перемены, которая постоянно жила в душе Алексея, вдруг выросла до огромных размеров. И она его не подвела.

На следующий день, с противоречивыми и бурными чувствами, Алексей вошел в кабинет редактора многотиражной газеты «Горизонт». Представился. Из-за стола поднялся невысокий плотный человек с заметными залысинами и черными как смоль, слегка курчавыми волосами.

– Проходи, садись, – тепло, как давнему знакомому, сказал редактор. – Ну, рассказывай.

– Что рассказывать? – недоуменно спросил Алексей.

– Все, – отрезал редактор. – Откуда родом, какие планы, что о жизни думаешь?

– Из села я родом, – начал Алексей. – Есть на Долинщине село Рубеж. По населению самое большое в республике. О нем даже Владимир Семенович Короткевич писал. Назвал «Китаем».

– Короткевич?

– Да.

– Сколько же там у вас населения?

- Около шести, а может уже и семи тысяч.
- Действительно, село большое, – задумался Думенюк. – Производство какое-нибудь есть?
- Нет. В колхозе люди работают. Но это в основном женщины.
- А мужчины?
- Редактор смотрел с любопытством.
- Большинство мужчин уезжают на заработки в Россию, – объяснил Алексей. – С весны там работают и до поздней осени.
- А где конкретно?
- Везде. В Сибири, Карелии, даже возле самого Севера. Едут и на Украину, в Казахстан, Туркмению...
- Трудятся на стройках?
- Вкальвают.
- Понятно.
- Строят клубы, дома, коровники, телятники, птичники... Мои земляки – люди мастеравые. Женщины тоже приработок имеют. Кто семена цветов продает, кто огурцы выращивает, помидоры.
- Да, не сомневаюсь в деловитости твоих земляков... Хорошо, наверное, зарабатывают?
- Хватает, – неопределенно обронил Алексей, не любивший говорить о деньгах. – Район у нас не из бедных.
- Значит, практически из всего района выезжают люди на заработки?
- Почти. А откуда не выезжают, так занимаются другим доходным делом.
- Это каким?
- Разным. В Городной, к примеру, глиняные горшки делают, а в Городке цветы выращивают. Потом семена продают по всему нашему Советскому Союзу. Еще сажают клубнику, малину... Занимаются тем, чем выгодно.
- Об этом я читал. – Думенюк что-то записал на листке бумаги. – В республиканской комсомольской молодежи.
- Это в «Знамя Юности»?
- Да. Фельетонист один, Якубец его фамилия, постоянно пишет о семеноводах из Городка. Не знаю, чем там они ему насолили, но он их готов с корнем из земли вырвать.
- Ясно, чем насолили, – заметил Алексей. – Не нравится, что люди сами, на своих приусадебных участках, деньги зарабатывают. Вот, если бы в колхозе за копейки пахали, тогда другое дело – хвалил бы.
- Редактор удивленно уставился на Алексея.
- А у тебя не очень-то хорошее мнение о колхозах. С чего это?
- С чего? – Алексей на несколько секунд задумался: говорить или нет?.. Потом все же рассказал: – По-соседству с Рубежом есть деревня Заболотье, а у нас село, – подчеркнул он. – За этой деревней уже никаких поселений нет – болото, а дальше – лес, Украина. Из Заболотья почти никто никуда не ездит и никакими своими промыслами не занимается. Работают в колхозе.
- Соответственно и получают, – не без иронии вставил Думенюк.
- Конечно, – живо подтвердил Алексей. – Живут бедно. Не все, правда, но в основном. Я о колхозах, честно говоря, думаю ни хорошо, ни плохо. Просто ненормально, когда в них платят людям копейки – тридцать, пятьдесят рублей в месяц. Это в среднем. Получается, по рублю, полтора рубля в день. А в городе, на заводе, простой рабочий меньше ста пятидесяти практически не получает, хотя его работу с сельской по тяжести, а особенно по продолжительности не сравнишь. У нас в селе люди с пяти, шести часов на ногах. И так каждый день. Работают дотемна.

– А чего твой Рубеж называют селом, а Заболотье – это деревня? – поинтересовался Думенюк.

– Не знаю. – Алексей пожал плечами. – Так повелось. Может потому, что у нас церковь есть.

– А в Заболотье, значит, церкви нет?

– Была, но ее в шестидесятые годы разрушили: кресты с куполов снимали, все, что было внутри, вынесли, а потом склад устроили. Колхозный.

– Это при Хрущеве было?

– Наверное. Я Хрущева не помню – малый еще был. Мать рассказывала, что тогда людям очень тяжело было, многие голодали.

– М-да... – Редактор вздохнул. – Колхоз, он и есть колхоз – старые, дореволюционные традиции и обычаи мы выбросили, как ненужные вещи, а с новыми никак не приживемся. Вернее, не все приживаются. Может потому, в колхозе хоть сутками работай, много не заработаешь. Это не нефтедобыча и даже, ты тут, Алексей, прав, не завод. – Думенюк что-то опять записал. – Но ты об этом особо не распространяйся. Не надо. Я ведь тоже из сельской местности. Бывает, правду-матку рублю с плеча, точно не в служебном кабинете нахожусь, а в чистом поле. А это не всем нравится. Так вот... Жил я в своей деревне мало. Уехал с родителями в Минск, когда началось строительство нашего тракторного завода. Мои родители его строили, потом на нем же и работали. После войны это было, время голодное, трудное, а мне все равно помнится больше хорошее. Детство, словом... Да... Ты продолжай, рассказывай.

– Я рассказываю.

Взгляд Алексея уперся в руки редактора. Они как-то отрешенно лежали на столе, точно чужие. Толстые, обильно поросшие волосами пальцы, едва заметно дрожали. «Переживает», – подумалось Алексею.

– Потом я служил в армии, – проронил он. – Сначала в учебке, в Печах. Это под Борисовом. После этого в линейной части. Здесь под Минском, в Уручье. Теперь работаю на заводе радио- и телевизионных футляров, что в переулке Софьи Ковалевской. Там и живу в общежитии. Учусь в университете, на вечернем. Факультет журналистики.

– Это я уже знаю, – заметил Думенюк. – Раз учишься на таком факультете, значит, в печати думаешь работать.

– Думаю. – Алексей выразительно кивнул. – Во всяком случае, надеюсь.

– Это хорошо, – одобрил редактор. – Я вот тут тоже подумал и предлагаю тебе работу в нашей газете.

– Вы меня хотите взять в штат? – обрадовавшись, спросил Алексей.

– Не совсем. – Редактор улыбнулся. – Будешь у нас пока подснежником трудиться.

– Это как?

– Просто. Тебя зачислят на должность корректора нашей заводской типографии, она как раз находится на заводе радио- и телевизионных футляров, а фактически работать будешь в редакции корреспондентом.

– А так можно?

– Можно, все можно, – успокоил редактор. – Пиши заявление на имя директора типографии. Вот лист, ручка. – Думенюк глянул на календарь, что висел на стене у стола. – Со следующего понедельника...

Это была удача. Алексей вышел из кабинета редактора многотиражной газеты «Горизонт» взволнованный и счастливый.

«Сбылось...»

VI

Смена закончилась и Сергей Иванович, не спеша, благо погода радовала теплом, шел домой. Он уже подходил к дому, когда услышал знакомый хрипловатый голос:

– Иванович!

Кутько оглянулся. Возле широкого двухэтажного дома, рядом с телефонной будкой, стоял Прогудин. Он держал в руках увесистую черную сумку.

«И куда это он собрался?» – с интересом подумал Сергей Иванович. Вслух же спросил:

– Чего надо, Сергей Борисович?

Прогудин, оглянувшись, предложил:

– Зайдем ко мне, Иванович, выпьем пива, поговорим.

– Может, на работе поговорим?.. – Кутько глядел прямо, изучающе. – Мне как-то неудобно у тебя гостевать.

Ему действительно не хотелось ни к кому идти, а тем более пить пиво среди бела дня, когда народ работает.

– Пошли, – попросил Прогудин, – компанию мне составишь, а то одному, – он поднял сумку, – непривычно пить.

– А с чего это ты пьешь? – с оттенком осуждения спросил Сергей Иванович.

– Так получается, – глянув на серый, пятнистый асфальт, обронил Прогудин. – Жизнь у меня такая.

– Какая?

– Непутевая.

– Ладно. – Кутько вздохнул. – Только ненадолго: меня жена ждет.

– Как скажешь.

Прогудин повернулся и быстро пошел к своему дому, который стоял неподалеку от завода. За Сергеем Борисовичем заспешил Сергей Иванович.

В небольшой двухкомнатной квартире Прогудина никого не было. На столе в зале стояли пустые тарелки, консервы, бутылка из-под водки. Рядом с ней чернела наполненная до краев окурками массивная стеклянная пепельница. Неприятно отдавало какой-то кислятиной.

Кутько поморщился, спросил:

– Ты что ж, один живешь?

– Один

– А жена, дети?

– Жена ушла от меня. Еще в прошлом месяце. А дети... Дети выросли, живут отдельно.

Прогудин виновато и как-то жалко усмехнулся.

– Не знал.

– А тут и знать нечего: сошлись, разошлись. Дело нехитрое.

– Как сказать, – заметил Кутько. – Не молодые уже, чтобы разводиться, искать кого-то другого.

– А никто никого не ищет. Во всяком случае, я. Хватит. – Прогудин нервно дернул плечами и с тоской поглядел на Сергея Ивановича. – Не те годы.

Глаза Сергея Борисовича в эту минуту были какими-то неживыми.

– Оно, конечно, – не зная, что на это сказать, проговорил Кутько и подумал: «Дошел человек...»

– Я сейчас, только стол уберу... – Прогудин засуетился. – Одну минуту...

Он выбросил в мусорное ведро консервы и бутылку, высыпал окурки, отнес на кухню грязные тарелки. Вместо этого выставил на стол несколько бутылок пива, положил селедку в целлофановом мешке, кусок вареной колбасы, завернутый в серую бумагу, полбуханки черного хлеба.

– Присаживайся, Иванович. Я еще посуду принесу и нож, порежу все.

– Давай...

Когда все было порезано и разложено в чистые тарелки, Прогудин поднял поллитровый бокал с пивом.

– Ну, чтобы в жизни нашей было меньше проблем.

Он с жадностью осушил бокал. До самого дна.

Кутько неодобрительно проследил за острым кадыком Сергея Борисовича, отпил немного из бокала.

– Чего жена ушла?

– А-а... – Прогудин махнул рукой. – Она давно хотела уйти. Вот и ушла, наконец. – Глянув на непонимающего Сергея Ивановича, объяснил: – У нас с ней сразу жизнь не заладилась. Но жили, терпели: дети же. Теперь дети ушли. Ну, и жена ушла. Я ее и не виню, нет. Сам виноват: не сделал то, что мог сделать.

Кутько слушал, не перебивал. По себе знал: если на душе невмоготу, лучше рассказать об этом кому-нибудь, выплеснуть боль наружу, чтобы хоть немного освободится от нее.

– Не сделал, – повторил Сергей Борисович. – Не нажил добра. Видишь, как живу... Старая квартира, старая мебель, больше ничего.

– Старая, да своя, – возразил Кутько. – Хуже тем, у кого и этого нет.

– Хуже, – согласился Прогудин. – Но не об этом речь. Я ведь сам из России. Здесь, в Минске, служил. Город понравился, потому и остался. Встретил как-то раз ее – свою будущую жену. Красивая она была, гордая. Да и как ей тогда не быть было гордой: отец ее работал заместителем директора научно-исследовательского института. Она в него, папашу своего, и пошла: сама себе на уме. А я чего, простой парень, из обыкновенной рабочей семьи. Что думал, то и говорил. – Сергей Борисович улыбнулся, обнажив желтоватые, заметно подточенные временем зубы. – Она хотела меня видеть большим начальником, пыталась даже в науку затянуть. Но я – ни в какую: не по мне это. Отсюда ссоры, упреки. И так всю жизнь. Вот, в конце концов, развелись. Теперь каждый сам по себе. Да... Она переехала в отцовскую квартиру, это на Ленинском проспекте, а я здесь остался, в переулке Софьи Ковалевской. Как и ты, Иванович.

– М-да, – только и сказал Кутько.

– Да, – повторил Прогудин. – Ты не думай, я не жалуясь. Что кому отмерено, тот то и получит. Все – от Бога.

– Ты что ж, в Бога веришь? – удивился Сергей Иванович.

– Хочу верить, – туманно произнес Сергей Борисович. – А ты что ж, не веришь?

– Не знаю, – признался Кутько. – Я же в партии состою, вроде не положено верить.

– Во-во. – Прогудин ехидно ухмыльнулся. – Не положено – весь ответ. Я тоже в партии. Ну и что?.. Наша партия, а вернее ее руководители, как бывшие, так и теперешние, все о светлом будущем думают, а до сегодняшнего им дела мало. Оно и понятно: на всем готовом живут – служебные квартиры, дачи, машины, продовольственные пайки по праздникам и, наверное, без праздников...

Сергей Иванович поставил кружку с пивом, насторожился: разговор получался какой-то не такой, непривычный, что ли. В сталинское время, услышь кто такое, тюрьмы было бы не миновать. Да и сейчас, если что, на партсобрание вызовут, пропылесосят. Коммунизм вроде строим, а тут такие разговорчики. Даже не знаешь, что думать...

– Ты это, о партии и о руководстве брось болтать, – заметил Кутько Сергею Борисовичу. – Понимать надо.

Прогудин будто и не слышал.

– Мало! – Он грохнул по столу кулаком. Поднялся, заходил по комнате, сел. – Партия о простых, рядовых членах действительно не думает. А уж о наших грешных душах и подавно не заботится. От этого безверие растет. И в Бога, и в саму партию, и в светлое будущее, будь оно неладно. Спроси наших молодых, скажем, Алексея Жилевского. В кого он верит, во что? Точно вряд ли скажет.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что знаю. Да и ты знаешь.

– Ладно. – Сергей Иванович занервничал. – Не митингуй. Жизнь на то и жизнь, чтобы были день и ночь. Но ты сам видишь, что за последние годы многое поменялось. Люди стали зарабатывать больше, жить становится лучше, хотя проблем, конечно, еще хватает... Ты лучше ложись, поспи. А я пойду. – Он встал, надел плащ, взялся за ручку двери. Прежде чем повернуть ее, глядя вполоборота, проговорил: – Все эти свои разговоры брось. Брось. Жена ушла, так это ваше личное дело. А жизнь не черни. Ни свою, ни людскую. Да и партия, она, знаешь, не любит темноты, разброда. Выгонят.

– Пускай, – обреченно выдохнул Прогудин. – Главное не это. Главное, жить по совести. А остальное, как в Библии сказано, суета сует. Вот...

Кутыко вышел от Сергея Борисовича озадаченный. «Правду люди говорят: чужая душа – потемки, – думал он. – И ведь Прогудин в чем-то прав: почти не думает партия о людях, не до забот ей о каждом в отдельности. Оттого и безверие...»

Внутри у Сергея Ивановича сделалось пусто, словно кто-то подмел невидимой метлой все его чувства и выбросил вон, в железный, ржавеющий мусорный бак.

«Эх, жизнь...»

VII

Марина с Ниной гуляли по Ленинскому проспекту: от гостиницы «Минск» до площади «Октябрьская» и обратно. Несмотря на поздний час, здесь былолюдно и весело.

Город-герой Минск переливался предпраздничными огнями. На улицах и площадях было так светло, словно яркий шар луны висел над самым городом и светил только ему, его жителям и гостям.

– А давай возьмем бутылку шампанского и пойдем в Михайловский сквер, – предложила Нина. – Там выпьем. Деньги у меня есть. Червонец.

– За червонец мы и в кафе посидим, – рассудительно сказала Марина.

– Не вопрос. – Нина улыбнулась. – Пошли. Куда?

– В «Молодежное».

– Как хочешь. Я сегодня добрая.

– С чего бы? – Марина недоверчиво глянула на свою подругу. – Ты все время жалуешься на жизнь. А теперь?

– Теперь у меня свободный вечер.

– А завтра?

– Завтра тоже выходной. А вот послезавтра буду работать.

– Не говори загадками.

– Я не говорю. Просто послезавтра пойду работать.

– Вечером?

– Именно вечером.

– И куда?

– В гостиницу «Юбилейная».

– Перестань шутить.

Марина начала злиться.

– А я не шучу.

Нина сказала это серьезно, с оттенком грусти.

– Объясни, – удивленно попросила Марина. – Только все по порядку.

– Пожалуйста. Ты мне подруга, тебе скажу. – Нотки грусти в голосе Нины прозвучали отчетливее, резче. – На прошлой неделе хотела еще сказать...

– Ну, – нетерпеливо перебила Марина.

– Как бы тебе сказать...

– Прямо.

– Ночной бабочкой, – выдала Нина. – Я недавно познакомилась с одной такой, в гостях у нее была. Богато живет. Деньги сама зарабатывает, ни у кого не просит. И я просить не буду.

– С ума сошла, – выдохнула Марина.

У Марины больше не было слов. Вернее, были, но она их проглотила вместе с жалостью к подруге.

– Может, и сошла, – как-то покорно согласилась Нина. – Но сегодня не будем об этом. Просто выпьем шампанского за завтрашний праздник и мою новую жизнь.

Они замолчали, почувствовав неожиданную и обоюдную отчужденность.

– Так, значит, ты решила, – спустя какое-то время, произнесла Марина.

– Так, – повторила Нина и уже зло добавила: – Рожденные ползать летать не могут. Это только в тупой песне поется: мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Сказка о светлом будущем есть, а вот былью ее все никак не сделают. Это и тебя касается.

– Каким боком?

Разговор, поняла Марина, еще не был закончен.

– А таким, что ты недалеко от меня ушла.

– А я и не собиралась уходить.

– Зря.

– Почему?

– Чтобы быть счастливее, богаче.

– Ты зациклилась на богатстве, – упрекнула Марина. – То тебе Люськины наряды глаза едят, то чья-то машина мешает, то еще что. Оглянись вокруг, посмотри внимательно. Хоть мы и критикуем своих бывших учителей, которые говорили нам, что не в деньгах счастье, но это правда.

– Если не досталась красота, то должно быть хотя бы богатство, – упрямо ответила Нина. – Ты красивая, тебе деньги, может, и не нужны, без них свое счастье найдешь. А мне без денег нельзя.

– Деньги телом не заработаешь, – раздраженно заметила Марина.

– А я попробую, – отчаянно выдохнула Нина. – Тело у меня большое, здоровое, пахать можно. Получиться – хорошо, а нет – пропадай все пропадом.

– Ты говоришь, как революционерка какая.

– Оно так и есть. В моем сознании произошла революция. Я решила...

– Будет страшно, будет больно, но ты останешься довольна, – попробовала пошутить Марина.

– Будет, – хмуро произнесла Нина и опустила голову.

Ее мягкое лицо было красным, а выразительная ямочка на подбородке, наоборот, потемнела, точно в нее воткнули невидимую иголку.

Чувствуя, как разрастается в горле ком, Марина посмотрела в небо. Оно было высоким и холодным. Ей стало не по себе, захотелось, чтобы кто-нибудь пожалел, обнял...

«Вот бы Алексей, – подумала Марина, но тут же отогнала эту мысль: – Не надо...»

Алексей Марине нравился, но не более того.

VIII

Готовясь ко сну, Кутько в который раз вспомнил войну. Она, проклятая, сидела внутри крепко, основательно, что осколок разорвавшегося снаряда, который во время не вынули хирурги. Теперь война тупым осколком ворочалась в теле, к месту и не к месту заявляя о себе. Особенно ее начало – отступление...

Рядовой Кутько не понимал и не хотел понимать, почему так происходит: до войны все говорили, что Советская Армия всех сильнее. Даже в очень популярной песне об этом пелось. Значит, если придется воевать, то фронт будет проходить по чужой территории. Если не по немецкой, то по польской точно. А тут советские бойцы не просто отступали, а бежали.

Беспорядочно, не зная какая обстановка на других направлениях: украинском, прибалтийском. Через родные белорусские села, городки, по лесным дорогам. Давила жара, забивала легкие пыль, как гири тянули сапоги, в которых портянки не просто были мокрыми от пота, а парились от него, превращаясь в половые тряпки.

После нескольких дней у Кутько наполовину отклеилась подошва сапога. Нога тут же покрылась кровавыми волдырями, опухла. Каждый шаг отзывался страшной болью. Чтобы хоть как-то предохранить ногу от колючего песка и острых камней, в изобилии лежащих на дороге, Кутько подвязал подошву портянкой. И так вот, чуть ли не босиком, шлепал по горячей земле, боясь отстать от колонны измученных и подавленных солдат и офицеров, в которую все больше примешивалось бежавшее от наступающих немецких войск гражданское население: мужики, бабы, дети.

К Кутько пристал пожилой истощенный мужчина с рассеченными бровью и носом. Он шел молчаливо, угрюмо, глядя больше в землю, чем по сторонам.

– Вы кто? – спросил его на коротком привале Кутько.

Мужчина посмотрел на него внимательно и с горечью ответил:

– Беженец я.

– Все беженцы, – заметил Кутько.

– Я теперь профессиональный беженец, – глухо проговорил мужчина, приглаживая тонкими длинными пальцами густые, но совершенно седые волосы. – Раньше профессиональным революционером был, а теперь профессиональный беженец. – Видя, что Кутько не понимает, объяснил: – Бежал я из Сибири, где отбывал срок. Мне приклеили шпионаж в пользу английской и французской разведок. Пятьдесят восьмая статья. Знаешь такую?

– Знаю, – буркнул Кутько.

– Вот... Сначала в лагере сидел, а в последний год на поселении выживал. От нашей родной охранки бежал. Дошел до польской границы. Думал, уйду туда, на Запад, а тут война, немцы. Все жгут, бомбят, людей убивают... Мне малец один в душу запал: лет девяти-десяти. Это в Бресте было, недалеко от железнодорожного вокзала. Идет он, булку жует. И тут со стороны крепости автоматная очередь. Гляжу, у мальчика на груди кровь, и он падает. Я к нему подбежал, а у него кровь уже изо рта пошла. Не жилец, значит. Я его подхватил на руки, а он глядит на меня сухими, какими-то сумашедшими глазами, и, глотая слова с кровью, говорит мне: «Дядя, скажите маме, что я не виноват...» Не виноват, понимаешь?.. Что убили его, не виноват... Страшно, брат... – Мужчина замолчал, видимо еще раз переживая увиденное, потом продолжил свой рассказ: – Вот, бегу обратно, уже от немцев... Но не потому, что испугался их, нет. Пострашнее картины видел. Бегу назад с надеждой, что запишусь в действующую армию, чтобы против немцев воевать. Наши наших бьют – понятно, свои своих казнят – разберемся еще, придет время... А по какому праву немцы здесь, на нашей земле?.. Бить их надо, бить... Сволочи... Вряд ли бы они пришли сюда, если бы не наш великий усатый вождь. Чтоб ему пусто было...

Кутько при словосочетании «усатый вождь» вздрогнул и испуганно оглянулся. Это заметил мужчина. Его покалеченное лицо свело в кривой улыбке.

– Не бойсь, – обронил он. – Никто нас сейчас не слушает. Каждый думает, как унести от немцев ноги. И чем подальше, тем лучше. Ты-то чего больше сейчас боишься?

– Это мое дело, – глухо проговорил Кутько.

– Наступающей сволочи?

– Ну.

– Вот тебе и ну. Все тут такие. Потому и бегут.

Мужчина замолчал...

Сергею Ивановичу подумалось о Прогудине: лицо красное, спитое, в глазах – какая-то собачья обреченность. Нехорошо так думать, но что правда, то правда. Что-то есть в Прогудине от того пожилого мужчины-беженца. Чем-то они похожи.

«Чем?..»

Вбилося в мозг Кутько это сравнение. Думал он, гадал и пришел к выводу, что похожесть кроется именно в обреченности одного и другого. И обреченность эта не с неба упала, а сформировалась здесь, у нас, при нашем строе, при социализме. А это, значит, что что-то не так: не так строили, не так воспитывали, не так жили...

«И я тоже не так...»

Сергей Иванович попробовал отогнать от себя эти мысли. Но они не уходили: тревожили душу, теребили сердце.

«Не так...»

Болезненно шевельнулись в мозгу слова Прогудина: «Главное не это. Главное, жить по совести. А остальное, как в Библии сказано, суета сует...»

Кутько вздохнул: тяжело, протяжно.

«Зачем надо было столько жить, чтобы понять простое?..»

IX

Уже была ночь, но Алексей не спал: думал о своем будущем. Оно выглядело светлым. Иначе и быть не могло: Алексей с детства стремился к свету, как всякий человек. Свет согрел его и дарил радость, наполнял жизнь новыми и непривычными ощущениями.

Алексею вспомнилось лето. Река. Он купается, ныряет. Глубоко, до самого дна. Потом, открыв глаза, поднимается вверх. Холодная на дне вода, ближе к поверхности теплеет и, кажется, ширится. Ощущение широты усиливает солнечный свет, который растворяется в воде, делает ее прозрачно-золотистой. Алексей выныривает, расплескивая солнечные брызги, глубоко и жадно вдыхает свежий воздух, быстро плывет к берегу, ложится на горячий песок. Ему хочется жить, жить!..

Алексей широко открыл глаза, как будто наяву было летнее купание, и он неведомым до сего момента образом наблюдал за своим купанием.

«Хорошо дома... Надо написать родителям письмо...»

Алексей встал, включил свет, достал бумагу и ручку. Подумав, стал писать. Нужные слова давались ему в этот раз на удивление легко, строки ложились одна за другой ровно, словно он всю жизнь этим только и занимался. Письмо написал быстро. В тексте не было ничего лишнего, все, что нужно.

Здравствуйте, дорогие родители!

Я жив, здоров, чего и вам желаю. Работаю, учусь. Свободного времени почти нет, но мне все нравится: и работа, и учеба, и в целом моя личная жизнь. Главное, что меня окружают в основном хорошие люди. Есть перспективы в плане профессионального роста. В связи с этим спешу сообщить, что мне предложили работу в нашей многотиражной газете «Горизонт». Корреспондентом. Правда, пока я буду оформлен в типографии. Но это типография, где печатают нашу многотиражную газету. Надеюсь, что со следующей недели начну в нее писать материалы – заметки, репортажи, статьи. Думаю, что со своими обязанностями справлюсь. Во всяком случае, буду стараться. Вас не подведу.

Напишите как ваши дела, как здоровье, как учатся сестры, что там дед с бабой. Интересно, что нового в селе, о чем говорят люди, что их волнует, беспокоит.

Скучаю по вас и с нетерпением жду ответа.

До свидания. Алексей.

Запечатав конверт со своим посланием, Алексей решил написать заодно и Гале.

«Точно...»

Придвинув к себе чистый лист бумаги, он, со стыдом вспомнив о ночи, проведенной с Мариной, размашисто написал.

Здравствуй, Галя!

Соскучился по тебе. Именно по тебе. Хочется увидеться, поговорить. У меня тут кое-какие изменения в работе намечаются. Думаю, что будет лучше и интереснее.

Потом я обо всем напишу или расскажу при встрече.

Ты напиши о себе: что на работе, как настроение, нормальные ли отношения у тебя с твоей домохозяйкой. И вообще рассказывай обо всем, что тебя окружает, волнует и даже печалит. Мне хочется знать все.

Надеюсь, что скоро мы встретимся и тогда поделимся своими успехами и планами. А пока желаю тебе всего хорошего. Будь такой же красивой и понимающей, как я тебя знаю.

Целую. Алексей.

Поставив точку, Алексей подумал, что хорошо было бы написать и Ивану. О Данише он думал часто, переживал за него.

«Напишу, пусть приезжает опять в Минск. Будем работать, жить в одном общежитии. Земляки все-таки, друзья... Может, и с Мариной сойдется... Хотя, лучше ему с ней не сходится – толку не будет...»

Написав другу несколько строк, Алексей уснул.

В эту ночь ему ничего не приснилось. Наверное, все эмоции и чувства выплеснулись до темноты.

Х

Протяжно и громко, нарушая ночную тишину, зазвонил телефон. Залесский вздрогнул и настороженно посмотрел на телефонный аппарат.

«Наверное, поляк...»

Предчувствие чего-то нехорошего, которое может вот-вот случиться, и в то же время тайная надежда на перемены к лучшему, опять овладели Павлом Семеновичем. Он не хотел ни с кем в этот поздний час говорить, чтобы не разочаровываться, но телефон не умокал.

«Кто же это?... Он, наверное, он – Мозолевский...»

Залесский подошел к телефону, осторожно поднял трубку.

– Слушаю.

Звонил действительно поляк. Он сообщил, что все свои дела в Москве сделал и теперь находится в Минске, на вокзале.

«Приперся, – с раздражением подумал Павел Семенович. – Опять принимай его, гостя дорогого, что б ты пропал...»

Анджей, как будто угадав мысли Залесского, сказал:

– К тебе я не поеду: нет времени. Да и честно скажу – не хочется. Приезжай на вокзал, проводи меня. С меня, ты знаешь, причитается...

Павел Семенович шумно и протяжно вздохнул, глянул на жену. Она, открыв широкий рот, спала.

«Хоть бы что, – недовольно подумал он. – Все только мне надо, все...»

– Зина, – позвал Залесский. – Зина...

Жена, наконец, открыла глаза.

– Чего ты?

– Поляк приехал, ждет меня на вокзале, – тихо объяснил Павел Семенович. – Надо ехать проводить, деньги за пакеты, что Марина продала, отвезти.

– Так езжай, проводи, – сонно выдавила жена и опять положила растрепанную голову на мягкую подушку.

Залесский встал, оделся. Достал деньги. Внимательно пересчитав, аккуратно положил их во внутренний карман куртки и вышел из квартиры. Через минут двадцать он был уже на вокзале.

Залесский сидел на скамейке, прислонив голову к стене. Рядом с ним стояла огромная сумка.

«Вот коммерсант... – Павел Семенович невольно ухмыльнулся. – Сюда – один товар, отсюда – другой. Умеет крутиться...»

Подошел, поздоровался, присел рядом.

– Доброй ночи.

– Доброй, – ответил поляк.

– Во сколько уезжаешь?

– Поезд «Минск – Варшава» около пяти утра. Время еще есть.

Залесский достал деньги, протянул Анджею.

– На, считай.

– Считать – время терять. – Мозолевский ощерился. – Меня ты обманывать не будешь.

– Это почему? – любопытствовал Павел Семенович.

– Вместе спекуляцией занимаемся, – уже хмуро ответил поляк. – Расскажу еще о тебе, твоей жизни вашей милиции.

Залесский побледнел. В груди его затяжелело.

– Что ты расскажешь?

– А то, что жизнь твоя не удалась. Торгуешь ты моими пакетами потому, что деньги нужны.

– Всем деньги нужны.

– Всем, – согласился поляк, – только не каждый полиэтиленовые пакеты продавать будет. Да еще в таком возрасте, как у тебя. Стыдно... А тебе не стыдно, хотя ты, вижу, не голодаешь – пенсия не плохая. Значит, чего-то задумал. Может, уехать из Союза?

– Зачем ты так?

– Это я к слову, не обижайся. – Анджей нехорошо прищурил глаза. – Все мы грешные. Да и нам ли обижаться – не такие слова приходилось выслушивать. Что, не так?

– Так, – вздохнув, подтвердил Залесский.

– Вот...

Павел Семенович замолчал. Мозолевский, отсчитав часть денег, протянул Залесскому.

– Твоя доля.

Взяв деньги, Павел Семенович повеселел, поинтересовался:

– В Польше, что у вас?.. Лучше, наверное, чем у нас.

– Почему ты так думаешь?

– Подальше от Москвы, нашего КГБ. Знаешь, как у нас эту контору называют?

– Интересно.

– Комитет глубокого бурения.

– Не любишь ты родину. Наверное, я прав – уехать мечтаешь. Или мечтал...

Поляк смотрел прямо в глаза Залесскому, что следовательно на допросе.

– Иногда об этом думаю, – признался Павел Семенович. – Только что толку от моих дум?.. Все напрасно...

– Эх, Павел, – Анджей так просто, по имени, впервые назвал Залесского. – Ушло наше время. Что мы теперь можем?.. Молчать, за пенсию расписываться, да вот приторговывать.

На Западе молодые нужны, грамотные, которые языки знают. А мы – отработанный материал, никто...

– Никто, – повторил Павел Семенович, то ли соглашаясь, то ли спрашивая.

– Никто, – повторил и Мозолевский. – Ты думаешь, я сам не хотел уехать еще подальше от Москвы?.. Хотел. Да вот только никто не приглашает. А раньше приглашали. Правда, советовали не торопиться, подкидывали разную работу: то литературу распространять, то за детьми высокопоставленных польских чиновников следить, то еще что-то делать. Мелочевка. Больше не доверяли. Поэтому потом, когда стал не нужен, и не позвали к себе.

– Ты западным агентом был? – испуганно спросил Залесский и невольно оглянулся.

– Был, – насмешливо обронил Анджей. – И мечталось мне большее – за океан хотел попасть, в Америку. Не вышло... – Поляк махнул рукой. – Теперь у нас в Польше «Солидарность» власть берет. Социализм сам, без моей помощи, рушится. Я и такие деятели, как я, уже не нужны. Старые, квалификация не та... Ну, да ладно. В живых бы оставили... – Мозолевский засверлил холодным взглядом Павла Семеновича. – Ты ведь, думаю, родился не в бедной семье. Не будь советской власти, жил бы богато, как на Западе.

– Может быть. – Залесский опустил глаза. – Что говорить о том, чего нет. – Помолчав, добавил: – И не будет.

– Да ты не бойся. – Анджей криво усмехнулся. – Все наше поколение перековали. Кого в белые, а кого в красные. Такое на наш век выдалось время. Я ведь не коренной поляк. Стал им по нужде, когда в войну бежал из Союза. Тогда многие бежали.

– Это, кажется, я понял, – глухо проговорил Залесский.

– Тем лучше, – процедил Анджей. Лицо его сделалось злым, как будто заледеневшим. Но через минуту опять обрело живость, подвижность. – Знаешь, я ни о чем не жалею. Только мне не по себе, когда думаю, что жизнь проходит. Практически прошла уже. Но жить все равно хочется. И хорошо жить... У нас в Польше, я тебе говорил, скоро будет капитализм. Этого Америка добивается. Помогают ей Англия, Западная Германия, Франция. Свое дело они знают: не один год работают, подтачивают все и всех... Терпеливо, медленно идут к своей цели. Это тебе не коммунисты, которые шашку наголо и вперед – к светлому будущему, к мировой революции. Шашкой теперь не возьмешь. Сегодня голова нужна, мозги. Ну, да что об этом говорить. Все равно уже это не про нас.

Поляк замолчал, задумался.

– М-да... – Павел Семенович закивал тяжелой головой. – Жизнь меняется.

– Скоро поезд у меня, – неожиданно отошел Мозолевский от своих невеселых мыслей. – Вот мой телефон в Польше. Я тебе вызов пришлю. Приезжай, посмотришь, что у нас творится: шахтеры бастуют, их рабочие и даже сельские жители поддерживают. Молодежь на улицах орет: «Долой социализм!..» Страшно. Даже мне страшно. А я ведь всю жизнь мечтал, чтобы быстрее с коммунистами расправились. Теперь расправляются, а я не знаю, радоваться или плакать. А все потому, что кушать хочется, но вот как раз еды в Польше сегодня и не хватает. Ладно, давай прощаться.

Павел Семенович, сбитый с толку откровениями Анджея, встал, подал руку:

– Прощай. – Подумав, добавил: – Если что надо будет еще продать, приезжай, поможем.

– Приеду, – серьезно сказал Мозолевский. – Буду приезжать, хотя и боюсь. Пока в Польше жизнь не наладится, придется торговать. Какие-никакие, а деньги от этого набегают. У меня дети, внуки. Все они, как и я, кушать хотят. А деньги у нас уже надо зарабатывать. Так их, как раньше, никто не дает. Раньше, правда, мелочь давали, чтобы хоть как-то люди жили, а теперь и этого не дождешься. Сам думай, как концы с концами свести, ни на кого не надейся. Скоро и у вас так будет.

– Ты это серьезно? – не поверил Залесский.

– Seriously, еще как серьезно, – с нажимом подтвердил Анджей. – Советский Союз – сосед Польши. Значит, из Польши зараза перекинется к вам. Это точно. Борьба за свободу и демократию – заразная болезнь, тут границы не помогут...

Когда поезд ушел на Варшаву, Павел Семенович еще долго бродил по железнодорожному вокзалу, осмысливая сказанное ему поляком.

«Неужели и у нас так будет?..»

Пока на этот вопрос никто не мог ответить.

Глава пятая

I

С севера всю ночь плыли на село Рубеж тучи: тяжелые, большие, темные. Казалось, конца, и края им не будет. Утром, правда, на востоке посветлело, но солнца все равно не было. И только к обеду просторная ширь неба стала раскрашиваться желтизной: желанное для всего живого светило выглянуло и улыбнулось.

Бабка Вера вышла во двор, довольно глянула вокруг: опадающие с деревьев листья просвечивались, окна хат поблескивали прозрачной чистотой, мирно и благодушно сохла на корню трава у заборов, по двору и улице озабоченно ходили куры, гребли от себя высыхающую землю, что-то клевали.

«Лето прошло, – подумала бабка Вера. – Бабье тоже, а гляди ж ты – снова потеплело. Хорошо...»

Щурясь, она блаженно уставилась на солнце.

Дневное светило хоть и было неярким, но таким высоким, недостижимым, что, глядя на него, у бабки Веры закружилась голова. «Как же это моя душа полетит в такую высь? – задалась она неожиданным для себя вопросом. – Это ж сколько километров...»

Никогда бабка Вера об этом не думала. А тут пришли такие мысли. «Помирать, видно, скоро буду», – рассудила она. Но помирать ей не хотелось.

«Пожить бы еще, правнуков понянчить, – с надеждой подумала она. – Вон, Лешка, какой уже кавалер – жениться пора». Бабка Вера вздохнула, вспомнила, что уже обед, и пошла обратно в хату.

Дед Федор сидел за столом, внимательно читал Библию. Увидев супругу, закрыл Священное Писание и важно, придавая словам весомость, сказал:

– Написано со смыслом: не хлебом единым жив человек, а словом Божьим...

Бабка Вера на это ничего не ответила. Молчаливо вытасила из печи ухватом чугунок со щами, кастрюлю с пшенной кашей. Поставив на стол, достала из шкафчика миски, ложки. Нарезала хлеба. Сходила в прохладную кладовку за молоком.

Молча сели обедать. Хлебнув ложки две щей, бабка Вера проронила:

– Что-то ты, Федор, в последнее время не такой стал.

– Какой это не такой? – насторожившись, спросил дед Федор.

– Да все больше молчишь, часто загадками говоришь. Библию мне постоянно в голос читаешь, будто я без тебя ничего не знаю. Помирать, что ли, собрался. – Бабка положила ложку. – А может, боишься?.. Так ты не бойся. Я тоже на этом свете не задержусь – чувствую. За тобой следом пойду... Куда ты, туда и я.

– Очумела, старая, что ли! – Дед Федор громыхнул ложкой по столу. – Мне еще жить да жить – дел невпроворот. И тебе со мной еще куковать придется. Лет пять, а то и все десять...

– Загнул – десять... Да и какие это дела у тебя, – снисходительно проговорила бабка Вера. – Хорошо, что хоть пенсию платят. Живи себе. А на остальное уже руки не распускай и рот не разевай.

– Это мы еще поглядим.

– Гляди, не гляди, а не тот ты, что раньше был. Совсем не тот...

Дед Федор, с удивлением глядя на бабку, подумал: «А ведь правду, старая, говорит. Вышло мое время, вышло. Эх, жалко...»

– Ты бы в больницу сходил, – посоветовала бабка Вера, – а то, гляжу, все больше теперь сидишь, чем ходишь. Ноги, если болят, лечить надо. Пускай фельдшерица Галя мазь даст, «Сабельник» называется. Ноги помажешь – боль пройдет. Сходи. А то и я могу сходить, мазь эту попросить.

– Не сегодня, – проронил дед Федор. – Может, на днях...

Бабка встала.

– Я пока пойду, корове сена дам, свиней покормлю. Сама потом поем. А ты ешь, ешь. Не в гостях ведь, дома – все свое.

– Поем. – Дед Федор кивнул. – И к фельдшернице схожу, чего не сходить. Мази этой, если она такая лечебная, попрошу.

Сказав это, дед подумал: «Фельдшерница уже не поможет. Она своему мужу не может помочь: как пил Илья, так и пьет... Вот же, холера...»

Выходя из хаты, бабка обернулась, с укором проговорила:

– А ты ведь, Федор, после смерти Евсея таким стал. Неужели опечалился или осерчал, что не ты к его смерти, прости Господи, руку приложил? Знаю я все. И вражду вашу помню. Ты уж прости его, грешного, прости. Пускай он покоится, а ты живи, сколько еще отпущено, не гневи Бога.

– Да уже давно простил. – Дед Федор махнул рукой. – Чего уж... – Ему вспомнилось, как в погребке покойного Евсея посыпались из жестяной увесистой коробки монеты царской чеканки, серьги да кольца всякие, покатались по земле драгоценные украшения, которые в старину князья, паны да пани носили. – Дурное прошлое ворошить, что навоз переворачивать – только воняет.

– Ну-ну...

Бабка закрыла за собой дверь, загремела в сенях ведрами.

«Быстрей бы Лешка приехал, – подумал дед Федор. – Степану о золоте ничего не скажу: нечего его волновать, да и не нужны ему эти драгоценности. А Лешке скажу. Ему это добро пригодится. При любой власти пригодится. Да и всякая власть – не вечная. Сегодня одна, а завтра может быть совсем другая. Может...»

Дед Федор задумался.

II

Степан Федорович вылил из лодки воду – протекала она возле кормы – и уже собрался идти домой, когда увидел на пароме Ивана Даниша. Он, навалившись грудью на заграждение, безотрывно смотрел на воду, которая текла к кладкам, а за ними дальше – через урочище Карасина в приток Припяти – реку Горынь.

Степан Федорович подождал, пока паром причалит к берегу, и позвал Ивана.

– Ну, здравствуй.

– День добрый, – пряча взгляд, поздоровался парень.

– Что у тебя нового? – спросил Степан Федорович.

– А что у нас может быть нового? – вопросом на вопрос ответил Иван, дохнув винным перегаром. – Бульбу убрали, теперь все на бураках.

– А ты что ж не помогаешь?

– В Долин ездил, в военкомат. Сказали, что в партизаны заберут.

– На службу, значит?

– Ага.

– Ну, что ж, служба – дело хорошее. Я сам когда-то служил, помню. – Степан Федорович улыбнулся. – Если бы вернулась молодость, опять в армию пошел бы. Жалко, что не вернется, да и здоровье у меня уже не то, что раньше.

– Так я не отказываюсь служить, – разоткровенничался Даниш. – Хоть куда пусть посылают. Даже в какую-нибудь горячую точку, если надо. Мне один прапорщик, который недавно демобилизовался, рассказывал, что службу проходил в Анголе. Там жарко – война. Мне бы сейчас тоже на войну, а то у нас в деревне тихо, спокойно, как на кладбище.

Степан Федорович внимательно поглядел на Ивана: лицо осунувшееся, посеревшее. На лбу – заметная морщина.

«Рано морщинами обзаводиться стал», – подумал Степан Федорович и нравоучительно заметил:

– Ты, Ваня, не дури. Наслышан я о твоём горе. У нас село хоть и большое, а все равно все обо всем наслышаны: кто и как живет, кто чего хочет, что добывается в жизни, кто чего делает. Секретов практически нет. А если и есть, то они недолговечные. Сам знаешь. Так вот, что я тебе скажу. Ты друг моего сына, значит, не чужой мне человек. Да и родителей твоих я знаю, неплохие они люди. Их ты не слушаешь, послушай меня. Со стороны ведь виднее. Брось дурное думать: любовь, знаешь, одно, а жизнь – другое. Девочек в Рубеже и Заболотье хоть отбавляй. Любую бери. Парень ты видный, работающий. А городскую эту выбрось вон из головы, выбрось. От сердца советую.

Иван слушал молча, потупив глаза к пожухлой траве, которая густо покрывала берег.

– Хорошо, дядько Степан, хорошо, – глухо выдохнул парень, когда Степан Федорович закончил говорить. – Я выброшу, а вы глядите, чтобы вашему Лешке эта самая городская не приглянулась. Ему я об этом не говорил, неудобно.

– Отчего неудобно?

– Оттого, что глаза у нее при виде Алексея вроде как сами по себе маслом смазываются. Я это не раз замечал... Может, потому и не до меня ей. Из-за этого я, честно говоря, и уехал из Минска.

– А Лешка как же?

– А что Лешка, у него, сами знаете, Галя есть. А мне та, что в Минске по душе. Не могу забыть и все тут. Хоть вешайся. Вам первому это говорю. Сам не знаю почему, а говорю.

– Да разве ж можно – из-за девки?

Степан Федорович вобрал в себя побольше воздуха, шумно выдохнул, словно готовился к тяжелой физической работе.

– Можно...

Задрожал губами Даниш, махнул рукой, резко повернулся и быстро зашагал по улице к центру деревни.

«В магазин», – почему-то решил Степан Федорович и задумался над словами Ивана.

Река, широкая и полнеющая от сентябрьских дождей, набирала силу, бурлила, словно боялась преждевременно оказаться подо льдом. На середине ее, выглядывая отломанным верхом, плыл сучковатый тополь. Попадая в омут, дерево на несколько минут уходило под воду, потом всплывало, кружило на одном месте, точно решало: плыть дальше или утонуть здесь.

«Как в жизни. – Степан Федорович провел ладонью по своему лицу. – Кто хочет и может плыть, тот плывет, а кто сдастся, тот тонет и погибает...»

Окинув взглядом широкую реку, он с тревогой подумал об Алексее: как он там?..

Потом, глянув на тополь, который выплыл из омута и поплыл по реке дальше, повеселел: «Нет, надо жить, жить...»

Степану Федоровичу захотелось увидеть сына. Так захотелось, что, казалось, сейчас переплыл бы Чакву и напрямик пошел в соседнюю Бережновку, а там, на трассе, остановил бы любую попутную машину, державшую путь в Минск, и напросился бы довести в столицу, к Лешке...

«Может, он тоже, пока Галя в Долине, в какую-нибудь городскую молодуху влюбился? Или эта красавица, что любовь Ивана не признает, захмутает Лешку? – Степан Федорович нахмурился, но тут же отогнал от себя плохие мысли: – А хоть бы и так случилось, то что ж тут такого? Дело молодое, все через это прошли. Вот если без ответа любовь, как у Ивана, тогда жди беды...»

– Э-хе-хе, – вздохнул Степан Федорович.

Он глянул на церковный купол, который венчал высокий металлический крест, и мысленно перекрестился.

«Жизнь наша, – подумал Степан Федорович. – Кому она мать, а кому и мачеха».

III

Вечером Надежда Казимировна зашла к соседке – Елене Макаровне Трубич. За спичками.

– Можно?

– Проходи, проходи... – Соседка встала из-за стола. – Давно ты ко мне не заходила.

– Так получилось. – Надежда Казимировна развела руками. – Осень: хлопот полон рот.

– А хлопот всегда хватает. – Елена Макаровна согласно кивнула. – Садись на диван.

На нем мягче, чем на лаве.

Надежда Казимировна присела.

– Одна дома?

– Одна. Максим к сыну пошел. Помогает гараж строить.

– Для машины?

– На машину мой Петька еще не заработал. А вот мотоцикл купил на прошлой неделе.

Пускай ездит, жену с детьми возит. А дальше видно будет. Твой еще учиться?

– Учиться, работает.

– Молодец. А мой Петька учиться не захотел. Старший Андрей тоже до науки ни боком, ни скоком. Один тракторист, другой бульдозерист. Вдвоем в колхозе.

Елена Макаровна вздохнула.

– Разве ж это плохо?

Задав этот вопрос, Надежда Казимировна сложила руки на груди, словно хотела сказать: «Побойся Бога – на своих сыновей наговаривать».

– А я и не говорю, что плохо. – Елена Макаровна округлила глаза. – Работают, деньги зарабатывают. А главное, дома. Только Максим недоволен.

– Муж твой? – удивилась Надежда Казимировна. – Никогда бы не сказала.

– Муж... – По губам Елены Макаровны пробежала горькая усмешка. – Муж, как говорят, обьелся груш.

– А чего он недоволен?

– Считает, что хлопцы должны в Сибирь ехать, на шабашку, как большинство мужиков из нашего села. Мол, нечего на своих тракторах штаны протирать. На шабашке за пару лет можно на дом, хлев и все пристройки, которые нужны в хозяйстве, заработать. А колхозе что?.. Простой полевод за месячную зарплату велосипед не купит. Он же стоит пятьдесят шесть рублей, ты знаешь, а не всякому колхознику даже такие деньги платят. Вот...

– Может, оно и так, – задумчиво проговорила Надежда Казимировна. – Только в своем селе лучше синица в руках, чем за тридевять земель журавль в небе. Ты сама слышана, сколько в той же Сибири наших мужиков обманывали: обещали одни деньги платить, а платили совсем другие. Нет, уж лучше на месте.

– Попробуй, скажи это Максиму... – Елена Макаровна недовольно засопела. – Сразу срывается в крик: лентяи, не хотите работать!.. А тут еще письмо от Станислава пришло. Это мой двоюродный брат, он в Польше живет. Так Станислав пишет, что у него свой хутор, ферма есть, две сажалки, недавно купил новый трактор. Теперь Максим козыряет этим письмом: учись, как надо жить. И смех, и грех.

– А я слышала, что в Польше кризис, – заметила Надежда Казимировна.

– Станислав об этом тоже пишет... – Елена Макаровна согласно покачала головой. – Только кризис этот не для всех. Кто на земле своей хозяин, тому и в кризис хорошо – все свое, в магазин бежать не надо.

– А у Станислава своя земля?

– Своя.

– Даже не верится, что такое в наше время может быть.

– Чего ж тут не верится. Это же заграница. Там все по-другому, не так как у нас.

– Значит, в Польше колхозов нет.

– Колхозов нет, а совхозы есть.

– Интересно.

– Давай не будем об этом. – Елена Макаровна махнула рукой. – А то у нас какой-то мужской разговор получается.

– Наверное, – согласилась Надежда Казимировна. – Просто хочется знать, как живут люди в той же Польше.

– Люди везде люди, – поставила точку в разговоре Елена Макаровна. – Ты так пришла или дело какое?

– Какое у меня дело? – Продолговатые брови Надежды Казимировны выгнулись дугой. – Спички в доме закончились, вот и пришла. Магазин уже закрыт, а завтра с утра печь топить надо.

– Этого добра у меня целый пакет, – улыбнувшись, проговорила Елена Макаровна. – Запаслась на всю жизнь. У нас ведь без запаса жить нельзя. Сегодня спички в дефиците, завтра мыло, а послезавтра еще что-нибудь... – Она полезла на печь, достала из упаковки два коробка. – На.

– Спасибо, – поблагодарила соседку Надежда Казимировна. – Завтра куплю и отдам.

Уходя подумала: «При любой власти человек свою выгоду ищет. И Максим, и двоюродный брат соседки Станислав, и все остальные. Так мы устроены, так живем...»

IV

Деда Федора мучила бессонница. Лежал он с открытыми глазами, беспокойно ворочался, думал о золоте: «Раньше бы мне оно пришло, раньше... При Польше, когда в личном пользовании земля была, большое хозяйство, своя мельница...»

Вспомнился отец – высокий, худой, с редкими, но длинными усами под покалеченным и согнутым в бок носом – след от австрийской пули. Отец трудился на своей земле от зари до зари. Отдыхал только по воскресеньям и праздникам. Иногда в эти дни выпивал. Когда такое случалось, становился хмурым и даже злым. Сидел, бывало, и ронял про себя:

– За царя воевал? Воевал... А что получил? Рубль с копейками, кресты георгиевские да лихо в кости. Э-эх...

Когда получалось собрать немного денег, отец прикупал к своему участку по несколько десятин земли. К концу жизни у него было около двадцати гектаров пахоты и пастбищ. Вроде немало, но это, когда земля в одних руках. После смерти отца она досталась двум его сыновьям – Федору и его старшему брату Роману. По десять гектаров. Площадь для посевов небольшая, а прокормить себя и свою семью все равно было непросто.

Умирая, отец наказал сыновьям:

– Деньги попусту не тратьте. Покупайте землю. Она всегда в цене будет, никто ее не забрет...

Не знал он, что случится на его земле страшное – революция, две войны, Гражданская и Отечественная, а потом, когда вместо польской власти пришли Советы, и того хуже – коллективизация, экспроприация... Слова это страшные, их даже выговорить тяжело, а жить было еще тяжелее. И не просто тяжелее, а бывало, невозможно. Особенно в сталинские и хрущевские годы, когда все нажитое в одночасье забрали в колхоз, а вместо денег за ежедневный, изнурительный труд в общем, коллективном хозяйстве – придумали же! – ставили в амбарных книгах крестики-нолики, обещая – потом, по осени, получите. Получали, конечно. Кто полмешка зерна, кто два-три коша бульбы, а кто, если при людях возмущался Советами и их порядками, по десять лет лагерей. Но все равно жили, надеялись на лучшее.

«Эх, если бы как при Польше... За золото это можно было бы купить земли столько, что со всей своей семьей на ней не управились бы, – уходил мысленно в прошлое дед Федор. –

Но ничего, техникой бы обзавелись... Трактор – в самый раз... Жалко только, что землю теперь уже не купишь... Земля не продается, вся государственная. А без собственной земли что, какая выгода?.. Мельницу свою не поставишь, потому что нельзя – не дадут разрешение, да и в колхозе есть. Птичник какой, и его запретят строить – при социализме не положено иметь свое частное птицеводческое хозяйство. Несколько кур на подворье – это пожалуйста, а больше – упаси Господи, еще чего доброго разбогатеешь... Можно, правда, телевизор новый купить, одежду, даже машину. Но куда остальные деньги девать, которые можно получить за золотые монеты, кольца, серьги, цепочки?..»

Дед Федор прикинул в уме, сколько примерно будет денег, если он сдаст золото.

«Тысячи. Много тысяч!..»

Он испугался этих цифр – хоть и не конкретных, но все равно больших, с несколькими нулями.

«Посадят... Нет, нельзя никому даже говорить о золоте. Пока даже Лешке. Сболтнет кому по молодости, неопытности, спросят, где взял... Нет, пускай полегит еще добро, не время им распоряжаться, не время...»

Почти до утра не спал дед Федор. Хотел уснуть, да не мог, взволнованный своими мыслями. Поднялся разбитый и злой.

У

В это утро не петухи разбудили село Рубеж, а крики о помощи. Они неслись от парома, который сиротливо покачивался на воде.

– Ма-ама!..

– Иван, тону!..

– Сын, сыно-ок...

– Все! Все!..

– Спаси-и-и-те!..

– Проща-а...

Расходились по воде неровные круги, казалось, кипела она у баржи парома, пускала большие и малые пузыри, словно играла с людьми, насмехаясь над их беспомощностью.

– Сюда! – кричал рослый носатый паромщик Игнат. – Сюда!..

Он один стоял на краю пароме, призывно махая руками и одновременно поглядывая на беспокойную воду.

К парому бежали рубежцы. Кто с багром, кто с веревкой, а кто просто с тем, что попало под руки – веслом, палкой, штaketиной.

– Спаси-ите! – страдальчески рвал воздух пронзительный женский голос, которому немного потише вторили другие женские голоса.

Надежда Казимировна, широко открыв от страха глаза, попыталась удержаться на поверхности реки, но так как плавать не умела, то камнем пошла ко дну. Оно было глубоким и темным. Надежда Казимировна, едва почувствовав его ногами, инстинктивно оттолкнулась от песчаного грунта и подалась вверх. Ей не хватало воздуха, но она отчаянно, сжав синеющие губы, держала его остатки в себе. Перед самой поверхностью реки, не выдержав напряжения, Надежда Казимировна чуть-чуть приоткрыла рот. В ту же секунду вода хлынула в нее, забивая горло, останавливая дыхание. «Все», – подумалось Надежде Казимировне. Она уже приготовилась умереть, как увидела лицо какого-то мальчика, от которого исходил свет. Мальчик улыбнулся Надежде Казимировне и поплыл вверх. Она вздрогнула, с силой, обеими руками, гребанула под себя воду и заметила чью-то ногу. Плохо соображая, ухватилась за нее, потянула к себе и оказалась на поверхности реки.

– А-а-а! – выдавила из себя вместе с водой.

Дальнейшее Надежда Казимировна помнила плохо. Уже под вечер, когда она пришла в себя, начала восстанавливать картину произошедшего. Рисовалась она мучительно, непонятными мазками...

Управившись по домашнему хозяйству, Надежда Казимировна решила вырвать на сотках оставшуюся капусту. Положив в торбу кусочек сырокопченого мяса, хлеб, два огурца, бутылку компота, пошла к парому, на котором переправляются колхозные грузовики на другой берег. В кузове одного из грузовиков ехали женщины. Кто на колхозное поле, а кто на свои сотки.

– Возьмете с собой? – с надеждой спросила Надежда Казимировна.

– Залезай. – Ей приветливо замахали ей из кузова. – Веселее будет...

Без всякой мысли об опасности, Надежда Казимировна бросила торбу со скромными харчами в кузов, забралась в него сама. Водитель грузовика, вместо того, чтобы высадить женщин перед тем, как поставить машину на паром, лихо въехал на него. Паром был непривязанный. Он по инерции подался вперед. Отъехав от причала на метра два, закачался. Грузовик с женщинами подался назад, к краю парома. Водитель, вместо того, чтобы поставить машину на тормоз, испуганно выскочил из кабины. Грузовик покатился задом к воде. В мгновение его колеса повисли в воздухе, после чего машина медленно стала сползать в реку. Среди женщин, что были в кузове, началась паника. Под их крики грузовик начал переворачиваться, увлекая за собой своих пассажиров...

– Восемнадцать женщин утонули, – хмуро сообщил Надежде Казимировне Степан Федорович. – Поналезли в кузов, что селедка. Безголовые...

В его голосе слышались нотки осуждения, но еще больше – скорбной жалости.

– Безголовые, – повторил Степан Федорович.

Надежда Казимировна молчала. Из ее глаз текли слезы.

«Вот оно: „Веселее будет...“ Повеселились...»

Надежде Казимировне вспомнился необычный мальчик, виденный ею дважды: весной, когда разлилась вода, и сегодня утром...

«Это мой ангел-хранитель, – поняла Надежда Казимировна. – Бог не оставляет меня...»

Ей захотелось рассказать о своих видениях мужу. Но сил для разговора не было. К тому же ее веки закрывались от пережитого потрясения и осознания горя, которое пришло в село.

Надежда Казимировна прилегла на кровать и тут же уснула. Во сне она несколько раз подолгу кричала. То звала мужа, то Алексея, то дочерей, то, – странно было слышать, – Галю...

VI

Степан Федорович, опасаясь за психическое здоровье жены, пошел на почту и позвонил сыну в общежитие. Когда Алексей поднял трубку, Степан Федорович, забыв поздороваться, попросил:

– Приезжай домой, только не говори, что я звонил.

– Что случилось? – заволновался сын.

– Мать чуть не утопилась, – едва слышно выдавил в трубку Степан Федорович.

– Как?! – закричал Алексей.

– Ты дурного не думай, – стараясь быть спокойным, проговорил Степан Федорович. – Колхозная машина с парома упала, а в кузове – бабы. И мать с ними. Она до сих пор отойти не может – шок. Словом, приезжай.

– Еду, – выдохнул Алексей и положил трубку.

«Ну и хорошо, – подумал Степан Федорович. – Хорошо...»

Хорошего, конечно, было мало. После похорон утопленниц люди притихли. Женщины не сидели на скамейках у заборов, мужчины ходили, понуриив головы, старики перестали выходить на улицы, а дети не смеялись, точно в одночасье выросли и осознали, что жизнь тяжелая и жить непросто.

По селу носились дурные слухи. Почти все они сводились к тому, что вот-вот наступит конец света, и Бог каждому воздаст за добро и зло. А утопленницы – это первые жертвы, потому как грешные души.

После обеда в воскресенье, когда рубежцы вышли из церкви, полуслепая старуха по кличке Грудня, прилюдно разорвала на себе кофту, обнажив спекшуюся желтую грудь, и закричала:

– Грешная я!.. И все мы грешные!.. Сейчас вот молилась и услышала голос с неба: «Спасайтесь, праведные! Спасайтесь, грешные! Спасайтесь все, кто может спастись. Ибо смерть к вам пришла...»

При последнем слове старуха упала лицом в песок, поползла вперед, дергаясь и дрожа. Испугались рубежцы. Сначала осторожно, а потом во весь голос завизжали, завыли женщины.

Не поняв, что происходит, бросились мужчины к забору, начали рвать штакет, словно собирались защищаться от злой и неведомой силы. Заплакали, испугавшись, дети.

Что-то нашло на поверивших в конец света рубежцев, закрыло им свет. И хотя таких было немного, но их шумные, истеричные голоса разносились по всему Рубежу.

Степан Федорович, услышав крики, насторожился. Надежда Казимировна хотела было бежать на помощь, но муж закрыл собой дверь:

– Ложись, отдыхай.

Пришлось подчиниться.

В это время поверившие в апокалипсис рубежцы, в основном женщины, рвали на себе одежды, выбрасывали прямо на улицу свои наряды, в которых щеголяли по праздникам и выходным, просили Всевышнего простить им грехи, даровать жизнь, не делать сиротами детей.

Наверное, смилостивился Господь, так как к вечеру коллективное помешательство пошло на убыль. Крики и плач стихли. Только на улицах стало еще пустынное и тише...

VII

Раньше срока из заработков начали возвращаться рубежские мужчины: у кого-то утонула жена, кто-то потерял сестру, кому-то пришла телеграмма, что погибла близкая родственница – приезжай...

С автобусной остановки они шли неторопливо, вроде как нехотя. На самом же деле – пытались оттянуть предстоящие встречи со своими близкими людьми. И теми, кто в одночасье осиротел, и теми, чьи фотографии скорбно глядели с новых крестов и надгробных памятников на окружающий суетливый мир.

Молчать мужчины не молчали, но и слов много не произносили. Перебрасывались ими скупо, больше по необходимости...

– Ты зайди ко мне вечером, помянем мою Марью.

– Не верил я в судьбу, а она, оказывается, есть, есть...

– Едри его в хомут!..

– Везу почти шесть тысяч рублей. Думал, дочке свадьбу сделаю. А ее уже нет.

– Беда...

– Хватит хоронить себя!.. Пока живы, будем жить!..

– Это известно – на себя руки не наложишь. А наложишь – детям отвечать за этот грех придется...

Часов в семь вечера за рекой раздался выстрел, потом второй. Это Афанасий Филиппович Лешкевич, старый шабашник и заядлый охотник, у которого утонула жена, разрядил свою двухстволку в небо, а потом дико, напрягая и без того вздутые багровые жилы, закричал:

– За что?!

Этот крик услышали в церкви, где шла вечерняя служба. После ее окончания из храма вышел батюшка и напрямик подался к Чакве. Нагнув голову, он долго стоял у воды и что-

то шептал. Скорее всего, молился. Потом перекрестил реку и медленно направился к своему дому...

До самой ночи во многих домах Рубежа горел свет. В них, сидя за широкими столами, пили, пели, вспоминали... И никто не говорил о деньгах, как это обычно было раньше, когда работающие и крепкие представители мужской половины села, возвращались из России, Украины и Казахстана, где трудились от зари до зари, зарабатывая тысячи, в Рубеж. Да и зачем говорить о каких-то бумажках, пусть и ценных, когда за них нельзя купить ни здоровье, ни счастье, ни долгую жизнь.

– Нехорошо у меня на душе, – проговорил дед Федор, сидя на лавке у забора.

– И мне, – обронил Стасик, который мостился рядом со своим другом и соседом.

– Хоть бы чего хуже не случилось.

– Вот и я так думаю...

Непривычное единодушие их удивило и в то же время напугало.

– Что же может быть хуже? – спросил дед Федор. – Войны нет, революции тоже... Как думаешь?

– Если б я знал... – Стасик огляделся по сторонам, точно искал того, кто ответит на их вопросы. – Но не знаю.

– Одна беда не ходит.

– Это точно. Она всегда с подругами. Не придет сегодня, так наведается завтра, послезавтра...

– Жалко детей, внуков.

– Как же их не жалеть?.. Родная кровь.

– Это правда, – подтвердил дед Федор. – Святая правда.

Он глянул в сторону церкви. Купола ее под лунным светом были бледными и холодными.

VIII

Галя, не подозревая, что творится в ее родном Рубеже, посмотрела немного телевизор и легла спать. В последнее время она все чаще ложилась рано. Но не потому, что хотела спать, нет. Просто в теплой постели Гале лучше думалось, вспоминалось и особенно мечталось.

«Если бы Лешка был рядом, – подумала Галя, – я бы в этот раз не постеснялась, спросила: как жить дальше думаешь? Как?.. Я не могу больше одна...»

Она не заметила, как вошла в комнату хозяйка – бабка Фрося.

– Тебя к телефону, – строго сказала она, морща свое крупное, оплывшее лицо, побитое толстой сеткой морщин. – Иди быстрее.

«Лешка! – выстрелило в голове у Гали. – Он...»

Она откинула одеяло, не одеваясь, в одной сорочке, побежала в зал, схватила трубку, шумно выдохнула:

– Слушаю.

Звонил Валерий. Он все настойчивее пытался ухаживать за Галей.

– Выйди через минут десять на улицу, – попросил парень. – Я буду ждать. Постоим немного, поговорим.

– Я уже сплю, – недовольно отрезала Галя и присела на кушетку.

– Ну, выйди, – жалостливо прогудел Валерий. – Я же прошу...

Выходить не хотелось. Но спать идти, опять напрасно думать о замужестве, которое все время отодвигалось на неопределенный срок, уже не хотелось.

– Хорошо, – согласилась Галя. – Только ненадолго.

Бабка Фрося одобрительно кивнула головой:

– Прогуляйся, а то лица на тебе нет. Заболела, что ли?

– Да нет, – обронила Галя. – Не спится просто.

– Не спится, – хмыкнула бабка. – Восьмой час только, как же тебе спаться будет... Я старая, а и то в такое время не ложусь. – Она помолчала, наблюдая, как Галя, не спеша, одевается, потом спросила: – Это Валера?

– Валерий. – Галя вздохнула. – Ваш друг.

– Хороший хлопец, – похвалила его бабка Фрося. – Приветливый.

– Вы, наверное, меня замуж за него хотите выдать?.. Как будто я вам надоела.

– Чего ж надоела, живи. – Бабка Фрося, кряхтя, присела на диван. Под ее тучным, широким телом, он жалобно заскрипел и заметно прогнулся. – Мне с тобой веселее, да только жалко – пропадаешь.

– Чего это я пропадаю?

– А то ты не знаешь, – упрекнула бабка Фрося. – Замуж тебе пора, к мужу прижиматься, а не к подушке.

– Скажете тоже, – засмуцалась Галя.

– Что знаю, то и скажу, – заключила бабка Фрося. – Валеру этого я мало знаю, а вот с родителями его хорошо знакома: люди уважаемые, верующие. Это теперь – редкость.

– Какая же редкость, – не согласилась Галя. – У нас в селе почти все верующие. Кто в церковь ходит, а кто в молитвенный дом.

– В вашем селе оно, может, и так, – кашлянув, сказала бабка Фрося, – а у нас в Долине люди другие, городские. Старые – верующие, а вот молодые никого и ничего признавать не хотят. Молодые теперь больше на себя надеются, чем на Бога.

– Чем же это плохо?

– Не плохо. Но без Бога человек ничто, несет его туда, куда он и сам не знает. А Валера, я справки навела, тоже верующий.

Галя недоверчиво, глядя на хозяйку, спросила:

– Баптист, что ли?

Она даже испугалась своего вопроса.

– Баптист, – спокойно проговорила бабка Фрося. – А что тут такого?.. Баптисты – люди непьющие, работающие, а главное – дружные. Если кто из них в беде или причина какая, обязательно помогут.

– Какая причина?

– А хотя бы та, которая у всех молодых бывает.

– Вы о свадьбе говорите, что ли?

– В том числе и о свадьбе, – многозначительно сказала бабка Фрося. – Сегодня – это дорогое удовольствие. Очень даже дорогое: гостей приглашают не меньше сотни человек, а то и больше, и каждому надо угодить – поставить выпить и закусить, а близким родственникам еще подарки дать. Это ж сколько денег идет – жуть. Что, неправда?..

Галя отвернулась, глянула в темнеющее окно, тихо обронила:

– Не знаю.

– Не знаю, – проворчала бабка Фрося. – А пора знать. Да... Иди сейчас и расспроси Валеру. Он, думаю, тебе скажет, что по чем. Парень с головой. Эх, не видишь ты свою выгоду, не видишь...

«Все я вижу», – подумала Галя, но не сказала. Она посидела еще немного, потом накинула плащ на плечи и вышла из дома.

IX

На улице было темно и ветрено. Напротив подслеповато горел одинокий фонарь. Он дрожал, и желтоватый скупой свет от него пугливо пластался по выщербленному черному асфальту.

Валерий стоял возле высокого тополя. Завидев Галю, пошел ей навстречу.

– Здравствуй, я рад тебя видеть.

Гале это было приятно слышать, но она ничего не сказала, только поздоровалась и грубовато спросила:

– Ну, чего надо?

– Надо, – выдохнул Валерий, – поговорить надо.

– Говори.

Валерий замялся, предложил:

– Может, в кафе сходим, шампанского выпьем?

– Ты же верующий, – не подумав, брякнула Галя.

– Верующие тоже выпивают, – с обидой сказал Валерий.

– Верующие, но не баптисты.

– А я пока не баптист...

Они замолчали.

– Не обижайся, – миролюбиво проговорила Галя. – Это я не со зла, так просто.

– Да я уже забыл. – Валерий махнул рукой. – Знаешь, меня, бывает, обидят, а я стараюсь не обращать внимания – в жизни и так много зла. Если на все реагировать – здоровья не хватит.

– А ты расчетливый, – опять уколола Галя.

– Да, расчетливый, – с вызовом сказал Валерий. – Мой расчет разумный. Я подхожу ко всему серьезно.

– А конкретнее.

– Да ко всему.

– И сейчас?

– Да.

– В чем же сейчас заключается твоя серьезность?

Парень прочертил на асфальте носком туфля едва заметную линию и ответил:

– В том, что я хочу предложить тебе выйти за меня замуж.

– Замуж? – Об этом Галя иногда думала, но никак не предполагала, что Валерий сделает предложение ей так быстро, всего после нескольких встреч. – Мы же не знаем друг о друге почти ничего.

– Узнаем, жизнь длинная.

– Ну, тебя. – Галя потупила взгляд. – Говоришь, сам не знаешь что...

Она испытывала противоречивые чувства и вместе с тем некоторое облегчение, что ей предлагают руку и сердце, а значит, она не останется одна, если Алексей не захочет на ней жениться. Гале даже стало немного жалко Валерия, и она благодарно поглядела на него, отметив про себя, что он действительно хороший парень. К тому же с лица приятный: белолицый, с выразительными большими и доверчивыми глазами, правда, с не по-мужски вздернутым носом... Галя уже видела удивление Алексея, когда она ему скажет о Валерином предложении.

«Пусть знает», – усмехнулась она.

– Ну, так что? – спросил Валерий.

– Я так быстро не могу решить, – лукавила Галя. – Ты подожди.

– Подожду, – согласился Валерий. – Я и так жду.

– Тогда я пойду?

– А может, еще постоим?

– Нет.

– Ну, как хочешь...

Галя видела, что Валерий не хотел, чтобы она уходила. Ей и самой не очень приятно было идти в квартиру бабки Фроси, которая постоянно учила ее жизни. Но больше податься в Долине в такой час Гале было некуда.

Она поежилась.

– До свидания.

Они разошлись. Каждый со своей надеждой.

Х

Уже была ночь, когда Иван Даниш переступил порог родительского дома. Мать не спала, тут же поднялась, с жалостью и болью проговорила:

– Опять пил?

– Пил, – не пытаясь оправдываться, нервно проговорил Иван. – В последний раз.

– Сколько же было этих последних разов, – заплакала Павлина Антоновна. – Сколько раз ты говорил, что больше не будешь пить, обещал... Как же дальше жить?..

Иван сел на диван, обхватил голову руками, шумно выдохнул:

– Не могу я больше, не могу!..

– А как же я могу, как твой батько может, – запричитала, точно по покойнику Павлина Антоновна. – Хорошо, что он сейчас на заработках в Сибири, не видит... Хочется мне написать ему о твоём пьянстве, но не буду... Мы ж тебя, сынок, растили, любили, думали человеком будешь, а ты как Илья Еремеев, стал пьяницей. Что же дальше с тобой будет?..

Павлина Антоновна затряслась, захлебываясь от удушливого, протяжного плача.

– Не могу, – сквозь зубы проговорил Иван. – Дай мне выпить, ма-а...

Павлина Антоновна, широкое лицо которой было перекошено мукой, горестно погладила вихрастые волосы сына, и пошла в кладовую. Через минуты три вернулась со стаканом самогонки.

– На, сынок, пей... Только действительно в последний раз пей. Когда протрезвеешь, я поведу тебя к бабке Еве. Пускай пошепчет, заговор или молитву почитает. Может, вылечит тебя, спасет от этой заразы проклятой. Пускай... – Павлина Антоновна прижала руки к груди, закачала головой, задрожала всем телом, словно увидела впереди себя топкое болото, в которое только что провалился ее любимый сын. – Ох, горе мне, горе...

Иван подержал стакан перед собой, точно сомневался, что он настоящий, с самогонкой, потом, выдохнув из себя затхлый воздух, медленно отпил часть сивухи. Глаза его покраснели, стали закрываться.

– Хорошо, – обронил он.

Павлина Антоновна осуждающе покачала головой.

– Хорошо от этой заразы еще никому не было. Никому... И тебе не будет...

Посидев какое-то время неподвижно, Иван, не раздеваясь, прилег на подушку и сразу же уснул. Мать сняла ему туфли, положила ноги на диван и устала в едва светящееся окно. Подождав с полчаса, пока сын уснет, вышла во двор.

Над деревней кружила тьма. Но небо было светлым. Хоровод звезд на нем едва заметно раскачивал бездонную высоту.

XI

На следующий день, после работы в поле, уже под самый вечер, Павлина Антоновна с сыном решительно направилась к бабке Еве. Старуха сидела за круглым столом и перебирала горох, который ссыпала на развернутую пожелтевшую газету.

– Спасай, – попросила Павлина Антоновна бабушку Еву. – Потерял мой сын голову из-за городской крали. Совсем житья ему нет. Как приехал из Минска, так и запил. Несколько месяцев прошло, а он все пьет и пьет.

Бабка Ева покосилась на Павлину Антоновну и ее сына.

– Спасай, – повторила она. – Помутилось в голове у моего сына. Остановиться не может.

– Вижу, – недовольно буркнула старуха, продолжая перебирать горох. – Да и люди рассказывают.

– Сделай что-нибудь, все отдам, – плачущим голосом проговорила Павлина Антоновна. – Пропадает дитя... Совсем пропадает...

Старуха отвлеклась от своего занятия, окинула дрожащим, прищуренным взглядом Ивана, который стоял понуро, ни на кого не глядя.

– Садись напротив. – Бабка Ева кивнула на табуретку. – Не бойся, не съем.

Иван нерешительно присел.

– Спасибо тебе, спасибо... – Обращаясь к старухе, Павлина Антоновна прижала руки к груди. – Может, и будет что... Может, и получится...

Она верила и не верила: сохнет сын по своей городской девице, спивается, хоть бы руки на себя, прости Господи, не наложил. Грех это, хотя и без этого грех...

– Помогу тебе и твоему сыну, хоть и далеко у него болезнь зашла, – промолвила бабка Ева.

Павлина Антоновна, в порыве чувств, схватила руку старухи, хотела поцеловать, но бабка вырвалась.

– Не надо, не в церкви.

– Я так, так, – виновато зачастила Павлина Антоновна. – Простите.

– Не я прощаю, – глухо проговорила бабка Ева.

Она подошла к Ивану, положила на его лоб свою дрожащую ладонь, что-то прошептала про себя. Иван, закрыв глаза, впал в полубоморочное состояние. Сколько над ним шептала свои заговоры бабка Ева, он не помнил, но когда очнулся, почувствовал, что ему стало легче и как-то спокойнее.

– Теперь иди и помни: не будешь пить – жить будешь долго, а не бросишь хмель – пропадешь, детей своих сиротами оставишь, их у тебя двое будет. Хлопцы. Правду говорю. Жениться тебе скоро. Позовешь на свадьбу?

Иван невольно ухмыльнулся, подумал: «Тоже сказала: на свадьбу. Не нужна мне никакая свадьба, никто мне не нужен, и сам я никому не нужен...» Но все же выдавил:

– Позову, если женюсь.

– Лукавишь мне, вижу... – Старуха нахмурилась. – И себя обманываешь, не так думаешь. Человек что?.. Травинка. Гнется к тому, возле кого тихо, тепло. Травинке от земли тепло. А тебе тепло будет от той, которая на роду у тебя написана. Так-то. Встретишь свою суженую, расскажешь о себе, она тебя и пожалеет. А тебе сейчас это и требуется...

– Правда твоя, – жалостливо проговорила Павлина Антоновна. – Надо моему сыну тепло. Ох, как надо.

– Помоги ему, – наставительно, на прощание, сказала бабка Ева. – Пить больше не давай, пускай неделю дома посидит.

– А если захочет Иван к кому пойти? – спросила Павлина Антоновна. – Он, когда пьет, по людям ходит, просит добавки. Даже в хату покойного Евсея заходит, к приезжей этой – Тамаре.

– Туда не пускай, – строго сказала бабка Ева. – Дурная это хата. Не принесла она добра Евсею, и никому не принесет.

– Так, – согласилась Павлина Антоновна

– Мужу своему скажи, когда с заработков приедет, чтобы глядел сына, чаще говорил с ним, воспитывал. А то мало ли чего... Ну, идите, у меня хлопот полон рот.

Старуха наклонилась над горохом, который лежал в миске, что стояла у стола. Взяла несколько горошин, оставилась на них...

– Спасибо, что не отказали, – прошептала посветлевшая лицом Павлина Антоновна.

– До свидания, – буркнул Иван.

Они осторожно, боясь что-либо зацепить, вышли из тесной хаты бабки Евы и торопливо направились к себе домой.

ХII

После того как ушли Даниши, бабка Ева задремала. Голова ее упала на грудь, а из руки посыпались на деревянный пол горошины.

Из неплотно прикрытых дверей в ту же секунду – странно – потянуло сквозняком, задуло свечу.

Бабка Ева вздрогнула, но не очнулась. А может, очнулась, только глаза не открыла: боялась, так как привиделось ей страшное...

Вокруг ее – ночь. Холодно. В недоступной высоте качаются редкие, кровавые звезды. Они едва светятся, и, кажется, вот-вот погаснут.

Кто-то потусторонний шепчет:

– Посыплются скоро горящие звезды на нашу землю, что горох. А звезды – жизни людские...

И вот, правда – звезды начинают таять, будто тонуть в болотной, грязной жиже. Эта жижа отрывается, падает на землю и... взрывается. Как бомбы в последнюю войну. Ее бабка хорошо помнила и боялась.

– А звезды – жизни людские! – опять раздается таинственный голос. – Гляди, еще одна упала, еще, и еще...

От взрывов летит во все стороны мелкий желтый песок. А с ним поднимается и клубится едкая пыль. Она забивает глаза, лезет в горло, нос... Жарко. Все вокруг сохнет. Кто-то стонет, а потом едва слышно, жалостливо просит:

– Пить... Дайте пить...

– Кому пить? – вырывается у старухи.

Но никого и ничего не видно. Тьма...

Наконец, бабка Ева с трудом разлепила глаза. В недоумении выглянула в окно, за которым кружился поздний вечер. За ним – ночь. По улице, глубоко увязывая колесами в заледевшей грязи, медленно ехал армейский «Урал». Задние фонари «Урала» были чем-то похожи на тающие звезды...

*****

В конце декабря весь мир облетела сенсационная новость: Советский Союз ввел свои войска в Афганистан.

Уже через полтора месяца в Рубеж привезли тело старшего сына Панкевичей Степана в цинковом гробу. Этот гроб своим блестящим и холодным видом как будто раздавил родителей Степана и они, согнутые, так ходили и так, кособоко, сидели, ничего от горя не видя и не слыша...

Похороны были скорыми. «По-военному», как сказал молоденький курносый лейтенант, который командовал похоронами и ни на шаг не отступал от гроба, пока его не засыпали землей. После похорон лейтенант напился. Страшно, до потери сознания.

Глава шестая

I

Мело с утра до вечера. В Минске тут же выросли сугробы. На окраинах города, где снегоборочная техника появлялась лишь время от времени, сугробы доходили до окон, пластались вдоль декоративных заборов, а кое-где и подминали их под себя.

– «Как в деревне», – довольно подумал Алексей, переступая через заледеневшую горку, что образовалась за ночь у самых ступенек общежития. Отворачиваясь от студеного ветра, он надвинул меховую шапку на уши, поднял воротник кофуха и решительно зашагал на остановку автобуса. Через минут сорок был в редакции многотиражной газеты «Горизонт».

Все сотрудники сидели за столом заседаний. Во главе его мостился редактор.

– Здравствуйте, – поприветствовал всех Алексей.

– Здорово, здорово, – проговорил Думенок, оглядывая подчиненных. – Все на месте?.. Хорошо. Будем работать...

Алексей сел на крайний стул, который стоял у самой двери.

– Давай ближе, – заметил редактор. – Стол большой, места всем хватает...

Алексей пересел поближе.

– Привет. – Игорь Гредин, улыбочивый блондин с пышными продолговатыми усами, протянул под столом руку. – Надо раньше на работу приходить. За час, а то и за два.

Это замечание задело Алексея. Он холодно спросил:

– А ты что мне, начальник?

– Да успокойся, я так, – миролюбиво заметил Игорь и аккуратно пригладил свои усы цвета незрелого льна, после чего прошелся ладонью по волосам, в которых проглядывала едва заметная седина. – Я просто пошутил.

Он улыбнулся.

– Больше так не шути, – предупредил Алексей.

– Попрошу тишины, – повысил голос редактор и обратился к ответственному секретарю редакции: – Владимир Владимирович, давайте коротко расскажите о наших редакционных планах.

Ответственный секретарь, положив растопыренные пальцы левой руки на свои светлые, редкие волосы, что-то сосредоточенно писал карандашом, держа его в правой руке, на тонкой стопке неровно сложенной бумаги.

– Кожемякин, – повторил Юрий Николаевич, – тебя касается.

– На по-вестке дня, – заикаясь, начал ответственный секретарь, – несколько тем. Самые ва-ажные из них – это материалы, посвяще-онные 110-ой годовщине со дня ро-ождения Владимира Ильи-ича Ленина. Та-акже надо обно-овить ру-убрику: «По-од контроль ма-асс». Нужно про-одолжить да-авать зарисовки о на-аших заводских обще-эжитиях...

Владимир Владимирович говорил бы, наверное, еще долго, но его перебил редактор:

– Все понятно, хватит. – И тут же обратился к Анне Клошко: – О конференции пропагандистов ты написала?

– Завтра сдам, – заверила Клошко, театрально откидывая густую челку с больших серых глаз. – Допишу только и согласую с парткомом.

– Хорошо. Материал об истории нашего объединения, что с ним? Кто его делает?

– Осталось немного доработать, – подала голос Татьяна Жукова. – И, пожалуйста, в номер.

Ее очки в большой, светло-коричневой оправе весело отражали лысеющий череп редактора.

– Дорабатывай и сдавай. – Юрий Николаевич деловито застучал пальцами по столу. – Что у нас с фотографиями?

– Все что заказывали, сделал, – пробасил в свои жесткие усы Александр Толошко. – Если еще есть какие задания, давайте.

– Я не до-осказал, – подал голос ответственный секретарь.

– Что еще? – недовольно скривился Думенюк.

– В конце прошлого го-ода наши войска были введе-эны в Афга-анистан. Надо написать что-о нибудь героиче-эское об э-этом. У нас с за-авода один парень там слу-ужит. Вы-ыполняет ин, интерна-ациональный долг.

Юрий Николаевич, нагнув голову, исподлобья обвел долгим взглядом своих подчиненных. Потом тихо, но внятно сказал:

– Наша задача – писать о том, что происходит в нашем родном производственном объединении «Горизонт», частью которого мы с вами являемся. Прошу это не забывать. А об Афганистане пусть пишут республиканская и центральная пресса. Им там, наверху, виднее...

Все понимающе переглянулись: слова редактора означали одно – писать о вводе наших войск в соседнюю страну нельзя. Во всяком случае, в ближайшее время...

– По-онятно, – буркнул Кожемякин.

– Все вроде сдаем, а тем не менее, задерживаем выпуск газеты, – вернулся к редакционным делам Думенюк. – Это непозволительно. Номер должен выйти в срок. – Он обвел строгим взглядом всех присутствующих и озабоченно произнес: – Пора серьезно приниматься за работу. Решительно пора.

– А я слышал, что мы в Звездный Городок едем, – вставил Игорь.

– Едем, – подтвердил редактор. – В составе делегации нашего производственного объединения «Горизонт» в середине месяца побываем в центре подготовки космонавтов, встретимся с нашим земляком – космонавтом Петром Ильичем Климуком. Хочу поздравить всех вас с этим событием и еще раз напомнить, что работа – прежде всего. Новый 1980-ый год наступил, расслабляться он нам не даст: много важных событий. Ну, как говорится, вперед...

II

– Может, в город съездим, – предложил после окончания планерки Игорь.

– Что там делать?

Алексею не хотелось никуда ехать, да и надо было вычитать свой материал, сдать его ответственному секретарю, который, возможно, внесет еще правки, а то и попросит дописать к написанному тексту еще несколько абзацев.

– Поедем, – настаивал Игорь. – Погуляем, потом зайдем ко мне. Я один: моя суженная уехала к родителям на Украину.

– Ладно, – согласился Алексей, – только ненадолго.

В городе во всю свою прыть гуляла холодная метель. Снег хлестал в лицо, перекатывался по асфальту, оставлял на нем белые заледенелые следы, потом вздымался опять вверх, к небу, но тут же, обессиленный, зло бросался под ноги прохожим, норовя залезть им под одежду.

– Ну и погодка, – буркнул Игорь. – Пожалуй, погуляем в другой раз, а пока лучше сразу поедем ко мне.

Он направился на остановку троллейбуса. Алексей поднял воротник кофуха и пошел за Игорем. Через час они были у него в квартире.

– Ну что, по сто грамм, – предложил Игорь. – Есть водка, вино.

– Лучше чай, – не согласился Алексей.

– Тогда кофе с ликером. Всего по несколько капель...

Игорь ушел на кухню. Алексей с любопытством оглядел зал. Это была просторная, со вкусом обставленная добротной мебелью комната: большая, с платяным шкафом стенка, мягкий велюровый уголок, цветной телевизор на низкой тумбочке со встроенными часами, резной

журнальный столик и роскошный, на весь пол, красный цветастый ковер. На стенах – несколько картин с морскими пейзажами.

«Красиво», – невольно подумал Алексей.

Игорь вышел из кухни с подносом. На нем дымились две большие чашки кофе, стояла начатая бутылка ликера и пузатая сахарница.

– И вечный бой... Покой нам только снится, – запел Игорь и поставил поднос на столик. – Ну, начнем трапезу. – Он добавил в чашки с кофе ликер, попробовал его на вкус. – Вроде ничего...

– Горький. – Отпив ароматный напиток, Алексей скривился. – Без ликера, наверное, лучше.

– Сахара добавь, – посоветовал Игорь. – Я всегда кофе пью только сладкий.

– А мне как-то все равно, – сказал Алексей. – Кофе я пью очень редко, под настроение.

– Я вообще тоже не увлекаюсь, а вот моя жена настоящая кофеманка. – Игорь добавил себе еще немного ликера. – Пьет кофе только натуральный, без сахара. Горечь, а ей нравится.

– О вкусах не спорят, – заметил Алексей.

– Спорят, – не согласился Игорь. – Особенно жена с мужем.

– Так уж.

Алексей недоверчиво покрутил головой.

– Увы, мой юный друг. – Брови Игоря выгнулись. – Вот женишься, тогда поймешь.

Он еще подлил себе ликера.

– Рабочий день сегодня, – напомнил Алексей. – Нам еще материалы сдавать.

– Не бойсь, – успокоил его Игорь. – Сколько тут этого ликера, на один глаз. Выпьем, жизнь станет веселее.

– Шутишь, а сам, вижу, не очень веселый.

– Ты прав. Вроде все у меня есть, а задумаешься – чуть больше нуля.

– А квартира? – не согласился Алексей.

– Квартира – дело наживное. Женишься, получишь и ты. Государственное жилье сегодня – не проблема.

– Да, но на него очередь большая, несколько лет в ней стоять надо.

– Не хочешь ждать, строй кооператив.

– Тут тоже проблема – большие деньги нужны, а где их взять?

– Извечный вопрос. Пусть родители помогают.

– Мои родители не такие богатые.

– А вот мои вроде богатые, но развелись, – с горечью проронил Игорь. – Теперь каждый из них устраивает свою жизнь сам. До меня им дела нет. А вообще я давно понял, что заботиться о себе надо самому.

Алексей не ожидал таких откровений от Игоря.

– Как же ты о себе заботаешься? – поинтересовался он.

– Игорь ухмыльнулся.

– Ну, женился на дочке заместителя министра торговли Украины. Он в Киеве живет и работает.

– И как же ты его дочку нашел?

Алексее стало интересно узнать подробности жизни Игоря, который на работе слыл весельчаком и балагуром, а здесь, дома, был, на удивление, серьезным, откровенным и каким-то грустным.

– Я с ней еще когда-то в «Артеке» познакомился – пионерском лагере. Начали переписываться, потом опять встретились. Что-то завязалось, вроде бы срослось, вот и поженились.

– Родители не против были?

– Чьи?

– Твои, естественно, и ее.

– Вначале все были против, но когда встретились, поговорили, то, как водится, благословили нас. Мои ведь предки тоже не простые люди. Отец – ответственный секретарь республиканского журнала «Кино», а мать известная в городе зубной техник. Так что в этом смысле у меня все в порядке.

– Это хорошо. – Алексей одобрительно кивнул. – Любишь свою жену?

– Если честно, то этого не могу сказать, – откровенно проронил Игорь. – Раньше вроде любил, а теперь и сам не знаю. Может, люблю, а может, уже и нет. Я же говорю: женишься, поймешь.

– Так нельзя.

– Можно, – уверенно произнес Игорь. – Ты думаешь, что все, которые поженились, любят друг друга? Как бы не так. Многие просто притворяются.

– Это понятно.

– Так вообще проще жить. Возьми, к примеру, незамужних девок. Они спят и видят, как выйти замуж. Вышли и что, разводится?.. Даже, если муж пьет, гуляет, надо еще сто раз подумать.

– Это так, но по мне лучше развестись.

– Легко сказать. А добро, что вместе наживали, квартира, о которой ты только мечтаешь, дети, наконец. Нет, все это непросто. У меня вот дочка. В детсад ходит. Допустим, я разведусь. Как тогда дочку делить, на кого ее оставлять?

– Ладно, хватит об этом, – оборвал разговор Алексей. – Каждый поступает по-своему.

– И то правда, – Игорь допил кофе, в котором треть была ликера. – Включу я лучше музыку. Высоцкого любишь?

– Давай.

Игорь включил магнитофон, и комната в ту же секунду взорвалась хрипящим, непривычным для слуха голосом:

Протопи, протопи, протопи ты мне баньку по белому,
Я от белого свету отвык,
Угорю я, и мне угорелому
Пар горячий развяжет язык...

Песня брала за живое. Она заставляла чувствовать эту самую баню, горячила кровь и ускоряла ритм сердца.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодный – и все позади.
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди...

Когда песня закончилась, Игорь заметил:

– Хороший певец. Официально вроде как непризнанный, а вот неофициально – все знают, слушают. Что-то в нем есть такое, чего нет у других.

– Голос?

– Это само собой. Есть нечто большее, о чем я даже не могу сказать. Врожденное чувства трагизма, что ли?.. Причем не личного, а нашего общего... Именно нашего общего.

– Честно говоря, я с его песнями мало знаком, – признался Алексей. – Высоцкого я больше знаю, как актера.

– Это понятно.

Алексей вопросительно глянул на Игоря. Он усмехнулся и мягко объяснил:

– Ты в селе жил. Поэтому записи Высоцкого вряд ли мог свободно достать. Пластинки – да, но их всего ничего, а записи – даже в городе не так просто купить. Я тебе сейчас «Охоту на волков» поставлю... Послушаем?

– Ставь.

Из магнитофона хрипло грянуло:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня опять, как вчера,
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера...

Алексей почувствовал, как внутри у него что-то холодеет, а на всей коже появляются пупырышки, точно он из горячей бани вышел на мороз голый...

Идет охота на волков, идет охота!

На серых хищников, матерых и щенков,
Кричат загонщики и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков...

Алексею почему-то вспомнилась служба в армии, зимние боевые учения «Березина», холодная брезентовая палатка, в которой приходилось ночевать, а вокруг палатки – глубокий снег и отливающая металлом техника: танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры, грузовые «Уралы». Желание у всех солдат тогда было одно: побыстрее бы в часть, в казармы. Это, конечно, не дом родной, но намного лучше, чем на полигоне. И вот оно, долгожданное возвращение ожидается завтра...

Поздним вечером, после заключительного дня учений, старослужащие решили отметить это событие. За выпивкой, дав денег, в ближайший магазин, который находился за двадцать километров от базирования части, послали ефрейтора Геннадия Карпенко – рослого, мордастого украинца, который служил уже второй год. За мясом отправили рядового Акрама Халигулина – молодого глазастого туркмена, призванного на службу перед самой зимой. Из мяса собирались сделать шашлык и зажарить его прямо в буржуйке. Денег Халигулину не дали, решив, что мясо можно взять в ближайшей деревне бесплатно – выпросить.

– Куда прикажете идти? – задал вполне законный вопрос Халигулин.

– А куда хочешь, туда и иди, – сразу же надувшись, грубо ответил старший сержант Сергей Кульчинов, москвич. – Время пошло!..

Высокий, худой, Кульчинов всегда старался быть на виду: участвовал в художественной самодеятельности, готовил политинформации, писал критические заметки, которые печатал в дивизионной газете «Патриот Родины». За это его недолюбливали, за глаза называли: «Певун», но чаще более откровенно и вульгарно – «Пачкун».

Карпенко вернулся через часа три и гордо выставил четыре бутылки водки и пять вина – «чернила».

– Хвалю, – потрепал за плечо ефрейтора старший сержант. – Выпьешь с нами. Разрешаем.

Он сказал это от имени всех, что Алексею не понравилось.

Стали ждать Халигулина. Но его все не было. Наконец, пришел. Старослужащие зло уставились на молодого бойца и мясо, которое он достал из вещмешка. Это был небольшой кусок весом с килограмм, не больше.

– Это все? – недобрым тоном поинтересовался Кульчинов.

– Так точно, – виновато доложил солдат. – Обошел в деревне несколько хат, но больше никто не дал.

– Черномазая сука, – тихо, но внятно выдавил старший сержант.

Халигулин переменился в лице: вначале покраснел так, что хоть прикуривай от щек, потом побледнел. При этом левый глаз его нервно задергался.

– Больше никто не дал, – дрожащим голосом повторил он, после чего вдруг бросил мясо на пол и медленно вышел из палатки.

– Да пошел ты! – выкрикнул ему вслед Кульчинов. – Я с тобой потом поговорю, абрек недорезанный.

На Алексея точно нашло что-то. Он вскочил и резко, с силой, нанес удар старшему сержанту под дых. Кульчинов ойкнул, откинул голову назад и подкошено упал на колени.

В палатке застыла ледяная тишина. Алексей и старший сержант пришли в себя одновременно. Не глядя друг на друга, разошлись по своим лежанкам.

– С тобой я тоже разберусь, – пообещал Кульчинов.

– Разбейся, – возбужденно выдавил Алексей.

Он тоже был уже старослужащим, носил погоны старшего сержанта и собирался вместе со всеми отметить окончание учений. Увы, праздника не получилось. Из-за него, Жилевского.

Бутылки водки и вина всю ночь жались одна к одной в холодном углу палатки, а возле ее дверей лежал оттаивающий кусок сырого мяса, из которого медленно и устрашающе стекала красно-кровавая жидкость...

Рвусь из сил и всех сухожилий,

Но сегодня не так, как вчера!

Обложили меня, обложили,

Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков, идет охота!

На серых хищников, матерых и щенков,

Кричат загонщики и лают псы до рвоты.

Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Алексей, слушая эти пронзительные и обнаженные слова, захотел немедленно купить записи Высоцкого. Правда, магнитофона у него не было, но проигрыватель имелся, и хороший.

– Пластинки Высоцкого сможешь мне достать? – спросил Алексей.

– Помогу, – обронил Игорь. – Помолчав, задал неожиданный вопрос: – Тебе наша редакторная жизнь не надоела?

– Я же только пришел на работу в редакцию, – несколько удивленно ответил Алексей. – Поработаю, буду знать.

– Извини, забыл.

Гредин вздохнул.

– А что?

Алексей понял, что Игорь хочет сказать что-то важное для него.

– Да так, – отмахнулся Гредин. – Просто спросил.

– Говори.

– Лето вспомнил, – неуверенно начал Игорь. Помолчав, продолжил: – Летом я поисками занимался. Копал, так сказать.

– Под кого? – пошутил Алексей.

– Не шути, – оборвал его Гредин. – Я могилы раскапываю.

Алексей почувствовал, что волосы на его голове зашевелились. Перемену в лице нового редакционного друга Игорь заметил.

– Не на кладбище, – успокоил он Алексея. – Копаю я на месте бывших боев, которые проходили и в Первую мировую войну, и в Великую Отечественную. Копаю тайно, чтобы никто не видел. Ищу награды, предметы обмундирования воинов, ну и, конечно, оружие. В основном ножи. Их у меня уже целая коллекция.

– Кости, значит, перебираешь, – неодобрительно заметил Алексей.

– Дурак, – обозвал его Гредин. – Ты что ж думаешь, что я ненормальный какой?

– А что я должен думать? – Алексей набычился, хрустнул зубами. – Я тоже, знаешь, служил. Если бы война и в эту войну меня застрелили где-нибудь на безымянном поле, то когда-нибудь благодарные потомки вырыли бы мои кости, забрали бы нож и преспокойно ушли, а потом его кому-нибудь продали?

– Тоже может быть, – серьезно ответил Игорь. – Только я не уйду просто так, а на каждом безымянном поле, как ты сказал, на каждой безымянной могиле ставлю крест. Чтобы люди знали: в этой земле лежат бывшие воины.

– Ладно, – стал отходить Алексей. – А сам сообщить не можешь, что здесь-то и здесь неизвестная могила?

– Кому?

– В райисполком или райком партии. Местной власти.

– Сообщал, – ухмыльнулся Гредин. – Однажды я с другом, с которым раньше мы вели раскопки вместе, сообщили в один местный райком партии, что нашли неизвестное захоронение наших солдат времен Великой Отечественной войны. Нас поблагодарили за это сообщение, записали наши фамилии и адреса и пообещали, что во всем разберутся, а потом захоронят останки воинов с почестями. Даже памятник поставят. И что ты думаешь?

– Что?

– Не успели мы приехать в Минск, выйти из поезда, как нас взяли под белые руки и повезли напрямик в республиканский КГБ. Это на проспекте Ленина – желтое здание с колоннами. Знаешь?

– Как не знать, – хмыкнул Алексей. – По-моему это здание всем известно.

– Так вот, – продолжил Игорь. – Привезли нас, значит, в это КГБ и первым делом стали допытываться, где мы еще копали и что находили. Мы, как добрые дурни, выложили почти все. Сотрудники КГБ, а их было аж трое, что нас пытали, в один голос объявили, что мы занимаемся незаконным промыслом и приказали нам немедленно прекратить заниматься всякими раскопками. В противном случае – тюрьма. При этом самый серьезный аргумент у них был не тот, что мы действительно занимаемся в некотором роде незаконным промыслом, хотя и ставим потом на безымянных могилах кресты, а тот, что у нас в Советском Союзе нет этих самых безымянных могил. Нет, и не может быть!.. Все захоронения и могилы известны, на них установлены памятники. Как тебе это?

Алексей пожал плечами.

– Вот именно, – бросил Гредин. – После этого разговора мой друг наотрез отказался продолжать наши совместные поиски. Теперь я копаю один. Предлагаю тебе быть в этом деле моим компаньоном.

– Нет, – сразу отказался Алексей.

– Окончательно?

– Да.

– Хорошо. – Игорь не обиделся. – Тогда у меня к тебе другое предложение.

– Какое?

– Искать клады.

– Клады – это уже лучше. – Алексею стало весело. – Я подумаю.

– Подумай, – посоветовал Гредин. – Лично я об этом думал уже не раз. Риска почти никакого, а выгода может быть большая. Если повезет, конечно.

– А какая тебе была выгода в раскопках могил неизвестных воинов? – прямо спросил Алексей.

– Выгода была и есть, – откровенно признался Игорь. – Как же без выгоды... Знаки отличия солдат и офицеров, как наших так, кстати сказать, и немецких, которые находил, я продавал коллекционерам и иностранным туристам. И сейчас продаю. Но об этом я тебе рассказывать не хочу и не буду.

– А я и не хочу об этом слушать, – буркнул Алексей.

– И хорошо. – Гредин развел руками. – Честный ты парень. Поэтому я предлагаю тебе заниматься поисками вместе.

– Подумаю, – еще раз пообещал Алексей, хотя думать об этом он не собирался.

III

Никогда бы преподаватель Белорусского государственного университета Иван Федорович Романович не подумал, что своего старого знакомого, бывшего сослуживца по работе в ЦК ЛКСМБ Белоруссии Михаила Валерьевича Гриценко увидит в метро дважды за неделю. Правда, в первый раз они только поздоровались, кивнув головами, – сближению помешал людской поток, разнесший их в разные стороны, – а вот во второй раз столкнулись лицом к лицу.

– Михаил Валерьевич, ты? – удивился Романович.

– Я. – Гриценко блеснул железным зубом. – Здравствуй, Иван Федорович.

– Приветствую. – Романович крепко сжал пухлую, как и вся фигура Михаила Валерьевича, руку бывшего сослуживца. – Отойдем в сторонку, поговорим.

– Давай лучше выйдем из метро.

– Давай...

Они вышли на станции «Академия наук» и, не сговариваясь, как когда-то в молодости, направились в сторону кафе возле кинотеатра «Октябрьский».

– Посидим по старой дружбе, – предложил Гриценко. – Выпьем по чашке кофе.

– Если по старой дружбе, то можно и по рюмке коньяка. – Иван Федорович хитро улыбнулся. – Или ты уже не употребляешь?

– Ну почему же... – Михаил Валерьевич выпрямил грудь и подтянул мешковатый живот. – Я еще ничего, не старый.

Он мало изменился. Разве что еще больше поправился, немного поседел и вокруг потухших за последние годы глаз нажил вместе с морщинами нехорошую синеву – признак болезни почек.

«Стареем, – отметил про себя Иван Федорович. – А все молодимся». Вслух же сказал:

– Мы еще вдвоем ничего.

В зале кафе было малоллюдно.

– Давай в уголок, – показал глазами на столик в конце зала Гриценко.

– Темновато там.

– Зато никто мешать не будет.

Они заказали двести граммов коньяка, два бутерброда с ветчиной и бутылку минеральной воды. Выпив, подобрели лицами, расслабились.

– Ты, я слышал, в ЦК партии работаешь, – начал разговор Романович.

– Там, – обронил Михаил Валерьевич. – У Павлова.

– Идеологический отдел?

– Да.

– Значит, мы коллеги: я преподаю в БГУ, а ты людей уму-разуму учишь. Какой, если не секрет, у тебя сектор?

– Какой тут секрет. Тоже скажешь. Сектор – зарубежные связи.

– Неплохо.

– Как сказать... – Гриценко скривился. – Звучит солидно, а на самом деле – обыкновенная чиновничья работа. Не очень, скажу я тебе, перспективная.

– Разве? – усомнился Иван Федорович. – Поработаешь немного и поедешь на дипломатическую службу.

– Поедешь, – хмыкнул Михаил Валерьевич. – Я же не профессиональный дипломат. Инженер-технолог по образованию, языков не знаю. Польский, правда, понимаю, но что толку. Туда теперь вряд ли пошлют: в прошлом году поляки военное положение у себя ввели, а что в этом придумают – никому не известно. Сам знаешь. Кстати, что об этом твои студенты говорят. Молодежь сегодня, я знаю, перемен хочет. Не такая она, как мы с тобой были. Не такая.

– А какая? – внимательно глядя в глаза бывшего сослуживца, спросил Романович. И не дожидаясь ответа, хмуро проговорил: – На молодежь всегда бочки валили. И на нас с тобой когда-то тоже. А что касается перемен, то они действительно нужны. И не мне тебе об этом говорить.

– Может, ты и прав, – согласился Гриценко. – Нет теперь в комсомоле, где мы с тобой работали, той веры, что была. Да и в партии все не так, как должно быть. А тут еще война эта – в Афганистане, что болячка на теле. В Минск каждый месяц гробы привозят. Я видел, страшно.

– Ты видел, а я хоронил родственника, который служил в Кабуле, – заметил Иван Федорович. – Действительно страшно.

– Я же говорю, что надо что-то менять. – Михаил Валерьевич застучал по столу ладонью. – Ты как думаешь?

– Думаю, давно пора.

– Ты говоришь, как диссидент.

– Во-во, у нас так – хочешь мир посмотреть, значит, враг. Помнишь частушки нашей молодости?

– Напомни.

– Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь...

Гриценко оглянулся:

– Ты потише, а то мало ли кто услышит.

– Да кому мы надо?

– Сам знаешь кому.

Романовский крутанул головой, запальчиво выговорил:

– Волков бояться, в лес не ходить.

– Наверное, – перешел на шепот Гриценко и разлил оставшийся коньяк. – Давай выпьем за обновление, что ли.

Чокнувшись, выпили, прикусили.

– Ничего, все перемелется, – уверенно произнес Иван Федорович. – Мука будет.

– Смотри, чтобы из нас муку не сделали, – предупредил Михаил Валерьевич, с опаской оглядывая зал. – Мы с тобой не в Польше, где все меняется. У нас партия власть крепко держит, не спихнешь. Во всяком случае, легко спихнуть не получится.

– Кто знает, – тихо проговорил Романович.

Они одновременно подняли рюмки, но уже не чокались.

– Ну, будем.

– Будем...

Выпив, Иван Федорович и Михаил Валерьевич уставились в глаза друг другу. Они как будто убеждались в надежности и незыблемости своих давних отношений, которые у многих их друзей и приятелей в последние годы начали меняться. И не в лучшую сторону.

IV

Отработав первую смену, Марина, одетая в длинное драповое пальто и зимние сапоги на толстых каблуках, неторопливо шла по узкой улочке, которая спускалась от головного корпуса объединения «Горизонт» к площади Победы, и думала о своем будущем. Оно было близким и одновременно далеким. Близким, потому что хотелось всего и сразу, а далеким от того, что желания часто не совпадали с возможностями. И пока они совпадут, пройдет немало времени. Если, конечно, вообще такое произойдет...

Получив в редакции задание, шел на завод радио- и телевизионных футляров, только по другой стороне улицы, Алексей. Он пытался, как в детстве, скользить по замерзшему асфальту. Ему хотелось разогнаться и проехать по льду метров десять. Но впереди Алексея отрезка льда такой длины не было. Светились только небольшие замерзшие лужицы, присыпанные свежим снегом. Да и тяжеловатый кожух, полы которого оттопыривались под морозным ветром, мешал легкому и свободному движению.

Алексею вспомнились строки из школьного, уже полузабытого стихотворения:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой.

Увы, родная деревня, а вернее, село Рубеж было далеко. Санки были еще дальше – в прошедшем детстве...

Получилось так, что Марина и Алексей одновременно посмотрели на улицу и увидели друг друга.

Марина остановилась. К ней через проезжую часть направился Алексей. Он еще не знал, что скажет девушке: поздоровается, поговорит о погоде, расскажет о редакционной работе...

– Привет, – поздоровался парень. – Ты чего здесь?

– Здравствуй, – приветливо улыбнулась Марина. – Приезжала в отдел снабжения, заявку на металл от нашего начальника цеха передала.

– Демьяновича?

– Да.

– Как он там?

Алексей невольно усмехнулся, вспомнив широкую, тяжелую фигуру Михаила Антоновича, который ходил по цеху осторожно, широко расставляя ноги, точно по льду.

– Вроде не худеет.

– Значит, нормально.

– План, во всяком случае, выполняем.

– Это хорошо.

– Хорошо. А ты чего к нам редко заходишь?

Голос у Марины погрузнел.

– А что, кто-то сучает по мне? – спросил Алексей, ковырнув сапогом примерзшую к асфальту льдинку.

– Есть такие.

– Кто?

– А хотя бы я.

Марина смущенно поежилась, отвела взгляд.

– Что, холодно сегодня? – заметил Алексей, чтобы переменить тему разговора.

Ему стало неловко.

– Мороз, – тихо ответила Марина. – Пробирает...

– Может, какао выпьем? – предложил Алексей, чтобы загладить неловкость, а одновременно и свою вину перед Залесской за ту ночь... – Вон, на углу проспекта и улицы Захарова булочная...

– Давай, – согласилась девушка. – Я никуда не спешу.

– И я...

Свободное время у Алексея действительно было: запланированный материал о буднях в общезнании он ответственному секретарю редакции уже сдал, а в следующий номер придется новый материал писать – это газета.

В булочной гуляло тепло, былолюдно. Возле прилавка толпилась очередь. Последней в ней стояла невысокая сухощавая старушка с повязанным на голову пуховым платком. Алексей с Мариной стали за ней. Старушка поглядела на них снизу вверх и то ли одобряюще, то ли осуждающе покачала головой. Алексей и Марина многозначительно переглянулись и чуть не рассмеялись.

Когда взяли какао, Алексей иронично заметил:

– И мы такие будем.

– Будем. – Повеселев, Марина обнажила в улыбке свои ровные белые зубы. – А пока мы еще не такие старые, надо жить.

Она сказала это просто так: не раз слышала эту повторяемую к месту и не к месту фразу. Алексей же воспринял сказанное, как некий намек на то, что Марина опять готова на нечто большее, чем выпить какао.

– Иван тебе не пишет? – сделавшись серьезным, поинтересовался Алексей.

– Зачем? – непонимающе спросила Марина. – Мы даже не дружили. Так, переговаривались иногда. И все.

– Странно.

– Что?

– Иван – хороший парень.

– Хороший – это не профессия, не показатель его достоинств. – Марина нахмурилась. – Ты для этого разговора меня сюда пригласил?

– Да я так... Просто... – Алексея взяло зло на самого себя. – Не обращай внимания.

Они замолчали. Глядели то на какао, то на морозное окно. Их головы за небольшим круглым столиком находились почти рядом. Если бы Алексей и Марина разом наклонились, то могли бы стукнуться лбами.

– Через пять минут у нас перерыв, – объявила грузная продавщица в испачканном мукой халате. – Торты привезли. Прошу всех на выход...

Алексей поднял глаза. Марина смотрела на него. Она вроде хотела что-то сказать, но стеснялась. Чтобы как-то смягчить неловкую паузу, Алексей положил свою ладонь на руку девушки и попросил:

– Извини, мне надо идти. – Помолчав, добавил: – Вообще, извини за все...

– За что?

– Я же сказал: за все.

– Ты о том, что было?

– И о том.

Алексей отвел глаза в сторону.

Марина допила какао, вытерла салфеткой несколько широковатый, с пухлыми губами, рот и, глядя в стол, спросила:

– Помнишь начало романа Льва Толстого «Анна Каренина»?

– Помню, – не понимая к чему это вопрос, кивнул Алексей.

– Вот... Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему... В нашей семье тоже так...

Алексей почувствовал к Марине жалость.

– Родители обижают?

– Не то, чтобы обижали, но всегда чем-то недовольны. Это тяжело видеть, а тем более переносить.

– В каждой семье что-то подобное есть.

– А в твоей?

– В моей батько чуть не разбился на машине, еле выжил. Тоже хватило слез и переживаний всем, пока он на ноги не встал. Сейчас ходит, работает, но прежнего здоровья все равно нет.

Марина сочувственно посмотрела на Алексея, после чего проговорила:

– А знаешь, мы чем-то похожи с тобой.

– Может быть.

– Я серьезно. Говорим откровенно о том, что есть на самом деле. Сегодня ведь многие хотят казаться лучше, значительнее. У нас в объединении работает одна моя знакомая – Люська. Сама по себе, как человек, пустая, а вот одевается как модель. Нинка, подруга моя, Люське завидует черной завистью. И смех, и грех...

– Так было, думаю, всегда. Все мы – люди.

– Может быть, но меня, знаешь, все не интересуют. Мне вот с тобой интересно.

– Ты это серьезно?

– Да.

– Даже не знаю, что сказать.

– У тебя кто-то есть?

Алексей замялся.

– Есть.

– Любишь ее?

– Да... Бывает, подумаю о ней, и хочу видеть. Немедленно. А иногда она мне кажется чужой, совсем не моей.

– Значит, ты еще не определился.

– Может быть.

– А если и не определишься?

– В смысле?

– В прямом смысле: она для тебя останется чужой.

– Не знаю...

Они вышли из булочной, прошли в парк Горького, который был рядом. Вокруг блеснул снег. Ветви деревьев светились от инея.

– Свежо здесь, – заметил Алексей.

– Природа.

Марина вдруг резко нагнулась, зачерпнула ладонью снег, смяла его в снежок и резко бросила в Алексея.

– Ай! – притворно вскрикнул он и схватил девушку за руку, потянул к себе. Она не сопротивлялась. Прижалась к нему, горячодохнула в лицо, после чего мягко отстранилась и пошла на выход из парка.

Алексей, озадаченно поглядев ей вслед, повернулся и медленно пошел на автобусную остановку. В нем бурлили смешанные чувства, мысли, желания...

В это время сыпануло мелким, но густым снегом. Асфальт побелел и как будто стал подниматься вверх.

▼

Залесскому не спалось. Он допоздна смотрел в зале телевизор, потом перешел на кухню и начал изучать газету «Горизонт». Именно изучать, привычно ругая все и всех.

– С огоньком, по-ударному взялись за работу в новом году контролеры, – бормотал Павел Семенович себе под нос, читая небольшую заметку. – Еще бы, проверять – не работать... Работнички... – Он шумно высморкался и продолжил чтение: – Тысячи горизонтовцев встали на ударную трудовую вахту, посвященную очередному форуму советских коммунистов, которая проходит под девизом: «XXIV съезду КПСС – высокую эффективность и качество работы!» Подведены итоги пятого этапа... – Залесский недоверчиво покрутил головой. – Пятого этапа... Это кто ж их придумал, этапы эти?.. Как на зоне, в тюрьме...

В это время зазвонил телефон. Залесский с раздражением поднял трубку.

– Слушаю...

Звонил Анджей Мозолевский. Как всегда, перед тем, как о чем-либо попросить, он начал рассказывать о положении в Польше.

– Беда у нас в Польше, настоящее разорение, – свистящим шепотом жаловался он в трубку. – Работы у многих нет, каждый день забастовки. Кричат, требуют... Что будет дальше, неизвестно... В магазинах ничего нельзя купить, а продать вообще что либо невозможно – нет у людей денег. Это позор. Ты знаешь, как я отношусь к нашей власти, но теперь мне страшно: куда она смотрит?.. Если так дело пойдет дальше, то мы все здесь станем нищими. Поверь... Я опять собираюсь к вам в Союз. У вас хоть и не изобилие, но почти все есть. А главное, люди работают, не голодают, как уже многие у нас... Приеду через месяц-другой, когда поставлю визу. Жди...

«Нужен ты мне, – подумал Павел Семенович и в очередной раз задался уже ввевшимся в мозг вопросом: – Неужели и вправду там все так плохо?.. Не может быть – за граница все-таки, колхозов, как у нас, нет, да и поляки – люди прижимистые, у каждого наверняка что-то имеется на черный день. Если не врет Анджей, то привирает. Точно привирает... Хотя, дыма без огня не бывает...»

Хоть и не верил Залесский, что все так плохо в Польше, но в душе был рад этому. «Не все коту масленица, – ухмыльнулся он. – Бежал ты на Запад, да недалеко ушел. Недалеко. Теперь помучайся...»

Павел Семенович долго и задумчиво смотрел в окно, вспоминая былое. Потом взял газету и уже без раздражения и злости прочитал заглавие очередной статьи: «Опыт ценен повторением». Этот заголовок Залесскому понравился. «Правильно, одобрил он. – Если ты опытный – живи как человек, а не опытный – пропадай... Вот Анджей... Вроде свой на Западе, а как будто чужой – ругает все, недоволен... Мучается, планирует сюда ехать. Не богато, конечно, у нас, но жить можно... Можно...»

Залесский встал, подошел к окну. За ним переливался разноцветными, притягивающими к себе огнями город. Между старыми зданиями высились новостройки. Они веселили взгляд и красноречивее любой пропаганды доказывали, что жизнь охотно и жадно продолжается...

– Хорошо, – обронил Залесский и вдруг почувствовал, что он не просто хочет жить, а хочет жить в Минске, к которому привык за долгие годы, почувствовал себя в нем хозяином, как когда-то на хуторе под Кобрином.

VI

За день до выхода газеты в свет Алексей сидел в типографии и внимательно вычитывал гранки. Пожилой приземистый наборщик, которого звали все просто – Степаныч, глядя на нового работника, сузил слезящиеся глаза и с жалостью проговорил:

– Да не бойся ты, Мария Борисовна давно уже все вычитала. После ее корректуры ошибок не будет.

– Я не боюсь, – оторвавшись от гранок, ответил Алексей. – Но еще раз проверить не помешает. Да и редактор просил, чтобы я проконтролировал выпуск номера.

– Ну-ну... – Степаныч усмехнулся и аккуратно пригладил свою лысую макушку. – Может, ты и прав.

– Пускай читает, тебе что? – отозвалась из угла очкастая Мария Борисовна. Она переобу-
валась: вместо теплых, зимних сапог на платформе, натягивала на свои толстые венозные ноги
летние туфли без каблуков. – Ошибки у всех бывают, я это знаю. Лишний глаз не помешает.

– А я что ж, не знаю? – проворчал наборщик. – Помню, в начале пятидесятых годов,
мы «Звезду» выпускали. Так там в фамилии Сталин вместо буквы «т» букву «р» поставили.
Не специально, конечно. Так получилось: мы же не машины, а люди. Хорошо, что во время
заметили, не весь тираж откатали. Тут же остановили печатную машину, исправили ошибку.
После работы на радостях даже выпили по маленькой за то, что так обошлось. Но, как оказа-
лось, поспешили радоваться. Какая-то сволочь донесла наверх. Заместителя редактора, кото-
рый был дежурным по номеру, уволили. Директору типографии дали партийный выговор
с занесением в учетную карточку. Меня и моего напарника лишили всех доплат. И это, скажу я
вам, еще хорошо, потому что никого не посадили. Могло быть намного хуже. Намного... Кто-
то, наверное, заступился за нашу газету, пожалел нас. Может, из ЦК партии.

– Подобное и я помню, – заметила Мария Борисовна. – Время тогда было такое.

– Было...

Зазвонил телефон. Степаныч поднял трубку.

– Слушаю. Кого?.. Тебя...

Он сунул трубку Алексею.

– Да, – отозвался он.

– Привет, это я... – Звонил Игорь. – Что, не ожидал, что позвоню?

– Честно говоря, – замялся с ответом Алексей, – и ожидал, и нет.

– Да-а, – затянул Гредин. – А вроде бы друзья. Ладно, я тут собрался идти за дефицитом –
пластинками Высоцкого. У меня в «Мелодии» знакомый работает. Пойдешь со мной?

Алексей загорелся.

– Я же тебя просил об этом.

– Значит, – шумнодохнул в трубку Гредин, – встречаемся в четыре часа дня возле кино-
театра «Центральный». Идет?

– Идет...

Алексей положил трубку, поглядел на наборщика и корректора. Они вопросительно
смотрели на него.

Вычитав гранки, он, ничего не сказав, вышел во двор.

Кругом было бело. Небо светлело. Сквозь редкое облако виднелся край скупого на тепло
январского солнца.

VII

Как и договаривались, с Грединым Алексей встретился у кинотеатра «Центральный».
Поздоровавшись, улыбнулся:

– Ну, пошли за пластинками.

– Куда?

– В магазин «Мелодия». Это здесь рядом, за углом...

Переступив порог магазина, Игорь сразу же направился к чернявому молодому человеку
лет тридцати, который стоял за прилавком с какой-то пластинкой в руках. Он о чем-то беседо-
вал с длинноволосым парнем в кожаной меховой куртке, из-под которой тянулись вниз вытер-
тые джинсы-клевш. Терпеливо подождав пока разговор закончится, Гредин подошел к про-
давцу, поздоровался:

– Привет, Сеня.

– Здорово. – Продавец расплылся в улыбке. – Что ищем?

Игорь кивнул Алексею. Мол, подойди.

– Ну?.. – Уставившись на Алексея, продавец прищурил глаза, словно оценивал его финан-
совые возможности. – Что желаем?..

– Надо пластинки и записи Высоцкого, – не совсем решительно проговорил Алексей. – Желательно последние.

– Гм... Это дефицит.

– Сеня, – Гредин положил руку на плечо продавца, – не говори таких слов. В наше время все дефицит. Так что, повеситься и не жить?

Продавец пожал плечами.

– Даже не знаю.

– Знаешь. Ты все знаешь.

– Есть кое-что.

– Ну вот. – Игорь выразительно округлил глаза. – Если подумать, то все можно найти. Было бы желание.

– Только у меня дома, – предупредил продавец и почесал лысеющую голову.

– Едем к тебе, – с готовностью согласился Гредин.

– Только после работы. – Продавец засуетился. – Хотя... – Он на несколько секунд задумался. – Я сейчас...

Знакомый Игоря ушел, но вскоре вернулся.

– Поехали.

Вышли во двор магазина. Продавец подошел к «Жигулям» – новеньким, оранжевым.

– Садитесь...

– Умеешь ты жить, Сеня, – не без зависти заметил Гредин.

– Кручусь-верчусь, – буркнул продавец.

Подъехали к дому с лепниной на фасаде и огромной аркой. Блестящие и большие окна дома горделиво смотрели через Ленинский проспект на парк Челюскинцев. Поднялись на второй этаж. Квартира была однокомнатная, но большая, богато и со вкусом обставленная: старый трельяж, на стенах картины, несколько икон, на подставке массивный серебряный подсвечник, посреди комнаты, на цветастом толстом ковре, деревянный изящный столик из красного дерева, кожаные диван и кресла.

– Располагайтесь. – Хозяин богатого жилища широким жестом пригласил гостей к столу. – У меня все просто. Но только для своих.

Он быстро принес из кухни закуски, бутылку армянского коньяка.

Когда выпили, закусили, Игорь поинтересовался:

– Не боишься, Сеня, столько добра дома держать? Я имею в виду не то, что могут украсть, а сам понимаешь...

– Так ведь не при Сталине живем, – жуя дольку лимона, проговорил хозяин квартиры и криво усмехнулся. – Да и я большим криминалом не занимаюсь, сам знаешь... Валютой, к примеру, не торгую.

– А Высоцкий?

– А что Высоцкий?

– В верхах считают, что он не наш человек – слишком много себе позволяет. И в своих песнях, и в личной жизни. К примеру, женился на Марине Влади – иностранке.

– У нас в этом смысле много народу не наших, – заметил Игорь. – Вот Солженицына выслали, Бродского тоже... Хоть ты бери, да сам уезжай.

– Надумал уже?

– Надумаешь тут.

– И куда?.. На землю обетованную, в Израиль?

– Пока в Израиль, а там видно будет. Ты же в курсе: сначала все в Израиль просят, а потом в пересылочном пункте отказываются от своей исторической родины и оказываются в той же Австрии или едут в Германию, Францию, Америку.

Лицо Сени округлилось в ехидной ухмылке.

– А ты куда? – Гредин с интересом уставился на хозяина квартиры. – Только конкретно, без балды.

– В США, конечно.

– И что там?

– Поддержат. Социальное пособие дадут и прочее...

– Семен, ты же советский человек, – с фальшивой театральностью произнес Игорь. – Подумай, что говоришь?

– Хомо советикус. – Хозяин квартиры ощерился. – Это точно. Есть во мне советское. И немало. Но я хочу свободы. Причем не политической, как высланный за правдолюбие Буковский, а как человек, который желает отовариваться в магазинах тем, чего ему хочется. Кстати, помнишь частушку:

Поменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где найти такую б... дь,
Чтобы Ленку поменять...

– Помню, – обронил Гредин. – Я знал одного парня. Хороший, видный такой, из профессорской семьи. Так он все радио «Свобода» слушал. Этот парень мне тогда все уши прожужжал и о Буковском, и о Луисе Корвалане, и еще о куче каких-то непонятных личностей. А главное, говорил, что скоро сам уедет за бугор, и меня, если соглашусь, заберет с собой.

– А ты что, не согласился?

– Почему ты так решил?

– Ну, не уехал же.

– Не уехал. – Игорь погрузился. – Родители у меня как узнали, что я с этим парнем вместо уроков о политике говорю, так чуть из дома не выгнали. Да и его в психбольницу потом забрали, а когда выпустили, то посадили за тунеядство. А он, между прочим, еще стихи писал.

– Вот, что происходит, – загорелся Семен. – А я ни в психичку, ни в тюрьму не хочу. Потому и собираюсь рвануть на Запад. Только это между нами. Эх, жизнь наша – копейка.

Хозяин квартиры взял бутылку, разлил.

– Мне не наливай больше, – попросил Алексей.

Ему не нравился этот разговор. Особенно признание Семена о том, что он хочет уехать в Израиль, а потом перебраться в США.

– Пей.. – Семен покраснел. – Не я к тебе пришел, а ты ко мне. Значит, уважай.

Алексей недовольно взял рюмку, сдавленным голосом проговорил:

– До дна – и все.

Выпили.

– Ну, а теперь по делу, полупьяно уставился на Алексея хозяин квартиры. – Скажи, что конкретно надо?

– Я же сказал: пластинки и записи Высоцкого.

– Вот! – Семен глянул на Игоря. – Всем подавай Высоцкого. А почему?.. Потому что он не просто певец, композитор, а выразитель социального протеста народа. Даже не одного народа – русского, а всех народов нашей необъятной страны... Помнишь?

– Что?

– Ну это... Из головы выскочило... Вспомнил.

Семен с чувством прочел неизвестные Алексею два четверостишия Высоцкого:

Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал,
меня, должно быть, ловко разыграли:

крючки носов и до ушей оскал —
как на венецианском фестивале.

Что делать мне? Бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться
Надеюсь я – под масками зверей
У многих человеческие лица...

– А ты, Семен, серьезнее, чем я предполагал, – похвалил его Гредин. – Я думал, что фарцовщики только деньги считают, а они еще и стихи читают.

– Я на тебя не обижаюсь. – Семен скривился. – Хотя, знаешь, выслушивать такое от тебя мне неприятно.

– Ну, извини.

– Извиняю в первый и в последний раз, – предупредил Семен и патетически воскликнул: – Высоцкий – это наша эпоха! Он, что «Битлз» на Западе. Даже больше.

Алексей, впервые за время встречи, улыбнулся и пожалел, что плохо подумал о хозяине квартиры.

– Мы тоже Битлз слушаем, – заметил Игорь. – Высоцкий – одно, а «Битлз» – другое.

– Вообще, ты прав, – неожиданно согласился Семен, и уже обращаясь к Алексею, спросил: – Тебе все пластинки Высоцкого нужны?

– Я бы взял последние. Но давай, какие есть. Можно и все.

– Гм... Все не получится, но кое-что интересное имеется.

Семен вышел в коридор, открыл кладовую, стал копать. Вскоре вернулся.

– Вот, протянул два маленьких диска и ленточную кассету. – С тебя тридцать пять рублей.

По пять рублей за пластинки и четвертак за кассету.

Алексей замялся.

– Дороговато.

– Как хочешь. Я продаю тебе по дешевке, из уважения к Гредину, моему однокласснику.

Но, как говорится, хозяин – барин.

Он хотел было унести пластинки и кассету обратно в кладовую.

– Стой, – остановил его Алексей. – Беру.

Про себя подумал: «Ладно, деньги заработаю. Еще и магнитофон куплю...»

Вышли Алексей и Игорь из квартиры Семена подвыпившие. Настроение у обоих было такое, словно они выиграли в лотерею небольшой приз.

Алексей глянул на часы: двадцать один двадцать семь.

«Поздно...»

Было темно. Свет от фонарей метался по заледенелому асфальту, точно чувствовал холод и пытался согреться.

– Пока.

– До встречи...

VIII

В редакции газеты «Горизонт», казалось, навсегда воцарилось приподнятое настроение: с каждым днем приближалась поездка в Звездный Городок. Для журналистов это не было из ряда вон выходящим событием, – и раньше колесили по городам и весям, – просто перспектива хоть ненадолго отвлечься от надоевшей будничной суеты придавала людям энергию и оптимизм.

Самым популярным требованием в редакции стало настоятельное и надоедливое словосочетание ответственного секретаря: «Сда-авайте материа-алы!»

Увы, работать никому не хотелось. Во всяком случае, в полную силу. Именно поэтому возник неожиданный конфликт.

После очередного взывания Кожемякина о необходимости немедленно сдать материалы для вычитки и верстки, Игорь Гредин не выдержал и вспылал:

– Да пошел ты!..

Он не сказал, куда бы пошел ответственный секретарь, но этого для выяснения отношений между двумя сотрудниками оказалось достаточно.

Владимир Владимирович медленно поднялся из-за своего заваленного бумагами стола и грозно спросил:

– Так ку-уда мне идти?

– А куда хочешь, туда и иди, – легкомысленно ответил Игорь.

Они стояли один перед другим как быки, готовые немедленно начать схватку: покрасневшие, со сжатыми кулаками, с прищуренными, немигающими глазами. Со стороны можно было подумать, что Владимир Владимирович и Гредин – непримиримые, даже смертельные враги. Но это, к счастью, было не так. И уже немолодой, опытный Кожемякин, и еще только начавший свой путь к зрелости Игорь относились друг к другу с уважением и симпатией. Не раз вместе говорили о своей жизни и жизни вообще, выделяя в ней не только хорошее, но и плохое, делились своими мнениями о тех или иных событиях, не обходя при этом острые темы политики, что было небезопасно, а главное – выпивали.

– Значит, ты-ы меня по-осылаешь? – Владимир Владимирович колыхнулся вперед. – Меня, о-ответсвенного се-екретаря?

– Посылаю, – нисколько не смущаясь, выдавил Гредин.

Они уже готовы были сцепиться в непримиримой схватке, но дальнейшему развитию бурных событий помешала Татьяна Жукова. Она тихо подошла к Игорю сзади и, взяв его за локоть, решительно проговорила:

– Отойди.

Игорь оглянулся. Татьяна стояла со сжатыми губами. Ее большие очки холодно отсвечивали блики дневного света.

– А чего он? – задал неуместный вопрос Гредин и осекся.

– Того, – раздраженно ответила Жукова. – Того, что он ответственный секретарь и требует материалы по праву. А ты ведешь себя как... Как непонятно кто...

– Вот, – поддержала Татьяну Анна Клошко.

– Сейчас вдвоем схлопочете, – угрожающе пообещал Александр Толошко, приподняв свои могучие плечи. Он воинственно смотрел на ответственного секретаря и корреспондента. – Я не погляжу, что мы в редакции, вспомню свое спортивное прошлое.

– И вправду. – Алексей подошел к Кожемякину и Гредину. – Пошутили и хватит.

Ему было неприятно, что на работе, в интеллигентной среде, выяснение отношений может дойти до кулачного боя. Да и за что? Делить-то практически было нечего, а что касается требовательности Кожемякина, то дисциплина должна быть. Без нее никак нельзя – газета не выйдет.

– Ну? – пробасил фотокорреспондент. – Я жду.

Владимир Владимирович разжал кулаки и стал что-то искать в своих бумагах. Игорь повернулся и пошел в свой кабинет. Сев за стол, пробубнил себе под нос:

– Материалы ему сдавай. А может, я не хочу ничего сдавать...

Алексей прошелся взад-вперед по узкому редакционному коридору, заглянул к редактору. Думенюк, нацепив очки на нос, просматривал свежую почту: письма, газеты, журналы. Именно просматривал, выделяя для себя главное – что прочесть сразу, а что может подождать.

«Зайти, что ли?» – подумал Алексей и решительно открыл дверь редакторского кабинета.

Юрий Николаевич вопросительно уставился на своего нового сотрудника.

– Я тут подумал, – начал Алексей и запнулся на этом слове.

У него возникло подспудное желание что-нибудь сделать, чтобы конфликтов в редакции не было. Самое первое, что пришло на ум – написать, помимо запланированных тем, еще один-два материала.

– О чем подумал? – нетерпеливо спросил редактор.

– Сдать дополнительно пару заметок и статью, – выразил, наконец, свою инициативу Алексей.

– Похвально, – проронил Думенюк, то ли удивившись, то ли обрадовавшись. – Очень даже похвально. – Ты садись, садись...

Алексей присел на стул, что стоял у стола редактора. Юрий Николаевич отодвинул от себя свежую корреспонденцию, застучал пальцами по столешнице. В этом стуке ощущалась озабоченность редактора текущими редакционными делами.

– Написать можно, – проговорил Думенюк. – Что конкретно предлагаешь?

Алексей озадаченно пожал плечами.

– Пока не знаю. Думаю, что-нибудь о космосе.

– Тема хорошая, – согласился Юрий Николаевич. – После поездки в Звездный Городок напишешь. И обязательно о Петре Ильиче Климуке.

– Значит, я еду? – Алексей обрадовался. – Непривычно как-то.

– Едешь, – подтвердил Думенюк. – Почти все едем... Так что привыкай... Кстати, ответственным за поездку назначен секретарь парткома завода радио- и телевизионных футляров Георгий Михайлович Крюков. Знаешь его?

– Нет.

– Ну, еще познакомишься...

IX

Выехали на автобусе «Икарус», в котором все места были заняты, с вечера. Утром были уже в Москве. Ее холодное величие и неприступность неприятно поразили Алексея: серые каменные громады, серые улицы, серое небо. Если бы не свежий снег, то эта сплошная серость, казалось, затмила бы весь мир.

Алексею стало неудобно и зябко. Захотелось вернуться обратно в Минск – тоже каменный, большой, но все-таки более теплый и приветливый, а главное – с душой.

– Глянь, Кремль! – крикнул кто-то.

Все пассажиры автобуса прикинули к окнам, почти разом заговорили.

– Точно, Кремль.

– Он.

– Сила, ничего не скажешь.

– Красиво...

– Вот она какая, Москва златоглавая

– Третий Рим...

Алексей вдруг кожей ощутил, что так оно и есть – третий Рим. Стены Московского Кремля, ее башни, купола древних церквей... Что-то было во всем этом великолепии неправдоподобное, мистическое, которое внушало страх. Именно страх, а потом уже осознание мощи огромного города, в котором некогда сходились все дороги государства Российского, ставшего в первой половине двадцатого века основой Советского Союза.

Заледенелый асфальт московских улиц бил по колесам автобуса. От этого он вздрагивал, и все время норовил сдать влево, на встречную полосу. Водитель, краснощекий смуглый парень, похожий на молдованина, с усилием держал руль и тихо, про себя, матерился.

Остановились неподалеку от Красной площади.

– Кто желает посетить мавзолей Ленина? – спросил секретарь парткома завода радио- и телевизионных футляров Крюков и привычно почесал свой мясистый, прыщеватый нос.

К его удивлению желающих увидеть бывшего вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина оказалось немного.

– Надо обязательно проведать Ильича, – тоном, не терпящим возражения, сказал Георгий Михайлович и обвел всех строгим взглядом.

Желающих поглазеть на первого руководителя советского государства заметно прибавилось.

– Постройтесь в колонну по три человека, – приказал Крюков, – а то мы, простите, как толпа дикарей. Надо культурно, организовано. Мы же в нашей союзной столице, товарищи, а не где-нибудь в колхозе.

– Зачем строиться? – спросила Татьяна Жукова, кутаясь от холода в шарф.

– Надо, – с нажимом сказал секретарь парткома. – Не дома.

Алексей, Гредин, еще человек десять остались стоять у автобуса.

– Ты чего не пошел? – поинтересовался Игорь у Алексея.

– Да так, – буркнул он.

– А если серьезно?

– Не люблю покойников. А ты?

– То же самое. Хотя, скажу тебе по секрету, – иронично проговорил Гредин. – Ильич не покойник. Как говорится, Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить.

– Да иди ты, – отмахнулся Алексей.

Шутить ему не хотелось. К тому же вспомнился умерший Евсей. Казалось, он где-то рядом. Более того, лежит в Мавзолее, а люди думают, что это Ленин...

«Бред, – подумал Алексей. – Временное помешательство...»

Быть может, так негативно подействовала на психику Алексея Москва, но он в какое-то мгновение услышал далекий и дикий голос: «На кол его!..» А после этого послышался чей-то страшный вопль: «Пощадите!..» И голос, и вопль тонули под древней выбитой каменной брусчаткой.

«Бред...»

Х

Огороженный забором, поверх которого шла колючая проволока, Звездный Городок утопал в снегу. Его сугробы высились и по обе стороны контрольно-пропускного пункта, перед которым затормозил тяжелый «Икарус». Дежурный офицер вошел в автобус, козырнул, вежливо поздоровался.

– Из Белоруссии?

– Так точно, – по-военному четко ответил секретарь парткома, видимо вспомнив свою службу. – Делегация Минского производственного объединения «Горизонт».

– Мы вас ждем. – Офицер гостеприимно наклонил голову. – Петр Ильич Климук поручил мне вас встретить и сопроводить в нашу гостиницу. Так что я поеду с вами. Вы не против?

– Мы не против, – ответил за всех инженер-конструктор Иван Силин, рябоватое лицо которого было заспанным и красным.

– Вот и хорошо, – одобрил дежурный офицер. – Едем...

В гостинице Алексей и Игорь Гредин поселились в одном номере. Напротив номер занял редактор. Справа от номера поселились ответственный секретарь и фотокорреспондент. Слева в номере разместились Жукова и Клешко.

После заселения Думенюк обошел все номера, записал, кто где, проверил, работают ли телефоны.

– Буду звонить, – предупредил он. – Смотрите, чтобы не шлялись, где попало. Это вам не в Минске. Городок военный. Приводите себя в порядок. Сбор на первом этаже в фойе ровно в двенадцать ноль-ноль.

Все вместе пошли в Дом культуры. Встречал полковник Климук – невысокий, плотный, улыбчивый, с густой черной шевелюрой. Он сразу всем понравился, так как держал себя просто, по-свойски.

– Расскажите о себе, – попросил его секретарь парткома. – Официально, так сказать, нам ваша биография известна, но хотелось бы услышать ее лично от вас.

– Что ж, можно рассказать... – Климук улыбнулся. – Мне было всего пятнадцать, когда стартовал первый искусственный спутник Земли. Потом, вы знаете, полетели аппараты в сторону Луны, Солнца. И неожиданно – корабль «Восток». Помню, мы, курсанты черниговского училища, вели практические занятия по радиооборудованию. С большим вниманием настроились на волну. И услышали: в космосе Юрий Гагарин!.. Нам до этого рассказывали, что человек должен полететь в космос, но мы не предполагали, что так быстро. Короче говоря, сто восемь космических минут Гагарина нас просто потрясли. Всем нам, будущим летчикам, захотелось узнать: какой он, «Восток»? – Петр Ильич протяжно вдохнул в себя воздух, словно почувствовал себя не в помещении, а на аэродроме или даже комодроме. – Не терпелось увидеть нам самого Гагарина. Вскоре наши желания сбылись. Мне же повезло больше, чем моим товарищам по училищу: через несколько лет я сам стал летчиком-космонавтом. Правда, вначале не хотел, чтобы меня зачислили в отряд. Сомневался: готов ли я, смогу ли оправдать надежды тех, кто пошлет меня в космос?... – Климук развел руками. – Да, так было... – Кашлянув, продолжил свой рассказ: – Вскоре Герман Титов совершил суточный полет. Андриян Николаев и Павел Попович – первый групповой. Рекордное время по тем временам – пять суток – провел на орбите вокруг Земли Валерий Быковский. Совершила космический подвиг первая женщина – Валентина Терешкова. Вы это, конечно знаете.

– Знаем, – подтвердил Гредин. – Читали...

– Да, такие события запоминаются, – понимающе проговорил Климук. – Буквально все люди радовались космическим успехам. Но особенно – летчики. Ведь полеты – их жизнь. А тут полетели уже экипажи, да еще из представителей разных профессий: ученый Константин Феоктистов, врач Борис Егоров, летчик-инженер Владимир Комаров... Полетом корабля «Восход-2» с Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым на борту вообще начался новый этап освоения космоса. Это было в 1965 году. Этот год оказался для меня очень счастливым.

– А чем? – поинтересовалась Жукова, блеснув линзами своих очков.

– Причина проста, – добродушно ответил Климук. – Состоялся новый набор летчиков в отряд космонавтов. Так вот я и оказался в Звездном Городке... Теперь расскажу о встрече с Юрием Гагариным. – Петр Ильич задумался. Лицо его при этом посветлело. – Как-то к нам, новоприбывшим, подошел Юрий Алексеевич Гагарин. Мы, конечно, узнали его и умолкли. Все сразу. А он заговорил о чем-то обычном, после чего показался нам давно знакомым. Напряжение у нас тут же спало. Юрий Алексеевич побеседовал с каждым. Дошла очередь до меня. «Климук», – представился я. «Откуда?» – поинтересовался первый космонавт. «Из Брестской области», – ответил я... Потом Гагарин спросил, какое учебное заведение я окончил, на каких самолетах летал, где служил... Сегодня таких людей нам недостает. – Климук обвел делегацию «Горизонта» внимательным взглядом, точно искал человека, равного Юрию Гагарину или хотя бы похожего на него. И не найдя, спросил: – Вопросы еще есть?

Вопросов больше не было: во-первых, Петр Ильич рассказал о себе хоть и коротко, но подробно, во-вторых, все были уставшими – от дальней дороги, бессонной ночи, впечатлений.

– В таком случае идем на обед, – пригласил Климук.

XI

Под вечер Алексей и Игорь сидели в номере, когда зазвонил телефон. Трубку поднял Игорь:

– Тебя.

Звонил Думенюк.

– Зайди ко мне в номер, – коротко сказал он.

Алексей зашел. В кресле сидел Петр Ильич. На столике стояли бокалы, наполненные вином.

– Добрый вечер, – поздоровался Алексей.

– Сотрудник нашей многотиражной газеты «Горизонт», – представил редактор Алексея знаменитому космонавту. – Ваш, между прочим, земляк. Из Брестской области.

Климук крепко пожал руку.

– Рад встрече.

– Присаживайся. – Юрий Николаевич показал Алексею на кресло и разлил в бокалы вино. – Ну, раз пришел, то скажи тост.

– Может, вы сами скажете?

– Нет, тебе слово...

Алексей поднял бокал.

– За то, чтобы в космосе вы не забывали о нашей земле.

Когда выпили, Петр Ильич с грустью проговорил:

– Родную землю забыть невозможно.

– Значит, скучали по земле? – Алексей на мгновение почувствовал себя одиноко, словно сам вознесся на космическом корабле в звездную высь. – Это же даль какая...

– Очень скучал, – откровенно признался Климук. – Да и как о ней не скучать, не думать, когда на земле остались родные, друзья. Короче говоря, земля есть земля. Я ее с космоса изучил почти всю. Не детально, конечно, а так... Когда условия освещенности были хорошие, и наш корабль пролетал над Брестчиной, я видел свою деревню Комаровка и, как мне показалось, свою мать, которая доила корову. Очень мне тогда захотелось домой, пройтись по двору, огороду, улице.

– А это всех так домой тянет?

– Всех, конечно... Виталий Севастьянов, например, рассказывал, как ему приснился обыкновенный дождь. Он рассказывал, а мне сразу же захотелось под него попасть. А вообще к космосу привыкаешь. В полете отвыкаешь от земного притяжения, потому что все время на корабле находишься в невесомости. Даже забываешь запах земного воздуха, почти не думаешь, что скоро, если вернешься домой, ты опять окажешься среди множества людей. А с ними надо разговаривать, решать какие-то вопросы, жить обычной, повседневной жизнью. Поэтому невольно начинаешь задавать себе вопросы: «А как там, на земле, я буду?..»

– Запоминай, – заметил Думенюк. – Потом напишешь.

– Да я уже думаю об этом, – сказал Алексей и обратился к Климуку: – А вообще как вы решили стать космонавтом? Мечтали об этом, часто думали?..

– Да все произошло просто. – Петр Ильич призадумался. – Недалеко от моей школы – учился я тогда в четвертом классе – как-то совершил вынужденную посадку небольшой самолет. В то время над нашей деревней часто летали «ястребки». Так вот, однажды, из приземлившегося самолета вышел легчик. Минуту он молчал – разглядывал наших деревенских мальчишек и девчонок, что прибежали поглазеть на самолет. Потом улыбнулся, спросил: «Ну что, нравится?.. Подходите ближе, смотрите». С этого все и началось. На второй день мы с ребятами уже играли в летчиков, а в своих школьных тетрадях начали рисовать схемы самолетов. Еще через несколько дней уже на практике попытались конструировать самодельные модели. У кого-то это получалось, а кто-то, понятно, не мог собрать простейшую модель. Мне это примитивное самолетостроение нравилось. Через какое-то время, когда я поглядывал в небо и видел самолет, то мысленно представлял себя в кабине пилота. Так и вышло. Более того, стал космонавтом...

Алексей внимательно выслушал Климука, кое-что записал для себя, потом спросил:

– А инопланетян вы не видели?

Петр Ильич улыбнулся.

– Об этом мы поговорим как-нибудь в следующий раз.

– Когда?

– Когда встретимся опять и найдем время для разговора. А еще – когда будет больше свободы для той информации, которая сегодня закрыта. Я понятно сказал?

Алексею показалось, что в глазах Климука мелькнула тоска. И именно с этой тоской Петр Ильич предстал каким-то другим: живым, своим, озабоченным будущим...

– Вроде понятно, – благодарно и с надеждой на лучшее ответил Алексей. – Думаю, так и будет...

Перед отъездом в Минск члены делегации «Горизонта» посетили музей космонавтики. От имени редакции Алексей в альбоме отзывов написал слова благодарности, которые сочиняли все вместе еще в Минске:

«Спасибо вам, дорогие товарищи космонавты, за все, что вы сделали и делаете для нашей Родины. Ваш музей – яркое свидетельство огромного таланта и мужества советского человека. Мы горды тем, что вы, наши соотечественники, такие замечательные люди. Верим, в музее еще будет много экспонатов, свидетельствующих о новых исторических достижениях в покорении Вселенной. Порукой тому – могущество нашей социалистической Родины, неуклонное претворение в жизнь партией и правительством заветов великого Ленина.

Богатырского вам здоровья, счастливого старта и мягкой посадки!»

Глава седьмая

I

Весна набирала силу. Полесские реки – Припять, Горынь, Пина, Стырь, Чаква разлились на десятки километров. С высоты птичьего полета маленькими островками казались деревни, поселки и даже районные города.

Весенняя стихия повредила дороги, дамбы, добралась до хозяйственных построек – свиноферм, коровников, тракторно-машинных парков. Между ними лавировали моторные лодки, катера – подвозили корм, где осталась живность, спасали самое ценное: оборудование и запчасти.

Жизнь полешуков, вымытая на время паводком из привычной колеи, упрямо держалась своего русла.

Дед Федор, оседлав низкий верстак, строгал на нем спицы – мастерил колесо для воза. Работа вроде привычная, а выходило не так, как хотелось. Дед из-за этого нервничал, торопился и к обеду так устал, что едва разогнул спину. Бабка Вера, наблюдая за супругом, жалостливо обронила:

– Отдохнул бы... Завтра уже не разогнешься...

– Не разогнусь, – согласился дед. – Только отдохнуть мне некогда. За меня никто не делает. Значит, надо работать.

– Да гори она огнем твоя работа, колеса эти – для колхоза. Все равно копейки за них платят.

– Да я не за деньги.

– Не за деньги? Будто они у тебя есть.

– А что? – Дед Федор с вызовом поглядел на бабку. – Может, и есть.

– Ты что ж такое плетешь?.. – Бабка Вера уставилась на супруга. – То всю жизнь не было, а тут есть. Откуда?..

– Ладно... – Дед Федор усмехнулся в усы. – Шучу я, шучу...

Сам же подумал: «Не было денег, и нет. А золото есть, будь ты неладно...»

Чтобы как-то сгладить ситуацию, строго сказал:

– Давай обед, а то и вправду ничего не заработаю...

Дед Федор поднялся на крыльцо, глянул на реку. Накрыв темной водой берег, она подходила к самому дому, лезла через щели забора в огород.

«Справная ты, холера на тебя, – по-доброму обозвал старик про себя Чакву. – Растолстела, налилась шальным здоровьем. Того и гляди, оставишь меня со старухой без жилья...»

Улица, на которой стоял дом Деда Федора, через десяток метров обрывалась. Дальше, от забора до забора, плескалась холодная вода. На ней качался мусор, скалилась вспухшая грязно-желтая пена.

– Федор! – окликнул старика одноногий сосед – Станислав Никитович Маманович, которого все звали просто и коротко – Стасик. Инвалид, ветеран войны, он как получил эту кличку в молодости, так ее всю жизнь и носил. Хотя, по правде сказать, это его ничуть не тревожило.

– Чего? – отозвался дед Федор, поворачиваясь к соседу и ощущая, как ломит спину.

– Вертолет прилетел. Начальство какое-то. Говорят, сам Петр Миронович Машеров – первый секретарь нашей партии. Пойдем, поглядим.

– Партии-шмартии, – презрительно бросил дед Федор. – Ты что ж, на старости лет в партию записался?

– А хотя бы и так, – с вызовом ответил Стасик.

– Лично я сам по себе, – заметил дед Федор.

– Так я тоже, – проворчал Стасик – И в партию я не записывался, сам знаешь. Но поглядеть на Машерова надо.

– С чего это?

Дед Федор, чувствуя, что боль в спине не уходит, а наоборот нарастает, был не в духе.

– Говорю тебе, первый секретарь! – повысил голос сосед, всаживая свой костыль в мягкую землю. – Не каждый день к нам такое начальство прилетает. Может, в первый и последний раз.

– Так в прошлом году у нас Машеров был, – возразил дед Федор и добавил: – Я, правда, не видел, но говорили.

– Вот, – поймал на слове Стасик своего несговорчивого соседа. – Говорили... Брехня это. Нам надо самим его увидеть, послушать, что скажет, да и высказаться.

– О чем это? – удивленно поинтересовался дед Федор.

– О жизни нашей. – Стасик разозлился. – Скажем, что воевали, а к нам из районного отдела соцобеспечения никакого внимания. Я этой зимой путевку в санаторий просил, так не дали. Сказали, что на следующий год дадут. Очередь на путевки у них. А я, может, до следующего года не доживу – помру.

– Не помрешь, – вставил дед Федор.

– А вдруг помру, – упрямо проговорил Стасик. – Жизнь, она только с виду добрая, а так злая, паскуда.

Стасик глянул на свой костыль, продырявил им землю.

– Может, и вправду пойти, – задумчиво высказался вслух дед Федор.

– Пошли. – Сосед оживился. – Расскажем обо всем, может, пенсии повысят.

– Пенсии, оно конечно, – согласился дед Федор, – надо бы повысить, а то получишь, и тут же эти копейки расходятся.

– Ну, так пошли.

– Пошли...

II

Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии Петр Миронович Машеров вышел из вертолета «МИ-6» в сопровождении первого секретаря Брестского областного комитета партии Ефрема Евсеевича Соколова, и нескольких работников Совета Министров, которые отвечали за ликвидацию последствий наводнения. Высокий, худощавый, в резиновых сапогах, он внимательно посмотрел на собравшихся людей и приветливо улыбнулся.

– Здравствуйте, товарищи!

Рубежцы оживились:

– Здравствуйте.

– Рады вас видеть.

– Мы и не думали, что приедете.

– Спасибо.

– Не замерзли?.. Я могу в магазин сбегать...

– Мо-олчи...

– Вы прилетели – и нам легче.

– Если власть к нам хорошо, то мы такой власти рады.

– Все люди.

– Вода у нас...

– На Полесье везде вода, – озабоченно проговорил руководитель компартии республики и глянул на Ефрема Евсеевича, который головой доставал лишь до плеча Машерова. – Пусть вам ваш секретарь скажет.

– Точно так, – согласно проговорил Соколов и замолчал.

– Везде вода, – повторил Петр Миронович и вздохнул. – Вы, товарищи, телевизор смотрите, радио слушаете. Знаете, что наводнение в этом году большое. Меньшее, конечно, чем в прошлом году, но забот и хлопот оно всем доставило немало. – Машеров задумался, потом продолжил: – Мы проанализировали все и подвели первые итоги работы по борьбе с паводком. В целом они удовлетворительны. Хотя, конечно, хотелось бы видеть на местах более четкую организацию и дисциплину. В целом по вашей области и в частности по вашему району и колхозу. Но главное все же сделано – нам удалось у вас на Брестчине отстоять главные дороги. Их вы все хорошо знаете. Они связывают Долин с Городком и Пинском, другими населенными пунктами. С трудом, но сохранили полотно дороги на участке Решка – Терелев. Я сегодня с вертолета видел, как рабочие устраняют прорывы воды через дамбы и насыпи. Думаю, через день-два вся эта работа будет выполнена.

– А как с продуктами быть? – раздался чей-то голос. – В магазинах пустота...

– В деревни из Бреста и Минска уже идут машины с продовольствием, товарами первой необходимости, – успокоил сельчан Петр Миронович. – В тех деревнях, где полностью затопило, людям подвозят все необходимое на амфибиях – армейских машинах. Для ликвидации последствий наводнения подключены войска нашего Белорусского Краснознаменного военного округа. Так что все эти временные трудности переживем.

Народ зашумел:

– Да уже почти пережили.

– Не впервой – привыкли.

– Всегда у нас так было.

– Непросто, конечно, когда наводнение... Особенно детям.

– Стихия... У нас топит, а где-то сушит.

– И беда, и польза от воды.

– Это правда.

– Вы только дайте команду, чтобы муку и шифер в деревню завезли, а то у нас это дефицит.

– И бензин, бензин пускай везут. Да побольше.

– С вашей помощью управимся...

Треть территории села Рубеж залило водой. Немало колодцев, погребов, скопцов с картошкой было затоплено. Но люди не жаловались, понимали, что не от первого секретаря компартии республики зависит уровень наводнения, а, значит, и не Машеров является спасителем. Спаситель повыше. Он один может вернуть воду в берега свои, но пока не возвращает, потому как гневается на людей за грехи их. А грехов много. Больше, чем думаем. Что же касается помощи, то здесь – пожалуйста, помогайте нуждающимся всем миром...

– Всем, чем можем, постараемся помочь, – заверил рубецев Петр Миронович. – Ваша местная власть и лично Ефрем Евсеевич за это отвечают.

На это высказывание набожная бабка Матрена обронила:

– Бог поможет.

Соколов, услышав это, опустил глаза, точно бабка сказала нечто неприличное, а первый секретарь ЦК КПБ внимательно посмотрел на старуху, но ничего не сказал. Может, согласился, а возможно, решил, что с бабкой Матреной лучше не спорить.

– Может, вопросы какие есть? – спросил Петр Миронович.

– Вопросы есть.

Вперед выступил молчавший до этого Стасик.

– Слушаю.

Первый секретарь смотрел прямо и серьезно.

– Пенсии надо повысить ветеранам, – высказал свою наболевшую мысль Стасик. – Вроде страна наша богатеет, а платят нам мало.

– А сколько у вас пенсия? – поинтересовался Машеров.

– Сорок семь рублей.

– Не хватает?

– Да себе оно хватает. – Стасик замялся. – На хлеб, одежду. Еще на какие расходы, по мелочи. А вот на хозяйство маловато. Да и внуки у меня, им на угощение тоже копейку дай, не скупись...

Председатель колхоза Петр Николаевич Яромич предупредительно кашлянул, мол, молчи, старый, разберемся, поможем. Его мясистое лицо налилось краской, толстая шея побегрела. Но Стасик на это никак не прореагировал. Смотрел на первого секретаря, ждал, что высокий гость скажет.

Машеров какое-то время молчал, потом согласно кивнул:

– Знаю, что пенсии маловаты у наших людей.

– Известное дело, – вступил в разговор коренастый, похожий на старый, могучий дуб, дед Максим. – Вода у меня в погребе бульбу и бураки вымочила, забор повалила, сейчас в хате хозяйничает. Половину мебели, значит, надо будет на дрова пустить. А где деньги на новую взять? Да и без бульбы придется все лето быть – та, которую я успел со своей старухой вынести из скопца, пойдет на посадку, а другой у меня нет. Хлеба, считай, надо будет больше покупать, а скотине муку или комбикорм. В колхозе я уже не работаю, на заработки, как молодые, не езжу, живу из пенсии. А пенсия у меня всего-ничего – шестнадцать рублей. Что за них купишь?

Раздались голоса одобрения и одновременно – возмущения.

– Правильно.

– Давно надо было пенсии повысить.

– Сейчас все за деньги. За «спасибо» уже никто ничего делать не будет. Это не то, что раньше – покормил и все. Теперь – плати.

– И помощь на детей надо увеличить, – подала голос Мария Опанович, вдова. – У меня шестеро, без мужа растут, а в колхозе сорок, пятьдесят рублей зарабатываю, да на детей по двадцать рублей платят. Всего сто шестьдесят, сто семьдесят рублей в месяц набегает. Разве ж это деньги на нас, семерых?.. Одной одежды сколько на детей надо, а они ж и конфету хотят съесть, и в кино пойти...

Глаза у Марии заморщились, на худой землистой щеке заблестела слеза. Поджав губы, женщина замолчала.

– Понимаю, понимаю вас. – Первый секретарь ЦК КПБ поднял руку. Мол, тише. – Будем, конечно, и пенсии увеличивать, и детские пособия. Будем, подождите только. Подождите... – Он замолчал, после чего как-то виновато и спешно попрощался: – Ну, до свидания, товарищи. До свидания...

Высокая делегация тут же гуськом полезла по трапу занимать места в вертолете. Через минут пять он шумно взлетел. Рубежцы прощально замахали руками. Иван Белый пожал худыми плечами:

– И чего это они прилетали?

Выбросив из широкого рта папиросу и почесав лысину, ответ дал Михаил Гуцко:

– Партия всегда хочет быть впереди. Хлебом не корми, а дай отметиться...

Это было полуправдой: местные партийные руководители прислушивались к мнению людей, рады были им помочь, но вот, что касалось пенсий, пособий, социальных выплат, здесь их полномочия заканчивались – все решали в Москве, столице Советского Союза. А там относительно всех выплат было свое мнение, оспорить которое на местах никто не мог, даже если бы и захотел.

III

Расходиться рубежцы не торопились: разлученные паводком, они собрались за последние недели почти всем своим деревенским людским миром в первый раз и поэтому стояли, словно боялись, что если разойдутся по домам немедленно, то соберутся вместе уже не скоро.

– Обмыть бы это дело, – мечтательно выдохнул Илья Еремеев и облизал пересохшие губы.

– А что, это может быть, – неожиданно поддержал его степенный Андрей Ольшевич, тряхнув густой прядью волос на широком, бочковатом лбу. Чмокнув мясистыми губами, он обратился к своему куму, что стоял рядом: – А ведь Ерема дело предлагает. Не пойти ли нам отметить приезд высоких гостей?

– Оно бы надо, – с сомнением проронил Игнат Вабищевич и покачал своей костистой головой, – но уже обед, домой вроде пора.

– А мы в кафе пообедаем, – нашелся Ольшевич.

– А женка?

– А что женка? Она с моей кумой кому-то кости перемывают. Не будем им мешать.

– Гм... Хитрый ты мужик.

– И ты не без хитрости.

– Так и быть, идем, – наконец, согласился Игнат.

– А я? – недоуменно спросил Илья.

– У нас своя компания, – отрезал Ольшевич. – Лишних не берем.

– Ну и черт с вами! – выпалил, обзлившись, Еремеев. – Без вас обойдусь.

Он круто повернулся и пошел в кафе «Ивушка».

– Вот вода немного спадет, и поеду за лесом, – проводив взглядом Еремеева, сказал своему брату Антону Максим Соболю – невысокий, верткий мужик. – Строиться буду. Пора.

– Давно пора, – согласился Антон и, почесав свой прыщеватый, острый нос, поинтересовался: – Лес как будешь в село доставлять? Лодкой или подождешь, пока земля высохнет и на машине?

– Ни лодкой, ни машиной, – озабоченно проговорил Максим.

– По воздуху, что ли? – Антон усмехнулся. – Для этого тебе у Машерова вертолет попросить надо.

– Сплавать буду, – серьезно сказал Максим. – Сплавом лучше всего: дешево и все бревна сразу. Деды наши были не дураки. Они весь лес сплавливали по весне, когда вода начинала спадать и только входила в берега свои.

– Дело, – одобрил Игнат. – Я помогу...

– А может, и вправду пенсию повысят, – предположил Стасик. Подумав, сам же ответил на свой вопрос: – Должно начальство позаботиться о нас, стариках. Должно.

– Должно, как же, – проворчал дед Федор. – Ничего наше начальство тебе не должно. Это мы всю жизнь ему должны. Хорошо, что хоть немного платят. Раньше, помнишь, почти бесплатно в колхозе работали. За палочки-нолики.

– А я говорю, что о нас, ветеранах и пенсионерах, должны позаботиться, – держался своей мысли Стасик. – А если не позаботятся в этом году, то на следующий год – это уже обязательно... Да и, если разобраться, живем неплохо. Хлеб привозят, не голые, не босые. Все есть.

– Во-во, все, – вступил в разговор широкогрудый и приземистый Прокоп Липский, мужик уже немолодой, но говорливый, что баба. – Вон до Бельчаков родственник их из Америки приезжал, рассказывал...

– Это точно. – Сергей Коледа, молодой токарь, задрал глаза кверху и закивал давно не стриженной головой. – Там действительно все есть.

– Да что ты мне рассказываешь про то, чего сам не видел, – обрубил его Стасик. – Может, там, в Америке этой, и лучше, чем в нашем государстве, в смысле снабжении, но у нас все натуральное. А там одна химия.

– А откуда вам такое известно? – с удивлением поинтересовался Коледа.

– Оттуда. – Стасик не стал уточнять. – Ты лучше иди к своим одноклассникам, им это рассказывай, а в наши стариковские разговоры не вмешивайся.

– Да, иди, – поддержал соседа дед Федор. – У Америки свое, а у нас свое.

Ему вспомнился брат Роман: «Жил далеко, а умер близко, под самым Рубежом. Никуда от судьбы не убежишь, не уедешь...»

– Ну вот, поглядели на начальство, – задумчиво проговорил про себя Стасик. – Теперь будем ждать его милости.

– Будем, – согласился дед Федор. – Привыкли ждать...

Колхозное начальство стояло в сторонке. Говорили тихо, но, как и все рубежцы, эмоционально.

– Каждый год одно и то же – вода, – возмущался Яромич. – Он глядел хмуро, устало. Голос его при этом набирал высоту и мощь, как и вся его большая, словно высеченная из камня, фигура. – А мы отвечай.

– Осушить бы все, – крутанул маленькой плешивой головой Степан Михайлович Семашкевич, главный агроном.

– Тебе бы все осушать, – возразил Матвей Григорьевич Резанович, заведующий колхозной баней, которого за глаза в селе называли просто – Матей. Его огромный живот качнулся. – Попробуй вот осуши баню, кто в нее тогда пойдет.

– То баня, – проронил Семашкевич.

– А то природа, – напомнил Матвей Григорьевич. – Круговорот воды. Нарушать, понимаешь, никому нельзя.

– А что ты предлагаешь?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Из района надо помощь просить, – вставил секретарь парторганизации Павел Павлович Вабищевич, блестя золотым зубом. – Надо делать так, как заведено.

– Ты подумай, что предлагаешь. – Председатель колхоза бросил на партийного вожака осуждающий взгляд. – Попросишь, приедут. Но вместе с партийной комиссией. Она спросит: о чем до паводка думали, почему не укрепили дамбу во время?.. Что ответишь?.. Извините, не доглядели. Не извинят. Партбилет на стол положишь и прямой дорогой пойдешь в простые колхозники. Если еще возьмут тебя в колхозники.

– Самим предлагаете лопаты брать?

– Может, и самим.

– У военных надо просить помощи, что в Городке, – высказал свою мысль заведующий баней. – У них сила и техника.

– Голова, – похвалил Яромич. – Учитесь, – обратился он к главному агроному и бригадиру. – Командира военной части из Городка я знаю. Мужик толковый и выпить любит. Думаю, договоримся. Потом в баньку пригласим...

– Таким клиентам мы всегда рады, – гоготнул Матвей Григорьевич. – Просим.

– Не так страшна нечисть, как ее малюют, – подвел черту под разговор председатель колхоза. – Пробьемся.

– Пробьемся, – поддержал председателя Семашкевич. – Не в Афганистане.

– Ты об Афганистане помолчи лучше, – предупредил главного агронома секретарь партийной организации. – Вот будет собрание по этому вопросу, тогда и выскажешься.

– Молчу, – буркнул Семашкевич. – Ладно, поговорили и хватит...

Рубежцы стали расходиться. Каждого ждали свои дела и заботы.

IV

Тамара Рукавчук с сыном зашли в сельский магазин. И не в Заболотский, а в Рубежский. Здесь и выбор продуктов был получше, и людей побольше. Мало того, крутился здесь возле прилавка и Иван Даниш. Между ними произошел разговор, который потом долго гулял по селу.

– Ваня, а Роман мой в Долине жить будет, – как бы невзначай объявила Тамара.

– Да, – утвердительно проронил Роман, с высокомерием глядя на Даниша. – Работу предлагают.

– Какую? – без всякой задней мысли поинтересовался Иван.

– В милицию, – прогудел Роман. – Хорошая зарплата, форма, льготы. Да и вообще.

Что «вообще» он не уточнил, но продавщица Семеновна, которая обладала фигурой штангиста тяжелого веса, и покупатели это поняли по-своему – мол, помимо зарплат, формы и льгот милиционерам, в ряды которых метит Роман Рукавчук, полагаются еще с солидные премии и разные доплаты.

– Может, Роман даже в Рубеже будет работать, – уточнила Тамара, – если в райцентре не понравится. Участковым. – На ее худосочном лице читалась гордость за сына. – А что?.. Тут свой дом, огород, много чего другого.

Слушавший этот разговор Илья Еремеев не выдержал, ехидно прокомментировал:

– Ваше «много чего другого» – это мое ничто.

– Уверен?.. – Роман набычился. Усы его нервно дрогнули. – Смотри, а то ответишь за свои слова.

– Надо будет, отвечу, – не испугавшись, процедил Илья. – Мне еще не хватало милиционеров с Городка. Ты в Городок свой поезжай. Там народ семенами торгует, вот и контролируй этот процесс.

– Мне лучше знать, что и кого контролировать, – выдавил Роман. – Учитель нашелся.

– Так это ты учитель, – уцепился за эту мысль Илья. – Говорят, в педагогическом институте учишься.

– В этом году заканчивает, – вставила Тамара.

– Ну вот, – буркнул Еремеев. – Иди в школу. Хотя... К детям тебя, Рома, опасно подпускать – нервный сильно. Иди в милицию.

– Это мое дело, куда идти, – глухо произнес Роман. – И начальства...

Понимая, что вот-вот может начаться бойка, Даниш, взяв под руку Илью, вывел его на улицу.

– А что, – закричал оскорбленный Илья, – не успел приехать, уже должность ему подавай!.. Я тут уже больше пятидесяти лет живу, и без должности, а ему приспичило поруководить. Перебьется!..

Стоявшая в углу магазина бабка Ева, одетая во все черное, опираясь на палку и стуча ею по бетонному полу, подошла к Тамаре и ее сыну и, глядя снизу вверх, хрипло проговорила:

– Быть вам милицией. Только знайте, что недолго.

Старуха выразительно и холодно ухмыльнулась.

Рукавчуки, испуганно поглядев на старуху, тут же удалились из магазина. Через несколько минут в магазин вошел Даниш. Он проследовал к прилавку, взял две бутылки водки, полкилограмма вареной колбасы, булку черного хлеба и, подмигнув продавщице, быстро пошел на выход – догонять Тамару и ее сына.

Кто-то из стоящих в очереди задумчиво произнес:

– Наверное, власть скоро поменяется.

Его поддержали.

– А пускай.

– Все равно мы жить лучше не будем.

– Это понятно.

– В колхозе никогда сладко не было. Есть, конечно, показательные хозяйства, но их единицы.

– Значит, по любому надо что-то менять...

Это был не первый красноречивый резонанс рубежцев на отъезд высокого начальства во главе с первым секретарем ЦК КПБ из села.

▼

На Полесье захозяйничал июнь – красный месяц, румянец года. День он заметно удлинил, а ночь сделал совсем короткой: не успеет небосвод потемнеть на востоке, а уже на западе начинает розоветь, а потом наливаясь золотистой краской. Рубежцы давно заметили, что в такую пору заря с зарею сходятся, щедро наполняя светом и небо, и землю, и все, что на ней.

В третью неделю наступившего лета пронеслось несколько коротких, но сильных гроз. Одна из них разразилась прямо среди белого дня: налетел ветер, поднял пыль на улицах и во дворах, погнав по Чакве волны. Прошла еще минута, другая и началась настоящая буря.

– Домой! – с отчаянием закричал кто-то.

Вмиг обезлюдело село.

Попрытались под навесы куры, залезли в свои будки собаки, забились под срубы старых деревянных домов коты.

Утки, которые дневали и ночевали на реке, и те прибились к берегу.

Висевшие над селом тучи потемнели. Сквозь их сверкнула кривая молния, загрохотал гром. Тут же ударило дождем. Крупным и густым.

Звук работающего в поле трактора пошел на убыль, после чего и вовсе стих. Только раскаты грома да шум ливня будоражили слух, вселяя во все живое страх.

– Господи, конец света. – Бабка Вера перекрестилась. – Давно такого не было.

– Сейчас дождь закончится, – глухо обронил дед Федор.

Он дремал у теплой печки, в которой спела пшенная каша, наливался запахом лука и укропа картофельный суп с мясом, тушилась в чугушке домашняя колбаса с гречкой – все к приезду внука.

– Быстрее бы, – обронила бабка Вера, – а то шумит, шумит... Голова уже болит.

– Алексей когда будет? – спросил дед Федор и глянул на часы, часовая стрелка которых подползала к цифре 2.

– Надя говорила, что к обеду. – Бабка Вера с тревогой глянула в окно. – И надо ж такая непогода.

– Так обед уже, – напомнил дед Федор.

– Значит, должен Лешка быть...

Буря, потеряв свою силу и решительность, закончилась. И как только последние капли дождя упали на крышу дома деда Федора и бабки Веры, их порог переступил Алексей.

– Здравствуйте.

– Боже праведный! – вместо приветствия воскликнула в сердцах бабка. – Пешком шел...

В такую погоду!..

– Пешком, – усмехнувшись, сказал внук. – В Бережновке сошел с минского автобуса и оттуда до Рубежа напрямик. Грязь месил...

– Чего ж стоишь?.. – Бабка Вера засуетилась. – Проходи и снимай с себя все. Печка еще теплая – с утра натопила.

– Снимай одежду. – Дед Федор поднялся. – Высушишь, пойдешь домой. А то мать напугаешь.

– Знаю. – Алексей покрутил головой. – Потому и зашел сразу к вам.

Он обнял бабку, потом пожал руку деду. Алексею показалось, что дед сдал: рука старика дрогнула, а пожатие было мягким, неуверенным.

– Заждались мы тебя, Лешка, – упрекнул дед Федор.

– Видно, скоро совсем приезжать не будешь. В чем причина? Может, девку какую в городе нашел, или что?

– Не в девках причина, – начал объяснять Алексей. – Просто работа не позволяет часто навещать вас. А еще учеба. Да и суеты в городе много.

– Вот она, суета сует, о чем в Писании говорится, – набожно проговорила бабка Вера. – Ты чего все стоишь? Иди вон в зал, сними с себя все, надень дедовы штаны и рубашку. Они новые.

– Не малые будут? – Алексей улыбнулся. – Я вроде уже выше и шире деда.

– Не порвутся. – Он кашлянул. – Надевай, не стыдись.

– Я не стыжусь, не думайте такого. – Алексей, чувствуя горчинку в горле, опустил глаза. – Мне даже неудобно говорить об этом.

Дед Федор и бабка Вера хоть и считали Алексея уже самостоятельным, созревшим для жизни, но относились к нему с прежней нежностью и вниманием.

– И правильно, что не стыдишься, – сказал с дед Федор. – Стыдится своих родных людей – дурость. Надевай сухое, чистое, а баба сейчас обед подаст. Наготовила она, что на Михайло... Вот... Ты помнишь, что Михайло – наш главный рубежский праздник?

– Помню...

Алексею показалось, что он на мгновение вернулся в детство.

VII

Еще не наступило утро, а над селом Рубеж поплыли трели соловья. Заливистая песня подняла на ноги собак, которые, беззлобно полаяв, опять прилегли на влажную, теплую землю. За соловьем проснулась иволга, издали послышался голос кукушки. После этого, спустя где-то час, заголосили петухи.

Дед Федор, привыкший по утрам подниматься под их крик, оделся, вышел во двор и сразу направился в дощанку, которая прочно прилепилась к хлеву. Вынес косу. С любовью погладил ее, взвесил в руках.

«Бог даст, сегодня покошу...»

В кухонном окне хаты сына и невестки зажегся свет.

«Надя встала, – сообразил дед Федор. – Сейчас и Степан выйдет».

И точно – Степан Федорович ступил на крыльцо, потянулся и пошел умываться к колодцу, что стоял на меже его участка и участка деда Федора. Заметив отца, приветственно махнул рукой.

– День добрый.

– Добрый...

Позавтракав, выехали на мотоцикле втроем в урочище Карасина. Дед Федор сидел в коляске «Днепра», Степан Федорович мостился на заднем сидении мотоцикла, а Алексей рулил.

Солнце уже окрасило небо, и его свет падал на росную землю. Под ним жемчужными каплями играла зелень: трава на заливных лугах урочища росла в пояс. Особенно тимopheвка. Пышность растительности увеличивали клевер и лютики. Кое-где поднимался конский щавель. Возле кустов и ям виднелась крапива. Больше всего она буянила вдоль извилистой, широкой Чаквы, которая через каких-нибудь два-два с половиной километра вливалась в многоводную Горынь.

Остановились возле кустов. Под их ветви поставили сумку с продуктами, трехлитровые банки с компотом и водой.

– Ну, доставай косы, – скомандовал дед Федор.

Косить пошли чуть ли не строем. Дед первый, его сын второй, а Алексей третий. Одетый в синие спортивные штаны и светлую клетчатую рубашку с короткими рукавами, он старался

не отставать. Но это было непросто. Дед Федор и Степан Федорович, казалось, играючи срезали еще мокрую траву. Прокос за прокосом...

Алексей такого напряженного темпа не выдержал. Солеными, вьедливыми в кожу струйками потек по его лбу и лицу пот. В горле Алексея пересохло. Руки и особенно спина начали неметь.

«Отдохну, – решил он. – Ну, его все в баню...»

Бросив косу, пошел к мотоциклу, достал из-под куста банку воды и стал жадно пить. Вода лилась густо, забивая горло, а Алексей все никак не мог напиться. Лишь когда почувствовал тяжесть в животе, оторвался от банки, вытер горевшее здоровьем и одновременно усталостью лицо.

Между тем яркое солнце спокойно и величаво катилось по своей орбите. Наваливалась духота. Она гнула к земле травы и скручивала их стебли. Духота как бы говорила: «Торопитесь, люди добрые – пока роса на траве, косится легче». Но росы уже почти не было – испарилась, высохла. С трудом, но Алексей опять взялся за косу...

Медленнее и тяжелее пошла косовица. Казалось, что от этого даже ряды скошенной травы стали кривее. Уже не доставало той хватки и желания косить без остановки деду Федору и Степану Федоровичу – они притомились. Поглядывая на них, Алексей подумал: «Пусть бы отдохнули».

Но дед и батька прошлись еще по прокосу и только после этого положили косы на землю, аккуратно накрыв их травой.

– Посидим немного.

– Торопиться не будем – у Бога дней много...

Присели на скошенную траву. Дед Федор окинул довольным взглядом выкошенный участок, проговорил:

– Тут наша, Алексей, пуповина. Погляди вокруг.

– Пуповина, как я понимаю, это родная земля, родительский дом, а тут луг кругом, вода, – отозвался Алексей.

– Земля это наша. – Дед Федор вздохнул и добавил: – Была...

– Как наша, если это колхозная земля? – не поверил Алексей.

– Теперь колхозная, а когда-то была наша, родовая, – объяснил дед.

– Чего ж раньше не говорили?

– Не было об этом разговора. Да и не косили мы в Карасинах уже лет тридцать, а может, и больше. Это только в этом году нам тут выделили участок под косовицу. А что касается земли, то в урочище Горейше она у нас тоже была, и в центре нашего села ее целая полоса. На ней теперь дома рубежцев, стадион, магазин, а сразу за селом – колхозная конюшня.

– Интересно.

– Интересно, – согласился Степан Федорович. – Только ты, сынок, молчи об этом. Знаешь и молчи. То время ушло, новое наступило. По-новому, значит, и жить надо. Как говорят, по-современному. Ты лучше расскажи, что у тебя там в Минске. Матери тут нет, так что говори прямо, без утайки, если что-то не так.

– Да все нормально, – успокоил отца Алексей.

– Что все?

– Жизнь, работа, учеба.

– Хорошо. А что нового?

– Нового?.. Новое тоже есть. Вот в партию думаю вступить.

– В партию? – Дед Федор приподнялся. – А что, предлагают?

– Пока не предлагают, – честно ответил Алексей, – но все к этому идет.

– И ты согласишься? – засомневался дед Федор.

– Скорее всего, что соглашусь.

– Значит, как брат мой, Роман, в свое время, будешь партийным?

– Наверное, буду. В партии, как я вижу и понимаю, ничего дурного нет. Наоборот, дисциплина, порядок, забота о людях. Безработных у нас, как в других странах, нет. Кто хочет учиться, тот учиться.

– Не знаю, что тебе на это и сказать. – Дед Федор озадаченно покрутил головой. – Работы у нас, конечно, для всех хватает. Только вот платить за нее не хотят. У нас, например, в колхозе сто рублей и выше получают только начальство, да комбайнеры, когда страда. А остальные колхозники о таких деньгах только мечтают. Средние зарплаты – от тридцати до сорока рублей. Полеводы получают еще меньше. Спасает Сибирь, заработки... А что касается у нас равенства, то это только видимость. Его никогда не было и не будет. Равенство, как я в своей жизни убедился, только при большой и всеобщей бедности может быть. Вот хотя бы у нас в селе. – Дед возбужденно разгладил усы. – При Сталине, когда начали создавать на Полесье колхозы и все, что было в частной собственности, забрали, люди держались один другого, помогали друг другу. А почему?..

– Почему? – задался вопросом Алексей.

– Потому, – ответил дед Федор, – что когда у тебя ничего нет, то надеяться на себя – дурость. Выжить можно было только вместе, сообща. Деньги-то в колхозе не платили, паспорта не выдавали. Значит, ни в город, ни на стройку какую, где можно заработать копейку, не поедешь... При Хрущеве жить стало легче – начали платить кое-какие деньги, выдали паспорта. Но богатства практически ни у кого, кроме спекулянтов, не было. Да и не могло быть – не положено оно при социализме. Так и при сегодняшней власти – не дай Бог, если узнают, что ты, скажем, золото имеешь. – Дед Федор глянул на своего сына, потом уставился на внука, подсознательно ожидая реакцию на слово «золото», но Алексей был спокоен, а Степан Федорович на это для большинства людей магическое название драгоценного металла вообще никак не прореагировал. – Не дай Бог, – повторил дед. – И все же сегодня, при Брежнев, вожжи опущены. Не бьют в хвост и гриву за лишнюю копейку, заработать дают. И люди зарабатывают. Кто как, конечно... Помалу выходят из бедноты, даже наживаются. В колхозе теперь не очень-то работать хотят – воля. Хоть и небольшая, но, по сравнению со сталинским временем, воля. Я вижу. Да что я?.. Все видят. Недаром молодежь, как вот ты, Лешка, в города подалась. Там легче и сытнее. Значит, равенство, которое коммунисты строят, трещит.

– Это так и не так, – вставил Степан Федорович.

– Так и не так вместе не бывают, – повысил голос дед Федор. – Или так, или не так. Вы Матвея Резановича знаете... Он наш дальний родственник. Так у Матвея в молодости ничего не было. Когда женился, то жил больше десяти лет в доме у своего батьки, пока свое жилище не построил. Со всеми, бывало, здоровался. А теперь даже не на всех глядит. Гордый стал, шоколадное масло, говорят, в райцентре покупает. А с чего он так переменился?.. Деньги появились. Получает зарплату, как заведующий баней. При этом деньги за баню берет, а билеты выдает не всем, заживает часть выручки. Я знаю... К тому же у него в руках колхозный конь, что банное хозяйство должен обслуживать. Матвей этого коня людям дает вроде бесплатно, а они ему за это и дрова возят, и сено косят, и бульбу сажают, и выбирают ее. Да и, думаю, деньгами тоже за коня платят. Вот вам и равенство...

Выговорившись, дед Федор замолчал.

– Все? – недовольно спросил его Степан Федорович.

– Все. – Дед Федор кивнул. – Сказал, что думал, что знаю.

– Раз все, то вот мое мнение, – глухо проговорил Степан Федорович. – Если ты, Лешка, думаешь вступать в партию, то вступай. Сегодня, чтобы пробиться в люди, надо обязательно состоять в партии. Дед тебе хотел сказать обратное, а сказал именно это.

– Партия-шмартия, – буркнул дед Федор. – Дурень красное любит... Подумай все-таки, Лешка.

– А что тут думать, – упрямо продолжил начатую мысль Степан Федорович. – Раз такое дело, то надо вступать... Надо... У нас все начальство партийное. Мне, сынок, тоже когда-то предлагали вступить в партию. Но твой дед не разрешил. И не просто не разрешил, а пообещал убить...

Дед Федор сделал вид, что не слышит слова сына.

– Так из-за этого я полжизни простым шофером отработал, а потом еще и инвалидом стал. – Степан Федорович заиграл желваками, сжал пальцы правой руки в кулак, точно хотел нанести удар своей судьбе. – А вступил бы в партию, не шофером был бы, а каким-нибудь бригадиром, а то и повыше. Для себя пользы больше приносил бы, для семьи, для людей. Так что, Лешка, куда умные люди, туда и ты. Понял?

– Понял...

– Да что ж я, своему внуку зла желаю? – с обидой проговорил дед Федор. – У Лешки своя голова. Ему в столице виднее. Там все наше руководство. И партийное, и разное другое... Только я бы все равно не спешил со вступлением в партию. Мало ли что.

– А что ты имеешь в виду? – Степан Федорович вопросительно наставился на батьку. – Старое уже не вернется. И землю нашу семейную никто нам не отдаст. Сам знаешь: что с воза упало, то пропало.

– Что упало, то найти можно, – не согласился дед Федор, имея в виду золото, которое забрал у покойного Евсея.

Оно на мгновение всплыло перед стариком в душном воздухе, заблестело и начало переливаться, точно лезвие косы на солнце. Когда дед Федор прикрыл глаза, золото тут же исчезло.

– Кто ж это пропавшее найдет? – Задержав свой взгляд на батьке, Степан Федорович грустно усмехнулся. – Те, которые искали, уже давно в Сибири или в земле лежат.

– А мы, может, и найдем, – гнул свое дед Федор.

– Мы?

– А что?.. Волков бояться, в лес не ходить.

– Ты что дитя малое, честное слово. – Степан Федорович начал злиться. – Советскую власть не скovyрнешь, как бородавку на коже. Она надолго, а возможно, навсегда. Да и скорее всего, что навсегда. Разве ты за столько лет не понял?.. Я вот понял. Если что и случится, измениться, то ненамного. Чтобы намного – для этого должны люди измениться. А они за год-два, даже за десять лет не изменятся. Нет... Придется долго ждать...

Этот разговор, понял Алексей, может вылиться в нервную перепалку. Чтобы не допустить этого, он спросил:

– А что ты, дед, о своем брате Романи хотел сказать? Я помню, ты говорил, что он в партизанах был. Убили его.

– Это уже потом, – неохотно отозвался дед Федор. – А до партизан он на Украине работал в райкоме партии. А до райкома – в Америке был.

– В Америке?

– Да, в Америке. Тогда многие уезжали. И не только в Америку, а и в Канаду, Австралию. В основном на заработки. А кто и на постоянное место жительства. Они больше все-таки надеялись заработать денег, вернуться и купить побольше земли. Вот и брат Роман подался за океан. Все родные наши, помню, собирали ему деньги на дорогу. Собрали кое-как. Он уехал. Около десяти лет от него ни слуху, ни духу не было. А в тридцать девятом, когда Советы пришли, Роман объявился и рассказал свою историю. И смех, и грех.

Дед Федор замолчал, вспоминая былое.

– Рассказывай дальше, – попросил Алексей.

– Повезло ему в Америке. Попал к хорошему хозяину, заработал большие деньги. Потом с этим хозяином, на двоих, они построили фабрику по производству спичек и пороха. Дело шло хорошо. За несколько лет Роман денег накопил столько, что жить ему можно было без-

бедно до самой смерти, да еще с теми деньгами детям доживать. Вот и жил бы, так нет: шлея под хвост попала. Вступил он там, в Америке, в коммунистическую партию. А в тысяча девятьсот тридцать девятом году американцы эмигрантов-коммунистов начали выгонять из своей страны. Вернулся Роман без семьи – жена и дети не захотели возвращаться. Романа сразу под арест взяли, пока не разобрались, кто он и чего приехал. Слава Богу, разобрались, поверили, что не шпион и не враг. Прошло два или три месяца, не помню уже, и его отправили на Украину – поднимать сельское хозяйство. Он же грамотный был. А в то время грамотных было мало. Когда началась война, Романа направили в наш Долинский район создавать партизанский отряд. Партизанский отряд он не создал, а вот партизанскую группу сформировал. Правда, с трудом – наши люди никому служить не привыкли. Ни своим, ни чужим.

– Это точно, – подтвердил Степан Федорович. – Первого председателя колхоза рубежцы убили. Закололи вилами.

Алексей недоверчиво посмотрел на батьку, потом на деда.

– Было, – выдохнул дед Федор. – Так вот, Роман со своими бойцами недолго воевал. В сорок третьем его немцы подстрелили. Такая вот история...

– Вступил бы в партию у нас, тогда и Америка ему не нужна была бы, – убежденно сказал Степан Федорович. – В большое начальство в своей стране выбился бы.

– Это еще как сказать, – не согласился дед Федор. – Наш род гордый, самостоятельный, подчиняться не привык. А власть сегодня какая – начальник приказал, подчиненный выполняет. А правильно приказал, неправильно, на это никто не глядит. Абы тихо и гладко было, по-партийному.

– Это ты зря, – проронил Степан Федорович. – В партии тоже люди разные есть. А что касается Романа, то раз он в Америке выучил ихний язык и заработал столько денег, то у нас, при нашей тогдашней безграмотности, первым человеком был бы. И не только у нас в районе, а и в области. Точно. Так что, Лешка, ты на верной дороге.

– Не все так просто, – заметил Алексей.

– Понятно, что непросто, – поучительно произнес Степан Федорович. – Но ты старайся, иди. Жизнь, она зараза зубастая, что злая собака. Укусит – долго болеть будет. Как у меня после аварии. А с партией оно проще. Она своим помогает. И тебя не оставит. А тебе будет легче, то и нам, родителям, спокойнее. Да и сестрам поможешь, если понадобится. Главное, определиться в жизни, выйти именно на свою дорогу. А дорога уже приведет туда, куда идешь.

Дед Федор махнул рукой.

– Чего пустое болтать!.. Если ты, Лешка, так решил, то поступай, как знаешь. Только всегда помни – Бог есть. Коммунисты Его не признают, а ты признавай. Трудно будет, помолись, попроси прощения, помощи. Он всегда поможет. Всегда...

– Это правда, – подтвердил Степан Федорович.

– Будет видно, – неопределенно обронил Алексей. – Я просто знаю, что от людей отрываться нельзя. Если они предлагают вступить в партию, значит, надо вступать.

– Вот и правильно, – похвалил его Степан Федорович. – Живи сегодняшним днем, а завтра будет другое. Может, лучшее, может, худшее, но другое.

VI

Вечерело медленно и неохотно. По улице, выбивая копытами песок с пылью, брели коровы, которые возвращались из пастбища. За ними, переговариваясь, наблюдали Надежда Казимировна, Степан Федорович, Алексей, Юля и Люба – вся семья Жилевских. Они сидели на скамейке у забора своей хаты, объединенные чувством кровного родства и принадлежности к одной фамилии.

– А хорошо вместе, – высказала общую мысль самая юная в семье – Люба.

– Хорошо, – поддержала сестру Юля.

– Да... – Степан Федорович довольно замахал головой, точно на лоб ему сел настырный овод. – Это не нами подмечено.

– Жить бы нам всем в своем селе и никуда не уезжать, – мечтательно высказала свое давнее, материнское желание Надежда Казимировна.

Алексей промолчал. Мать глянула на него и продолжила свою мысль.

– И Галя, думаю, не против была бы вернуться в Рубеж. Она учительница, а у нас в селе детей хватает. Только учи.

– Опять женить меня хотите? – хмыкнул Алексей. – Рано мне еще жениться.

– А ты подумай, – ласково посоветовала Надежда Казимировна. – Оглядишься... У нас в Рубеже сегодня жить можно неплохо. Хочешь, в колхозе работай, хочешь, на заработки езжай. Твоя воля. В последние годы людям больше свободы дали. И правильно. А село – наша родина, пуповина. Не думаю, что ты отвык от земли, забыл сельскую работу. Как говорится, глаза хоть и не хотят глядеть, а руки помнят и делают. Да и сколько той работы?.. Мы будем помогать. А когда закончишь университет, можешь в школу на работу устроиться. Я об этом с твоим классным руководителем говорила, Василием Андреевичем. Вспоминаешь его?

– Как же, столько лет химию преподавал. – Мысленно перенесшись в свои школьные годы, Алексей увидел свой класс, крепко сбитого, доброго, но строгого к детям Василия Андреевича. – Мне иногда хочется вернуться в то время... Физически вернуться. Но это невозможно.

– Слава Богу, что невозможно, – довольно сказала Надежда Казимировна. – Надо жить сегодняшним днем. Сегодня ты уже взрослый, хорошее образование получаешь. А Василий Андреевич меня заверил, что с твоим образованием можно литературу преподавать. Хоть нашу белорусскую, хоть русскую. Можно и историю. Это уже, что в школе дадут тебе вести.

Надежда Казимировна говорила так, как будто все уже решилось – Алексей остается в родном селе. А он не хотел расстраивать мать, отца, сестер. Но и не мог давать им надежду на свое возвращение в Рубеж.

– Нет, – как можно мягче произнес Алексей. – В школе я работать не могу. Не мой профиль. А вот приезжать к вам почаще постараюсь.

Надежда Казимировна вздохнула. Скрестив руки на животе, задумалась. Молча уставился куда-то вдаль Степан Федорович.

– В городе все равно лучше, – высказала свое мнение Люба. – Я вот тоже выучусь и уеду отсюда.

Все с удивлением поглядели на нее. Она была серьезной и сосредоточенной. Куда только подевалась недавняя беззаботная веселость. Люба как будто вмиг выросла и теперь и вправду выбирает место жительства.

– В какой же город ты уедешь? – поинтересовался Степан Федорович.

– Пока в Минск, как Лешка, – без раздумья ответила Люба. – А там видно будет.

– С чего это?

– Артисткой хочу быть. Чтобы все меня знали, любили, дарили цветы и разные подарки.

– Тогда тебе не в Минск, а в Москву надо ехать. – Юля иронично заулыбалась. – Поступить во Всероссийский Государственный институт кинематографии.

– А ты откуда знаешь?.. – Надежда Казимировна нахмурилась. – В газете прочитала?..

– Телевизор гляжу, – простодушно ответила Юля. – Скоро двадцатый век закончится, а вы все от патриархата отойти не можете.

– От чего отойти? – не поняла Надежда Казимировна.

– Старый образ жизни так называется, – объяснила дочка. – Патриархат.

– Ну-ну. – Мать осуждающе покачала головой. – Смотрите, чтобы этот ваш новый образ жизни по миру вас не пустил. У нас в селе почти все свое. А что в том городе?.. Все в магазине купи.

– А я люблю ходить по магазинам, да и мир хочется поглядеть, – мечтательно проговорила Люба. – Как живут люди во Франции, Германии, Голландии. Или хотя бы по соседству – в Польше.

– Про Польшу пускай тебе дед с бабой расскажут, – заметил Степан Федорович. – До тридцать девятого года у нас тут Польша была. В школе, наверное, вам говорили. Дед польскую школу заканчивал, потом в польской кавалерии служил. В Городке. Он много чего знает. Да и в роду у нас поляки были.

– Правда? – Глаза у Юли округлились. – Не знала...

– Правда, – подтвердил Степан Федорович.

– Расспрошу обо всем деда, – заинтересованно пообещала Люба.

– Пошли вечерять, – подвел черту под семейным разговором Степан Федорович. – Завтра косовица. Мы с Лешей поднимаемся в пять утра. Деда забираем и едем в Карасина.

– И вправду пора вечерять. – Надежда Казимировна подхватила. – Лешка голодный, а мы тут в разговоры пустились...

Сестры хитро переглянулись.

– Пошли кормить Лешку.

– Идем...

Насиженная скамейка опустела. Под ней остался только кот. Привалившись худым бело-серым боком к забору, он мирно дремал.

VIII

Пока дед Федор косил, бабка Вера надумала испечь пирог с малиной и подать его на стол, когда придут мужчины с косовицы – муж, сын и внук – с липовым чаем и медом. Все для выпечки пирога в хате было – мука, сливочное масло, яйца, сахар, прошлогодние, высушенные цветы липы для заварки ароматного и полезного чая. Вот только за медом надо было спускаться в погреб, который находился в сених под полом.

В погреб бабка Вера в последние годы почти не лазила – боялась оступиться и упасть с крутой и ненадежной лестницы, которую дед, тогда еще мужчина в расцвете лет, смастерил после постройки дома. Было это после войны, в конце сороковых годов. За более чем тридцать лет дом осел, подрубы под ним начали гнить, хотя и были сделаны из дуба. Стенки в погребе покрылись плесенью, начали мокреть. К тому же завелись крысы.

Поохав и мысленно обзвав супруга «старым трутнем» за то, что не поставил новую лестницу или хотя бы не укрепил старую, бабка Вера надела телогрейку, резиновые сапоги и с подспудным страхом открыла крышку погреба. Из него дохнуло сыростью и кислятиной, точно в нем лежала свежесодранная воловья кожа.

– Тьфу! – плюнула бабка.

Перекрестившись, полезла вниз. Лестница под ней задрожала. Казалось, вот-вот разломается и тогда беды не избежать. Но ничего, обошлось – ступила бабка на твердую землю, вздохнула с облегчением, осмотрелась.

Слева и справа, на толстых деревянных полках, стояли стеклянные поллитровые, литровые, двух- и трехлитровые банки с вареньями и соленьями, громоздилась старая глиняная посуда, мутно поблескивал изъеденный ржавчиной старинный самовар, вразброс покоились восковые свечи, жались одна к одной десяток бутылок плодово-ягодного вина местного разлива и две бутылки самогона. Его деду принесли за изготовленные им колеса для воза. На полу мостился ящик с соленым салом, белела в бочке квашеная капуста, клонился к стене бачок с солеными огурцами.

Под нижними полками, прямо на сырой земле, лежал какой-то инструмент, хранились – неизвестно для чего – рваные, грязные тряпки, изношенные туфли и сапоги, валялся кусок ржавого обруча.

Бабка Вера пересмотрела все полки, обшарила углы, но меда не нашла.

– Где же он? – растерянно проговорила в сырую и как будто могильную пустоту.

В эту минуту под нижней полкой, которая была прибита к стойкам у самой дальней от лестницы стенке, что-то заскрипело.

«Крыса», – догадалась бабка.

Она подняла кусок обруча и ковырнула им в том месте, откуда послышался скрип. Обруч прошелся то ли по какой-то железной банке, то ли по ведру, то ли еще по чему-то металлическому. Это бабку Веру заинтересовало.

«Может, бидон с медом?..»

Нагнувшись, она долго ощупывала рукой лежащее старье, какие-то предметы, пока не наткнулась на острый металлический угол.

«Ящик вроде...»

С трудом вытянула. Это был действительно металлический, почерневший от времени ящик. Бабка Вера приподняла его край. В нем что-то звякнуло, перекаатилось.

«Что это?..»

В другой раз она бы оставила этот ящик без внимания – лежит себе и пускай лежит. А тут захотелось проверить, что в нем.

Подтянула его под свет, что падал в погреб через открытый лаз, открыла. В нем, показалось бабке, заиграла россыпь играющих, но блеклых огоньков, словно они лежали не в полуметре от ее глаз, а на дне глубокого колодца.

Бабка Вера смотрела долго, пока не поняла – в ящике золото: монеты, серьги, скрученные цепочки с кулонами, кольца и перстни... Настоящие! Это бабку перепугало. Насмерть. Сама не своя, она и не заметила, как захлопнула крышку ящика, задвинула его на место и быстро выбралась из погреба.

Опомнилась уже в хате, растерянно стоя возле печи, в которой были сложены дрова для растопки, и стояла в чугунке вода – для чая.

В голове бабки Веры неуклюже, как замерзающая пчела, крутилась только одна мысль: «Чье это, чье?..»

Бабка Вера боялась даже думать, что ящик с золотом спрятал дед Федор, и оно принадлежит ему.

Постояв какое-то время возле печи, она почувствовала, что ноги ее дрожат и сама она слабеет, вроде как теряет сознание. Чтобы не упасть, бабка присела на лаву у окна и стала глядеть на реку, тихая вода которой в летнюю пору года отвлекала от дурных дум и успокаивала.

IX

Только через день, к обеду, решила бабка Вера заговорить с дедом Федором о золоте. Подошла, но все никак не могла начать разговор. Дед Федор недовольно спросил:

– Ты чего?

– Разговор у меня, – плохо слушающимся языком выдавила бабка Вера.

– Ты так говоришь, будто надумала что-то страшное. – Дед Федор, чувствуя в коленях ноющую боль, сжал их. – Не мучай.

– Это ты меня мучаешь.

Бабка Вера сложила на груди дрожащие, покрытые мелкой старческой пигментацией руки.

– О чем ты?

– О том, что лежит в погребе.

– Увидела, значит, – догадался старик.

– Лучше бы не видела.

– Ну, раз увидела, расскажу, что за добро у нас хранится... – Дед Федор озадаченно почесал морщинистый затылок. – У Евсея я это все забрал. Полез в погреб – что-то потянуло меня туда – а там лежит открытая коробка...

– Так вот и меня, наверное, дернуло, потянуло. И я полезла... Ничего... Значит, ничего нельзя спрятать от людского глаза. Особенно греховное. Написано в Библии: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Забыл эту мудрость?.. А на золоте это кровь... Людская...

– Кровь на всем есть, – помолчав, проговорил дед Федор. – И на золоте, и на земле, и на мозолях. Что ж из того? Не жить?.. А золото, оно и есть золото. Досталось мне не зря, не за спасибо. Из-за него Роман, мой брат, голову положил. Ты знаешь, кто за его гибель ответит?.. Евсей?.. Его уже нет. Так пускай хоть золото, которое он у полицаев, дружков Евсея, забрал, останется мне. Имею на это право.

– Может, и имеешь право, только не на золото, – возразила бабка.

– А на что?

– На доброе имя.

– Хватила. – Дед скривился. – Имя у меня и так доброе: никого в жизни не обманывал, не предавал. А вот меня не раз пробовали на мякине провести. И проводили, холера их бери. Жеребца моего, Огера, забрали, а что дали взамен?.. Кусок деревяшки!..

Обида за жеребца у деда Федора сидела прочно – ничем не выбьешь. Пришли в 1939 году Советы, силой забрали у тогда еще молодого Федора Григорьевича Жилевского породистого коня по кличке Огер – по-польски, значит, жеребец. Не конь был, а огонь. Взамен за коня дали соху, которую и сохой назвать было нельзя – не пахала она, так как была сделана рабочими на одном из питерских заводов, которые, судя по их работе, имели слабое представление об изготовлении сельскохозяйственного инвентаря.

– Ну и характер у тебя, – возмутилась бабка Вера. – Сколько лет прошло, а ты все об одном и том же. Упертый. Как Роман. Помню, как он за свою землю чуть за вилы не взялся. За землю, которую он десять лет не обрабатывал, не помнил, наверное, даже ее запах. Весь род, значит, у вас такой.

– Это как понимать?

– А так, что ничего забыть не можете, простить не желаете.

– Это, как поглядеть, что забыть и кого простить. Землю у нас Советы забрали. Коней, волов в колхоз загнали. Ничего не оставили. Были царские червонцы, и те пришлось отдавать за хлеб, чтобы с голоду не умереть. Теперь вот Лешка вырос и в партию намылился, в Советы. Лешка, кровь моя, к обидчикам моим записываться идет. А я даже не знаю уже: правильно это или неправильно. Разрешил: вступай, мол, в партию, раз надумал. Так кого мне после всего этого прощать?

– Всех и все. Так Господь наш, Иисус Христос, завещал.

– При Христе Советов не было, в партию не вступали.

– Люди – грешные души, – смиренно заметила бабка Вера.

– Грешные. Наш род тоже, знаю, грешен. И я не без грехов.

– Так не бери лишние. Отдай золото участковому.

– Я про Фому, а ты мне про Ерему... Сдурела баба! – вспыхнул дед Федор. – Против меня, мужа своего законного, идешь?

– Я не сдурела. – Бабка Вера обиделась. – А ты вот сдурел на старости лет и сам против себя идешь: забыл, что у нас не старое время, что не при Польше живем. Узнают о золоте, посадить могут. Не поглядят, что весь седой уже.

– Не узнают, – огрызнулся дед Федор. – А что касается времени, то оно меняется. Может выйти так, что старое вернется. Тогда мы в дамках.

– В дамках, – передразнила бабка. – Какие дамки?.. Тебе помирить пора.

– Я помру, а золото останется.

– Кому?

– Да хотя бы Лешке. Ему в городе жить, а там без денег трудно. Никак в городе без денег нельзя – все купить надо.

– Лешке?.. – Бабка Вера прижала руки к груди. – Хочешь, чтобы его вместо тебя в тюрьму посадили?.. Нет, Федор. Такого я не допущу. Сама расскажу участковому.

– Цыц! – выкрикнул дед. – Я тебе расскажу!.. Чтоб никому ни слова. Я пока Лешке говорить о золоте не буду. И ты молчи. Молчи!..

На этом разговор закончился, но каждый остался при своем мнении.

Глава восьмая

I

На крыльце общежития ПО «Горизонт» толпились юноши и девушки. Высокий носатый парень требовательно стучал в закрытую дверь. Наконец она открылась. На крыльцо вышла пожилая, с заметно выступающим из-под длинной вязаной кофты животом, вахтерша. Она проворчала:

– Покоя от вас нет, куда лезете?.. Не пуцу!

– Да мы, бабка, свои, – заискивающе сказал парень.

– Да что ж мне не видно? – осерчала женщина. – Или ты думаешь, слепая? Я в общежитии всех знаю.

– А на заводе?

– Что на заводе?

– Мы на «Горизонте» работаем, пустите.

Вахтерша некоторое время молчала, потом махнула рукой:

– А-а-а, проходите...

Молодежь рванула в общежитие.

В актовом зале было уже многолюдно и празднично. На стене висел огромный плакат: «Миру – мир!» Под ним белел листок со стихотворением:

Спасибо вам, ветераны,
Солдаты минувшей войны,
За ваши тяжелые раны,
За ваши тревожные сны,
За ваши седины, за слезы,
Которых стыдитесь порой,
За то, что под майские грозы
Живыми вернулись домой.
За то, что Отчизну спасли вы —
Солдатскому долгу верны.
Спасибо, родные, спасибо
От тех, кто не знает войны.

Среди приглашенных на торжественный вечер были ветераны войны и труда – кладовщик Василий Иванович Прокопович и знаменитый бригадир Иван Григорьевич Беняш. Они молча сидели возле стенки и о чем-то говорили. Поглядывая на молодежь, улыбались.

Посередине зала, почти в самом центре, сидели Сергей Иванович Кутько и Алексей. Они приглушенно перекидывались словами.

– Редко ты к нам, Леша, заходить стал.

– Работы много.

– Захочешь зайти, найдешь время.

– Обязательно зайду, Сергей Иванович. На следующей неделе...

На сцену вышел секретарь комсомольской организации завода радио- и телевизионных футляров Владимир Некрашевич. Он осмотрел зал, пригладил свою густую русую шевелюру, подошел к радиоаппаратуре, что громоздилась в самом углу: магнитофон, усилитель, колонки. Зачем-то потрогал все, словно убеждался в работоспособности радиотехники, потом повернулся к залу и громко объявил:

– Вечер, посвященный 35-тилетию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне, объявляю открытым!..

Все дружно захлопали.

На сцене появилась воспитательница общежития Чуйко.

– Дорогие товарищи, – вытянув напомаженное лицо, торжественно начала она. – Завтра мы будем встречать наш самый большой праздник. Он, как поется в песне, со слезами на глазах. Но 9 мая – это и самый радостный праздник в году. Чтобы понять его значение, надо знать, что такое война. Мы пригласили ветеранов, вот они сидят, – воспитательница указала на Прокоповича, Беняша и Кутько, – которые расскажут нам о тех страшных днях. Попросим!..

Чуйко отрывисто захлопала. Ее энергично поддержала присутствующая молодежь.

– Будете выступать, – шепнул Алексей.

– Придется, – без энтузиазма проговорил Кутько.

– Первым просим выйти на сцену Василия Ивановича. – Зоя Владимировна заулыбалась. – Пожалуйста...

Прокопович с трудом поднялся по крутым ступенькам на высокую деревянную сцену. Он долго не начинал свой рассказ, как-то виновато поглядывая на зал, машинально поглаживал выступающий живот. Потом покраснел и начал:

– О войне вы знаете многое. Хорошо, что ее нет. Все вы живы и здоровы. А это главное. На войне о мирной жизни приходилось только мечтать. Расскажу такой случай... Зимой 1942 года, перед самым боем, мой однополчанин Николай Егоров решил написать домой письмо. Мол, если убьют, то родные прочтут его последнее желание. Это было даже не желание, а просто просьба. Егоров просил, чтобы жена и дети – их у него двое было – посадили в честь его гибели несколько черешен под окнами хаты. Еще до войны нравилась Николаю черешня, ждал, когда поспеет. В 1941 году не дождался – забрали на фронт. Не отведала черешен и его семья – буран сломал единственную черешню, что росла на огороде. Об этом написала Егорову его жена. Он очень расстроился и загадал желание: если вернется домой живым, то первым делом черешни посадит. Короче говоря, перед этим боем Николай почувствовал, что погибнет. Перед смертью, оказывается, такое чувство у человека появляется. – Прокопович замолчал, о чем-то думая, вытер заслезившийся правый глаз, вздохнул. – Да, появляется... Вот из-за этого чувства и стал Егоров домой письмо писать. И хорошо, что написал. Как только мы поднялись в атаку, его убило... Письмо осталось неотправленным. Я его забрал, пообещав однополчанам, что отправлю сам. Но все носил с собой: сначала боялся отправлять – Николая ведь убили, а мне потом не до этого было – наступали мы. Но когда прошло время, то вроде как поздно уже было отправлять. Короче говоря, это письмо я отвез семье Егорова через много лет. И что вы думаете?.. – Прокопович обвел торжественным взглядом сидящих в зале. – Возле дома Николая плодоносили несколько черешен. Я удивился. Его жена, увидев мое удивление, сказала, что посадила их весной 1942 года, после того как получила на мужа похоронку. Сильно Коля любил черешни, сказала она, они в его память... – Василий Иванович вытер слезу. – Вот...

– А теперь попросим выступить Ивана Григорьевича Беняша! – громко объявила Чуйко. – Давайте...

Под гром аплодисментов знаменитый бригадир вышел на сцену. Было видно, что чувствовал он себя неуютно – стоял, вжимая седую голову в узкие, обвисшие плечи. Сидящие в зале заметили это и перестали хлопать. Наступила тишина. В ней слышалось сиплое дыхание Беняша. Казалось, он простудился и не хочет говорить. Но Иван Григорьевич вдруг распрямился и звучно начал свой рассказ.

– Мне больше всего запомнился день 2 мая 1945 года. В этот день мы взяли рейхстаг. Радость у всех была огромная, непередаваемая словами – как же, конец войне... Сколько ждали и вот... Берлин тогда представлял из себя развалины. Везде валялся кирпич. На улицах,

дворах и даже на площадях. Словом, ни проехать, ни пройти. А я ж шофером был, на полторке подвозил боеприпасы. До здания рейхстага не доехал самую малость – метров триста. Бросил машину и бегом к центру. Все уже что-то кричат, машут руками. Словом, победа. Гляжу, и не верится: неужели правда?.. Тут-то меня и шарахнуло в плечо. Видно, шальная пуля. – Беньш почему-то повернулся назад, словно за его спиной был тот, кто стрелял 2 мая 1945 года. – А может, и прицельная это была пуля, – заключил ветеран. – Но не это главное. Главное, что мы победили, выжили... И я выжил...

Он замолчал. Ему захлопали. Не громко, чтобы опять не почувствовал себя Иван Григорьевич неуютно.

После его выступления воспитательница общежития предложила поделиться воспоминаниями Кутько. Сергей Иванович стал отказываться:

– Хватит уже выступлений. Молодым танцы нужны, а мы все о прошлом говорим, горе поминаем. Нехорошо...

– Скажите несколько слов, – попросил Алексей. – Молодым полезно послушать.

Сергей Иванович нервно вынул расческу, причесал свои жидкие, белые волосы.

– Ладно, выступлю...

Алексей захлопал в ладони. За ним захлопал весь зал.

Кутько на сцене, волнуясь, опять вынул расческу, но, поглядев на притихших молодых людей, положил ее обратно в карман и слегка дрожащим голосом проговорил:

– Не хочу говорить о войне. Хочу вспомнить то, что она оставила после себя. А оставила она после себя страшный след. Страшный... По официальным данным – больше двадцати миллионов погибших. Это по официальным данным, – подчеркнул Сергей Иванович. – А сколько по неофициальным?.. Никто не знает.

В это время сидевший в первом ряду секретарь комитета комсомола Некрашевич громко кашлянул, давая понять Кутько, чтобы он не говорил о погибших. Сергей Иванович понял, но продолжал говорить о потерях. Даже не говорить, а размышлять.

– Это ж сколько нужно было нашим женщинам родить, чтобы восстановить довоенное население. Думаю, что и по настоящий день потери эти чувствуются. Потери эти и есть настоящий дефицит, а не тот, о котором мы привыкли говорить – мебели не хватает, легковых машин, еще чего... Особенно этот людской дефицит чувствуется в сельской местности... Именно в сельской... Сам я родом из Минщины, недалеко отсюда моя пуповина. Так, когда заезжаю в свою родную деревню, и захожу в гости к родственникам и знакомым, то больно становится на душе: почти все мои ровесницы – вдовы. Хорошо, что их дети обзавелись семьями, живут с прицелом на завтрашний день. Хочется верить, что он будет без войны, что будет счастливым, как и должно быть у нас, в нашей советской стране. За это и воевали, жизнью своих не жалели. Выступавший передо мной Иван Григорьевич правильно сказал: главное, что мы победили, выжили. Это действительно главное. Теперь вам, молодым, жить, строить свое будущее. Все, практически все зависит от вас, помните... А у нас, ветеранов, одна просьба: не забывайте того, что было, помните прошлое, потому что в нем наши корни... Спасибо...

Зал всколыхнулся от аплодисментов. Дольше всех хлопал секретарь комитета комсомола.

Алексей пожал руку Кутько:

– Вы сказали то, что нужно...

После официальной части собрания начались танцы: молодые торопились жить, а жизнь не могла стоять на месте.

II

Алексей с танцев ушел, едва они начались – стало скучно. И скука эта появилась оттого, что рядом не было Гали...

Заложив руки под голову, Алексей прилег на свою кровать и уставился в потолок. Он, казалось, опустил. Все ниже и ниже. «Задавит», – вдруг с опаской подумал Алексей

и инстинктивно вздрогнул. Встряхнув головой, он пришел в себя, вздохнул. Ему вспомнился дед Казимир – по материнской линии. Он умер, когда Алексей учился в десятом классе. Умер вскоре после того как отошла в мир иной бабка Маня – жена деда, после чего он не смог жить один. Бабка закрыла на ночь заслонку в грубке и задохнулась от дыма, который шел от еще догорающих угольев, просачиваясь через дверку грубки в дом. Вот и вышло, что одна нелепая смерть родила другую, такую же нелепую и бессмысленную. Впрочем, смерть вряд ли кто-нибудь назовет своевременной и необходимой. Пока человек жив, он хочет, чтобы жили его родственники, друзья и знакомые. Так спокойнее, легче, а еще – привычнее.

Алексею редко вспоминался дед Казимир. Быть может потому, что жил он в соседней деревне, почти всегда был строг и молчалив. А возможно оттого, что с дедом Казимиром у Алексея было совсем мало общего. Разве что предрасположенность к полноте да что-то общее в зеленых глазах – открытость и вместе с ней некая печаль, которая передавалась из поколения в поколение.

Однажды дед разговорился. И случилось это как раз перед 9 мая. Выдали тогда деду, как ветерану войны, орденосцу, пакет продуктов, а с ним бутылку водки. Дед Казимир, расчувствовавшись, выпил лишнее и стал рассказывать о войне. Рассказ этот был грустный, но в то же время светлый, добрый. Его Алексей запомнил на всю жизнь.

– Было это в 1944 году, – закусив домашней колбасой, разоткровенничался дед. – Мне тогда уже было за тридцать. В самой силе. И вся эта сила на войну шла. А тут еще еды постоянно не хватало. В иные дни казалось, что собаку съел бы, если бы кто сварил или зажарил. Но об этом приходилось только мечтать. Мы ведь в сорок четвертом уже наступали. Продовольственные припасы постоянно запаздывали. Бывало, что их не привозили целыми днями. Тогда питались сухпайками – походной пищей. Вот как-то нам опять не привезли горячее. А у нас в артиллерийском дивизионе давали по одной банке тушенки на двоих. У меня и у моего командира сержанта Бурденко тоже была одна общая банка. Решили мы в перерыве боя перекусить. Где-то еще стреляют, пули свистят, а мы присели в траншее, развязали вещмешки. Я сухари достал, а Бурденко банку тушенки. Только он открыл ее, как его срочно к командиру дивизиона вызвали. Дивизион – одно название. Больше половины было убито... – Дед помолчал, вспоминая, потом продолжил свой рассказ: – Значит, вызвали Бурденко в то время, когда мы сели есть. Он говорит: ты ешь, а я скоро приду. И ушел. Я ем тушенку и не знаю, сколько оставить, хотя ясно – половину. Но как тут ясно, когда голод мучает, а он, сволочь, не хочет видеть ни половины, ни четверти. Ему все подавай. Вот и съел я всю тушенку. До сих пор не могу понять, как это вышло... Съел и испугался. Думаю, придет Бурденко, бить будет – он старше меня был, выше, здоровее... Убить может – он же голодный... И так мне сделалось жалко себя, а потом и Бурденко, что я, взрослый мужик, прослезился. За что же мне такая жизнь-паскуда, думаю. За какие такие грехи? В это время возвращается от командира Бурденко, глядит на пустую банку, на мои глаза и сам слезу смахивает. Детский сад, словом, а не военный дивизион. Нашла, значит, на нас двоих грусть-тоска, охватила жалость – не высказать. Только чувства и вышли наружу. Вот... – Дед тяжело, протяжно вздохнул. – Бывало, Леша, все в те годы: и матерились по-черному, и пили, и слезу пускали... Редко, но пускали. Мы же люди...

Слушая это, Алексей верил и не верил. Да и откуда ему, тогда еще мальчишке, было знать, где правда, а где выдумка.

– Поесть я любил, – закончил тогда свой рассказ дед Казимир. И вдруг добавил: – И женщин в свое время любил... Эх, Лешка!..

Что этим «эх» дед еще хотел сказать, Алексей так и не узнал – вошла бабка Маня. Она взяла деда под руку и повела спать. Терпеливо уложила на кровать, сняла с него ботинки и накрыла одеялом. Какое-то время смотрела на сразу задремавшего супруга, потом с горечью обронила:

– Выдохся...

Это слово прозвучало и как осуждение, и как жалость, и как запоздалое прощание с активной, молодой жизнью. Все это вместе и случилось: бабки Мани и деда Казимира не стало. А вот рассказ его помнится...

Алексей вздохнул, также тяжело и протяжно, как когда-то дед Казимир, поднялся с кровати и стал раздеваться – пора было спать.

III

День 9 мая в Минске выдался пасмурным и холодным. Невзирая на погоду тысячи людей пришли на площадь Победы, возложили цветы у памятника-обелиска воинам Советской Армии и партизанам.

На пиджаках и старых военных кителях ветеранов звенели ордена и медали, а сами награжденные, вытирая предательские слезы, поздравляли друг друга с праздником Победы и говорили: о себе, своих друзьях-однополчанах, наступившем мирном времени, о тех, кого уже нет...

– Петрович, – улыбался невысокий одноногий старик, – а помнишь, как переправлялись через Вислу?

– Как же, – отвечал сухощавый, жилистый дед в легкой летней куртке и фуражке, из-под которой вырывались еще густые, непокорные расческе волосы, – на нашем берегу сел я в лодку, а к чужому приплыл на доске от той лодки. Били нас прицельно, сильно, прямой наводкой...

– Так ведь жив остался.

– Жив, как видишь...

– Теперь нас четверо, – положив цветы к подножию памятника, тихо проговорил подтянутый мужчина лет шестидесяти пяти в темном костюме. – В прошлом году было пятеро.

Трое его товарищей, примерно одного с ним возраста, грустно закивали сидящими головами.

– Время идет.

– Ничего не поделаешь, стареем мы.

– Уходим...

Старушка в плаще одернула маленькую девочку, когда та хотела поднять яркую гвоздику, что лежала у подножия монумента.

– Не бери, – строго сказала старушка девочке, видимо внучке. – Это для солдат.

– Для каких солдат? – слезливо спросила девочка.

– Для тех, которые на небе, – объяснила старушка.

– Так высоко?

– Так...

Девочка задумалась, потом горько и безутешно заплакала. Старушка ее не утешала – сама прослезилась.

А люди все шли и шли к памятнику. Здесь были Беньш, Прокопович, Кутько и даже Залесский, на груди которого сиял начищенный орден Боевого Красного Знамени...

На площади Победы собралось несколько тысяч минчан и гостей столицы. В этой живой массе чувствовались торжественность и сила, которую никому не дано было поколебать.

В теплом воздухе звенели слова, которые разносились из громкоговорителей по близлежащим кварталам: «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне глубоко закономерна. Она убедительно показала великие преимущества социализма перед капитализмом, невиданную жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства...» После этих слов из открытого окна многоэтажного дома полилась песня «День Победы», которую вдохновенно исполнял Лев Лещенко:

День Победы, как он был от нас далек,

Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали, как могли.

Этот День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы!
День Победы!
День Победы!..

Так оно и было. И так есть.

IV

Прогудин на парад не пошел – запил. А так как пить один он не привык, то в компанию себе взял Леньку Копыща, соседа и своего подчиненного. Его и за выпивкой можно послать, и за закуской, и за сигаретами. Сидели вдвоем, тянули после выпитой бутылки водки «Жигулевское» пиво, жевали соленую сельдь.

– Хорошо, – обронил Ленька, облизывая жирные губы, а заодно и свои рыжие усы.

На него хмуро глянул исподлобья Сергей Борисович.

– Чего ж хорошего?

– А то, что сидим дома, а не ходим как дураки по проспекту с плакатами «Слава героям!».

– Так положено.

– Кем положено?

– Кем? – Прогудин задумался, потер морщинистый лоб. Не найдя разумного ответа, ответил просто: – Нашей жизнью.

– А что, наша жизнь, вы считаете, хорошая?

Ленька, несмотря на то, что был выпивший, развивал свою мысль в одном, известном ему, направлении. И сворачивать с этого направления, похоже, не собирался.

– Хорошая, плохая... – Сергей Борисович начал злиться. – Какая вообще разница? Жизнь, она и есть жизнь.

– Вот... – Копыш крутнул крупной головой. – Все так говорят. Все... А чтобы разобраться, так нет, не хотят.

– В чем же разобраться?

– А в том, что наша жизнь не такая хорошая, как показывают в кино или по телевизору. Вот на Западе – другое дело.

– А ты был там, на Западе?

У Прогудина появилось желание немедленно выгнать неблагодарного парня из своей квартиры, но он сдержал себя: хотелось узнать мнение молодого соседа о жизни. К тому же ему, человеку, повидавшему на своем веку многое, тоже не нравилась современная действительность: слишком много везде показного, надуманного, ненастоящего.

– На Западе я не был, вы же сами знаете, – ответил Копыш. – Но то, что там лучше – факт. Мне об этом мой одноклассник рассказывал. Он вместе с родителями в Германии жил. Отец у него военный, служил там. Так даже в ГДР немцы живут безбедно, а в ФРГ вообще куча богачеев. Имеют и дома свои, и машины, и деньги на отдых. Да и в кино, посмотрите, как показывают западную жизнь. И не только в иностранном, но и в нашем. Все люди в западных фильмах обязательно в новых костюмах, модных платьях. А у нас, если взять за пример то же кино?..

Телогрейки какие-то, костюмы поношенные, мужики и бабы в сапогах. При этом все перемазанные, точно только что из кочегарки вышли... А галстуки?.. Галстуки похожи на веревки. Смотреть неприятно. Артисты в нашем кино – одни герои, которых хлебом не корми, а дай план перевыполнить. Да не кое-как, а на 100 процентов... Или вот – обязательно подвиг совершить. Даже если убьют. Это как?.. – Ленька возмущенно вздохнул. – Обман все...

Приступ злости у Сергея Борисовича прошел. Но осталась какая-то горечь, которая жгла изнутри и нашептывала, что многое из сказанного Копышем – правда. Прогудин и сам понимал, что Ленька, хотя и молодой еще, а темную сторону жизни разглядел. Больше, конечно, темную, чем светлую...

– Ты один так думаешь или еще такие умники есть? – поинтересовался Сергей Борисович.

– Еще есть, – кивнул Копыш. – Как не быть?..

– И много?

– Умных много не бывает.

– Таких, как ты, да...

Долив себе в граненый стакан пива, Прогудин отпил. Ему захотелось рассказать Леньке о своей жизни, своих мыслях, в чем-то схожих и даже одинаковых, но сказал он совсем другое. Сказал то, чего он, старший мастер цеха, не мог не сказать.

– Ты прав и в то же время не прав, – рассудительно, насколько позволяло его состояние, заговорил Сергей Борисович. – Прав в том, что не все у нас так, как говорят об этом и показывают. Но что из того?.. Мы-то все видим. Оно, это все, у нас перед глазами. Сегодняшнее, конечно... А за то, что было вчера, мы не отвечаем. За сегодняшнее отвечаем, да... Так вот. Жизнь наша действительно не такая, как в кино, а трудная. Хотя вроде все есть. И одежда, и обувь, и техника, и питание. Но вот хорошей одежды, обуви, надежной техники и даже продуктов, южных, скажем, не хватает. А есть вообще дефицитные товары. Мебель, к примеру. Что у нас, леса мало?.. Его завались. По всему Союзу. И у нас в республике, и на Украине, и особенно в России. Возьми Сибирь... Это же тысячи квадратных километров первосортного леса, миллионы кубов... Валяй, делай любую мебель, в любом количестве. Не делают. А почему?.. Мебельных производств мало. А настоящих мастеров мебельного дела не так просто найти. Но не только в этом дело. – Прогудин провел главным и указательным пальцами по красным глазам, зажмурился на минуту. После этого продолжил: – Не только... Отучили нас качественно работать, потому что платят практически всем одинаково. Хороший работник, плохой – получай зарплату. Среднюю. А что такое средняя зарплата. Это, если говорить о промышленности, примерно 150—180 рублей в месяц. Одному – чуть больше, другому – чуть меньше. Но только – чуть, чтобы все довольны были. А так нельзя. Мастерovitый работник должен получать в два, а то и в три раза больше обыкновенного ремесленника... Вот когда так будет, то мы эту Америку догоним, о чем еще Никита Хрущев мечтал, в хвост ей дадим, в гриву добавим, а потом и перегоним... И тоже в модных костюмах, платьях ходить будем, потому что новые технологии создадим, производительность повысим. Так-то...

Прогудин замолчал. Ничего не говорил и Ленька.

У

После Дня Победы в редакции было тихо. Сквозь большое окно в кабинет падал яркий свет. Почему-то хотелось спать.

Беляков растер лицо ладонями и уставился на конверт. На нем было написано только четыре слова: «Минск. Газета «Советская Белоруссия». Беляков распечатал конверт, достал два тетрадных листка. Почерк на них был мелкий, невыразительный. Под ним стояла подпись: Мария Федоровна Лемешевич, 1924 года рождения, деревня Бережновка.

Беляков сразу понял, что текст письма будет откровенным и непростым...

Здравствуйте, дорогие товарищи!

То, что я хочу рассказать, случилось во время войны. В 1943 году, когда я со своим малолетним сыном жила в Долинском районе возле деревни Рубеж, к нам на хутор пришли полицаи. Три человека. Все пьяные. Муж мой воевал, в 1944 погиб при освобождении от немцев Польши. Так вот, пришли полицаи, а у меня дитя, 11 месяцев от роду. Полицаи выгнали меня из хаты на двор и начали бить. Обзывали разными нехорошими словами, пытали, где мой муж. Я говорила, что не знаю. Полицаи сказали, что меня убьют. Они били веревками, прикладами, ногами. А у меня на руках было дитя, сын. Он кричал. Полицаи ругались. Потом забрали у меня дитя, и один из полицаев бросил дитя в реку. Я потеряла сознание. Проснулась вся в крови. Не знаю, как, но выжила. После войны попался мне добрый человек, вышла за него замуж, детей родила. Его уже нет, а я живу. На днях была у сына в Минске. Все хорошо. Но вот войну, убийц своего первого сына не могу забыть. В глазах эти убийцы у меня стояли и днем и ночью. Точно чувствовала – увижу наяву. Так и вышло. Одного, который бросил дитя в реку, я увидела в районном центре. Это был Евсей, который, оказывается, сидел в тюрьме за свои преступления, а когда вышел, то поселился в Рубеже. Это неподалеку от Бережновки. Евсея уже нет – умер. Хотела я ему отомстить, а не смогла – боялась. И вот на Сторожевском рынке в Минске я узнала второго полицаю, который истязал меня и по вине которого нет моего дитяти. Постарел он, а я все равно узнала. Только и слова сказать не могла. Затряслась вся, чуть не упала. Когда пришла в себя, его уже не было. Прошу вас, помогите найти этого убийцу. Не должен он ходить по земле, не должен жить среди людей. С поклоном к вам Мария Федоровна Лемешевич, 1924 года рождения, Брестская область, Долинский район, деревня Бережновка..

До свидания. Не откажите в моей просьбе. Приезжайте ко мне, я все расскажу и опишу убийцу.

Беляков положил письмо на стол, нервно застучал пальцами по столешнице.

«Надо поставить в газету немедленно...»

В кабинет вошел заместитель ответственного секретаря Михаил Александрович Бразовский, спросил:

– Письма обработанные есть для печати?

– Пока нет, – ответил Беляков. – Но могу одно сейчас сделать.

– О чем? – поинтересовался Бразовский и осторожно погладил синие мешки под глазами.

– О войне.

– Конкретнее.

– Старушка жалуется, что ее ребенка в годы войны утопили... Страшно.

– Страшно, говоришь?

– Да, – дрогнувшим голосом сказал Беляков. – Я такого письма еще не читал.

– Тогда этого не надо. – Ответственный секретарь затянул потуже узел галстука, смахнул со своего нового черного пиджака белую нитку. – Люди еще живут праздником Победы. Надо что-нибудь героическое... Такого нет?

– Нет. – Беляков развел руками. – Но я еще раз пересмотрю почту...

– Ясно, – буркнул Бразовский и хлопнул за собой дверь.

Беляков аккуратно сложил тетрадные листки и сунул их в конверт.

«Пускай пока полежит... Поставим...»

Он задумчиво уставился в окно, жадно вбирившее в себя солнечный свет.

VI

Профессия историка не только позволяла, но и заставляла Романовича сомневаться в подлинности описываемых событий 1941—1945 годов в книгах, журналах и газетах. В них же

он искал нечто такое, что не вписывалось бы в официальную версию о войне. Такое наверняка было. Иван Федорович чувствовал это, но найти его в тех же книгах, журналах и газетах не мог. Спроси его: для чего он, коммунист, кандидат исторических наук, ищет то, чего нет в официальных воспоминаниях, отчетах и цифрах, Иван Федорович не ответил бы. Это было просто его внутреннее и не до конца осознанное желание – докопаться до истины, за которую советские люди заплатили, согласно статистике, двадцатью миллионами своих жизней. Докопаться не получилось. Очередная лекция для студентов, а вернее ее тезисы, которые подготовил Романович, вышли дежурными и нудными. Вздохнув, он аккуратно их записал, а потом терпеливо перечитал:

«22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на СССР. К этому времени Вторая мировая войны, которая началась 1 сентября 1939 года агрессией гитлеровцев против Польши, полыхала на территории многих стран. Под фашистским рабством оказалась почти вся Европа...»

Анализируя написанное, Иван Федорович неожиданно подумал: «А ведь начало войны могло быть другим, а значит, и жертвы в войне были бы не такими большими...»

Этот вывод не был новым. Он родился благодаря многим рассказам очевидцев страшной войны. И первым из них был маршал Георгий Константинович Жуков со своими «Воспоминаниями и размышлениями», которые Романович прочел не только с интересом, но и с присущим ему аналитическим осмыслением, умением читать между строк. А еще – благодаря радиостанции «Свобода», которая ежедневно вещала из территории ФРГ, образно и без прикрас рассказывая своим слушателям о жизни советских людей. В этой жизни, оказывается, было много темного и непонятного: массовый голодомор на Украине, в России, Белоруссии, уничтожение высшего военного руководства Советского Союза накануне Великой Отечественной войны, арест и ссылка известных и выдающихся отечественных деятелей науки и культуры, повсеместное закрытие и уничтожение религиозных храмов на территории СССР, появление в стране, которая провозгласила себя самой свободной, диссидентов... И это уже после Победы, за которую, не жалея жизней, боролись практически все...

Иван Федорович тайно слушал на своей кухне «Свободу» и каждый раз повторял одно и то же:

– Как же так?..

Впрочем, этот вопрос Романович повторял и по другому поводу – когда слышал злые и откровенно-враждебные призывы немедленно пойти войной на СССР.

«О Господи, помоги мне убить Россию», – почти кричал в эфир один из бывших бандеровцев. Под Россией этот изувер подразумевал весь Советский Союз.

– Как же так? – уже возмущался Иван Федорович.

Эти вопросы пока оставались без ответов. Но то, что ответы будут, он не сомневался.

«Все тайное когда-нибудь становится явным... Старая истина...»

VIII

В конце мая Алексею позвонил незнакомый мужчина и строгим, но доброжелательным голосом спросил:

– Алексей Жилевский?

– Да, – ответил он.

Алексей не знал, кто звонит. Мужчина представился:

– Секретарь партийной организации завода радио- и телевизионных футляров Георгий Михайлович Крюков. Тот самый, что ездил с вами в Звездный Городок. Хочу вас пригласить к себе на беседу. Не возражаете?

– Нет, конечно, – несколько растерянно ответил Алексей.

– Вот и хорошо. – Крюков довольно засопел в трубку. – Приходите или сегодня, или завтра утром.

– Буду после обеда, – выдохнул Алексей, не любивший откладывать дело в долгий ящик.
«Чего это я понадобился в парткоме? – терялся в догадках он. – На работе все нормально, в общежитии порядок... Непонятно...»

Ровно в два часа дня Алексей был у Крюкова.

– Здравствуйте, молодой человек...

Георгий Михайлович встал из-за стола и протянул руку. Алексей пожал.

– Чувствуется молодая сила. – Секретарь парткома улыбнулся. – Ну, присаживайтесь.

Алексею было неудобно, что к нему секретарь партийной организации крупнейшего предприятия столицы, к тому же мужчина уже в годах, обращается на «вы». Но сказать об этом было как-то не совсем этично.

– Вы у нас на заводе радио- и телевизионных футляров числитесь в типографии корректором?

– Да.

– А на самом деле выполняете обязанности корреспондента нашей многотиражной газеты «Горизонт»?

– Так получается.

– Что ж, похвально. Как говорится, называй меня хоть кем, только в печь не сажай. Это я к тому, что такая практика привлечения творческих людей к работе по призванию существует на многих предприятиях. В данном случае редакции газеты на заводе радио- и телевизионных футляров нужен был свой собственный корреспондент. Но возникла проблема – в штате многотиражной газеты нашего производственного объединения «Горизонт» такая единица не предусмотрена. Пока, конечно, не будут оформлены соответствующие бумаги. Вот и решили мы с Думенюком, вашим редактором, ввести такую единицу. Для этого он пригласил на работу вас, студента-вечерника факультета журналистики. А мы уже своими силами и полномочиями ввели в типографии, которая находится на нашем предприятии, дополнительную должность корректора. В итоге всем хорошо: и редакции, и нам, и вам. – Крюков довольно потер руки. – Сами вы из села родом?

– Да.

– Вообще, хорошо.

– Неплохо, – согласился Алексей и решил прямо и немедленно выяснить у Георгия Михайловича цель своего неожиданного приглашения в партком.

Секретарь как будто угадал мысли Алексея, спросил:

– Вы, наверное, мучитесь вопросом: чего я вас пригласил к себе?

– Есть такое, – не стал утаивать свои мысли Алексей.

– Что ж, скажу. Скажу. – Крюков встал из-за стола, прошелся по кабинету, опять сел. – Пригласил я вас потому, что хочу предложить вам вступить в партию. Что вы на это скажете?

Алексей молчал, обдумывая неожиданное предложение, но внутренне уже радовался ему.

«Значит, так надо...»

Это выражение Алексей нередко произносил мысленно и говорил вслух.

– С ответом не торопитесь. – Секретарь парткома что-то записал себе на календаре. – Пройдет Олимпиада, тогда встретимся, и вы скажете свое мнение. Если надумаете, а я уверен, что ваш ответ будет положительным – не каждому в таком возрасте предлагают вступить в партию. Этот поступок будет для вас не только важным шагом в жизни, но и особо почетным. Дело в том, что весной этого года прошел очередной XXVI съезд КПСС. Необходимо выполнять его решения по укреплению партии. Как количественно, так и качественно. Хорошо будет, если вы, скажем, уже осенью станете кандидатом в члены нашей компартии, а еще через год – полноправным коммунистом. Это даже символично. Да и не буду скрывать, что после того, как вы вступите в партию, профессиональный рост вам обеспечен.

– Вы меня как будто уговариваете, – польщенный этим важным предложением, заметил Алексей. – Но я, если вступлю в партию, то не сугубо ради профессионального роста. Вокруг меня люди, которым надо помогать.

– Совершенно верно! – Крюков театрально поднял руки. – Я говорю лишь о том, что может быть дальше в вашей молодой жизни. Заметьте: может.

– В любом случае я серьезно подумаю, – пообещал Алексей, хотя практически уже дал согласие.

– Мы, коммунисты, люди серьезные, – поучительно проговорил секретарь парткома. – Кстати сказать, вы в общежитии живете в отдельной комнате или с кем-то?

– А что? – насторожился Алексей.

– Ничего, спрашиваю, – по-свойски ответил Георгий Михайлович. – Моя главная обязанность – забота о людях. Так одни или с кем-то?

– Живу в комнате на двоих. Но теперь один: мой напарник и друг уволился с завода и уехал домой.

– А в чем причина? – заинтересовался Крюков.

Алексей пожал плечами.

– Это личное.

– Любовь?

– Вроде.

– М-да... – Секретарь опять поднялся из-за стола, прошелся взад-вперед. – Без любви, конечно, нельзя. Особенно в молодом возрасте. Но всему своя мера. Надо уметь держать себя в руках. Любовь не только возвышенное чувство, но еще и коварное. Из-за нее можно поломать себе жизнь. Вы, Алексей, запомните это. Я знаю... – Георгий Михайлович остановился напротив Алексея и, глядя ему в глаза, обращаясь уже на «ты», доверительно добавил: – Старайся при любых обстоятельствах быть сильным. Твой друг проявил слабость и, уверен, пожалеет об этом. Его необдуманный поступок – тебе урок. Ну, да что сделано, то сделано. Я постараюсь для тебя выбить в общежитии отдельную комнату. Для творчества необходима тишина. Да и мне с твоим редактором спокойнее, если ты будешь жить один. Ну, до свидания.

– До свидания, – набирая в легкие побольше воздуха, произнес Алексей.

Глава девятая

I

Дед Федор встретил лето так, будто скинул со своего возраста несколько лет: встал ни свет, ни заря и пошел к реке босиком. Остановился на заросшем травой берегу, переступил с ноги на ногу, ощущая подошвами прохладную сырость, и стал вглядываться в водную синь, на которой колыхался плотный туман.

«Хорошо...»

Деду Федору вспомнилось детство, родное село той, уже далекой поры: на этой стороне реки высокий лес и кладбище, а на той стороне около сотни хат. Деревянные, крытые соломой и дранкой, срубы стоят на дубовых колодках.

Вообще, дубы в то время вместе с соснами были в Рубеже основным строительным материалом. Из дубов делали подрубы, лаги, балки, мебель, столбы для заборов, полы и перегородки в хлевах, столярные верстаки, бочки, весла, уключины для лодок и много еще чего нужного, полезного. Дубов было навалом. Мощные деревья росли сразу за селом, образуя огромную рощу. Тысячи дубов высились в окрестных лесах. Один толстенный дуб стоял в огороде деда Федора. Но в войну немцы дерево спилили. Как спилили сотни дубов за селом и тысячи повалили в лесах. После освобождения села в 1944 году от врага, за дубы, наняв приезжих работников, взялась местная власть – пилила и рубила без разбора. Молодые и старые, тонкие и толстые, прямые и кривые – все. В конце шестидесятых-начале семидесятых годов в Рубеже и окрестностях дубов почти не стало. В память о них, а также о росшем на огороде многовековом дубе дед Федор посадил молодой дубок. Пробивая тень от вишен и яблонь, он из года в год настырно тянулся к небу, точно спешил возродить и умножить свой род, чтобы остаться на этой земле, навечно врасти в нее корнями, стать могучим и прочным как камень.

Невольно оглянувшись на дубок, дед Федор увидел фигуру Стасика. Опираясь на палку, он направлялся к реке.

«Тебя еще не хватало...»

Недовольный тем, что сосед может нарушить его одиночество, сбить мысли о прошлом дед Федор сморщился, словно на щеку его сел овод и вот-вот воткнет свое жало в кожу.

– Здорово, Федор, – поздоровался Стасик.

– Не спится тебе, – вместо приветствия буркнул дед Федор.

– Не спится, – со вздохом сказал сосед. – Ты что, купаться решил?

– Ага, – съязвил дед Федор. – Ты тоже?

Стасик промолчал, повел глазами по реке, озабоченно проговорил:

– А давно мы с тобой рыбу не ловили. Помнишь, как сома поймали?

Дед Федор махнул рукой.

– Давно это было.

– Давненько, – согласился Стасик. – Как раз перед бурей, которая у меня старую яблоню повалила.

– Помню. – Дед Федор задрал голову вверх. – Небо было вроде чистым и тут буря. Наверное, рыба чувствует ненастье. Сама в воде, глубоко, а знает, что наверху делается.

– А как же, – поддержал соседа Стасик. – Перед этой бурей сом всплыл на поверхность, застыл, только плавниками да усами шевелил. Если бы не сеть, то мы бы его не поймали. Нет, не поймали.

– Молчи про сеть. – Дед Федор оглянулся. – Браконьерство это.

– Я так не считаю, – сказал Стасик. – Сеть, невод – снасть, что надо. Не с удочкой же весь день на берегу сидеть. Да и кто с удочкой сидит?.. Городские. Им лишь бы не работать.

– Может и так. – Дед Федор пожал плечами. Помолчав, добавил: – Городские и еще партийные... Представляешь, мой Лешка в партию намылился.

– Намылился, не намылился, не твое дело, – обрубил Стасик. Подняв палку, он угрожающе помахал ею в воздухе. – Ты своему внуку, советую тебе, не мешай. Он знает, что делает – в университете учиться. А ты где учился?

Разговор начал приобретать резкость.

– Я в польской школе учился, – вспомнил дед Федор. – Целых четыре класса закончил.

– Вот.

– Что вот?

– А то и вот, что всего четыре класса, – подчеркнул Стасик. – Внук тебя по знаниям, а значит, и по уму перерос. Это как свежая вода.

– Ну, не знаю, – подобревшим голосом проронил дед Федор, довольный тем, что хвалят его внука. – Сегодняшняя наука не в пример той, что была в мои детские годы. Это всем ясно. Но ведь и мы не лыком шиты, много чего усвоили, знаем... Например, куда и для чего течет а нашей реке вода.

– Это конечно.

– Я и говорю.

– Эх, вода-вода... – Стасик опять уставился на реку. – Сколько лет прошло, а она все такая же.

– Не такая, – не согласился дед Федор. – Теперь река мелее.

– Так, говорят, потепление в природе, – обронил Стасик. – Как его?.. Глобальное, во...

– Не в потеплении дело, – знающе проговорил дед Федор. – Дамб наделали, канав нарыли, даже часть реки Горынь, что под Городком, в другое русло пустили. Вот и меньше воды в реке стало.

– Это точно. – Сосед деда Федора согласно замотал головой. – Я вот не понимаю, зачем реку по другому руслу пускать. Это ж, значит, по живому от родной пуповины ее отрывать, что неправильно. Да и сколько денег вбухали, чтобы новое русло прокопать. Лучше бы эти деньги людям отдали. Больным, многодетным матерям или ветеранам... Я вот воевал, имею право требовать.

– Попробуй, потребуй. – Дед Федор ухмыльнулся. – У нас, сам знаешь, власть сама по себе, а люди вроде, как и не замечают этого, сами живут обособленно – моя хата с краю. Приехало начальство, сделало вид, что заботу проявляет, мы и рады. А что той заботы кот наплакал – это неважно. Главное, пообещало.

– Есть такое, – вставил Стасик. – Но мы не о людях говорим, а о реке.

– Где река, там и люди, – строго заметил дед Федор. – Наши деды и прадеды селились обязательно возле реки, по ее берегам. Почему?.. Под боком вода, рыба, свой транспорт – лодки. А разольется весной паводок, ничего страшного. Хозяйство подтопит, но и землю удобрит. После паводка все растет как на дрожжах: в огородах, на полях, не сенокосах. Это в Рубеже, Городке, в соседних селах все знают. Только знают, да молчат. Вот через это молчание и строят у нас дамбы там, где они не нужны. Что наши предки, дураками были?.. Если бы они хотели вдали от воды жить, то селились бы, например, под Бережновкой. Там возвышенность на несколько километров вокруг. Но это же песок, на нем конский щавель, и тот расти не будет. Разве, что крапива. Да что говорить...

Дед Федор возмущенно засопел.

– И вправду. – Стасик сплюнул. – Об этом говорено-переговорено тысячу раз. Пойдем лучше по домам...

Глянув на другой берег, дед Федор и Стасик заметили незнакомую женщину, которая направлялась по кладкам через реку в центральную часть села.

– Это еще кто? – удивился дед Федор.

– Может, родственница чья, – предположил Стасик.

– Непохоже. – Дед Федор с сомнением покрутил головой. – В Рубеже я ее никогда раньше не видел.

– С минуты две они понаблюдали за незнакомкой, после чего неторопливо разошлись по домам.

II

Незнакомая женщина, оказалось, пришла из-под самого Киева. Шла несколько месяцев пешком. По дороге останавливалась на отдых в деревнях и селах, а бывало, что ночевала в лесах. Никто, конечно, из рубежцев этого не видел, но почти все доказывали, что именно так и было. Особенно укрепились люди в этом мнении после того, как в воскресенье возле церкви женщина стала пророчествовать.

– Люди, послушайте моего голоса! – взывала она. – Это не я говорю, это ангел небесный говорит мне, а я повторяю!..

Бабка Вера перекрестилась:

– Господи, вразуми ты эту несчастную...

Незнакомая женщина и впрямь выглядела несчастной, даже убогой. Уже немолодая, но еще и не старая, одетая в поношенное, залатанное в некоторых местах черное платье, с повязанным на голову тонким шерстяным черным платком, с тоской в больших слезящихся глазах, она умоляла:

– Не прогоняйте меня, верьте!.. Красива земля наша, дает нам пищу и материал для жилищ наших, радует глаз и вселяет покой! Но все преходяще!.. Человек сегодня радуется, а завтра будет печалиться. И печаль у всех нас впереди... Уже наступает время, когда будет зелено, но не будет весело!.. Когда на земле будет все, но не будет на ней никого!.. За грехи свои страдать будем!.. Ох, будем... Я вижу город, который весел, но который зальется слезами и опустеет, а на его месте вырастет полынь. Вырастет в пояс, в человеческий рост... И будет гореть огнем, но не сгорит, а до скончания века останется на земле нашей, пока не появятся новая земля и новое небо... Об этом мне наказано предупредить вас и всех, кто встречается мне на пути. Молитесь!.. Бодрствуйте!.. Просите Бога, чтобы помиловал!..

Молча слушали рубежцы незнакомку. Женщины крестились, мужчины старались не выдавать своих чувств, но при этом понимали – что-то случится. Не зря старики рассказывали, что перед войной тоже какая-то женщина приходила в Рубеж, предрекала беду...

– Верьте мне, – молила пришедшая женщина, – ибо не я из слепых хочу сделать зрячих, а ангел просит меня открыть вам ваши глаза и очистить ваши души!..

У Степаниды Шутовой, молодой кладовщицы, которая регулярно ходила по выходным в церковь, закружилось в голове, и она чуть не упала. Благо, во время схватилась за забор, прислонилась к нему.

Надежда Казимировна, заметив ослабевшую и побелевшую молодницу, быстро подошла к ней, спросила:

– Может, тебя в больницу отвести?

– Не надо. – Степанида виновато улыбнулась. – Беременная я, сейчас пройдет... Не беспокойтесь...

– Близится время, когда будет зелено, но не будет весело! – еще раз предупредила о грядущих событиях набожная незнакомка. – Когда на земле будет все, но не будет никого!..

– Назови нам это время, – попросила ее Ольга Апанович, вбив свои толстые растопыренные пальцы в густые и жесткие волосы. – Хотя бы приблизительно.

– Этого часа я не знаю, – устало выдохнула незнакомка. – Но он недалек...

В ее покрасневшем худом лице было столько боли, что несколько женщин не выдержали, заплакали.

– Спасайтесь! – закричала бабка Грудня, которая уже не один раз во всеуслышанье заявляла, что наступает конец света. – Спасайтесь, кто может спастись!..

Она встала на колени и стала истово креститься.

– Что же это? – испуганным голосом спросила почтальонка Соня Широчук, но тут же, глянув на угрюмо стоящих рядом односельчан, замолчала.

– Не всякий говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного, – предупредила пришедшая женщина.

Она сошла с кучи песка и направилась по улице к реке в сторону кладок. Дед Федор и бабка Вера пошли за ней к своему дому. За свекром и свекровью заспешила Надежда Казимировна.

Рубежцы, кто в страхе, кто в недоумении, а кто и со смешком – мол, все это пустая говорильня, – стали расходиться. Практически никто и ничего из слов незнакомки не понял, кроме того, что во всякие день и ночь всякое может произойти. Но это истина, которая известна всем.

III

Тамара Рукавчук в церковь не ходила. Сидела дома и бездумно глядела в окно. За ним травянился огород, а на нем высились пчелиные улья. К ним Тамара не подходила – боялась. Хотела дать объявление в газету, чтобы продать пчел, но Роман не разрешил. Сказал, что сам будет за пчелами ухаживать, а мед продавать – выгодное дело. Правда, пока руки его до пчелиных ульев не доходили. «Потом», – обещал он.

– Потом, – не замечая, повторила про себя Тамара.

В это время мимо ее хаты проходила Люся Коневич – доярка, напарница Рукавчук по ферме.

– Люся! – позвала ее Тамара. – Зайди на минуту, поговорим.

– На дойку опаздываю, – приостанавливаясь, деловито сказала Люся. – Не видишь?..

– Успеешь. – Тамара махнула рукой. – Коровы подождут.

– Ладно, зайду, – согласилась Люся. – Но только на минутку. Сама знаешь, дневная дойка – короткая.

– Ну, где сегодня была? – поинтересовалась Тамара. – Опять в церкви?

– В церкви. – Люся кивнула. – Не я одна...

– Гляди, начальство узнает, уволят, – предупредила Тамара. – Мой Роман говорит, что верующих в городе увольняют с работы. Такое может и до сельских работников дойти – не поглядят ни на что.

– Не имеют права, – возразила Люся. – У нас религия отделена от государства.

– Ну, не знаю. – Тамара пожала плечами. – Я говорю, что знаю.

– А знаешь, что скоро конец света? – бухнула Люся.

– Как это? – не поняла Тамара.

– А вот так, – без всякого сомнения проговорила Люся, и рассказала о пришедшей из Киева женщине, которая пророчествовала о том, что скоро «будет зелено, но не будет весело» и «на земле будет все, но не будет на ней никого».

Тамара, чувствуя внутренний страх, словно услышала и увидела нечто потустороннее, больше для себя, чем для своей напарницы проговорила:

– Если всему верить, то и жить не надо.

– Жить надо. – Люся вздохнула. – На то она и жизнь. Пойду я...

Роман, отдохавший в соседней комнате и слышавший разговор матери с Люсей Коневич, возмущенно выкрикнул:

– Мутит народ твоя подруга!.. Я вот сейчас ее догоню и объясню, что к чему, чтобы знала...

– Это наше дело, женское, – заметила Тамара. – Тебя не касается.

– Это всех касается, – зло отозвался Роман. – А меня особенно, если планирую работать в милиции.

– До всего тебе есть дело. – Тамара неодобрительно покрутила головой. – На все дела здоровья не хватит.

– У меня хватит, – уверенно сказал Роман. – Да и не дела это. – Помолчав, добавил: – Пока не дела...

Тамара промолчала, как в последнее время молчала всегда, когда сын был не в настроении.

IV

Весь день Степан Федорович хозяйничал во дворе: сложил в костер лежавшие на земле еще с зимы дрова, переложил возле хлева доски, накрыв их рубероидом, заменил в заборе несколько штакетин. Уставший, присел на лавку у дома отдохнуть. Закрыв глаза и на несколько минут провалился в забытие – то ли задремал, то ли погрузился в то состояние, когда действительность заменяется миром теней, призраков и страшных явлений...

Степан Федорович увидел пустынное место, похожее на замерзающее болото, а в нем незнакомый дом. Он был сделан из дерева. Но это дерево было таким старым, что казалось окаменевшим. Степан Федорович встал, дотронулся до стены. И вправду – камень. Холодный, покрытый зеленоватой слизью.

Вырвалось:

– Фу-у...

«Наверное, дом заброшенный, в нем никто не живет», – с нервным содроганием подумал Степан Федорович.

Из любопытства он открыл дверь дома и вошел внутрь. Ни в веранде, ни в прихожей никого не было. Пол под ногами качался, вот-вот провалится. Но при этом не слышалось ни звука. Вокруг мертвая тишина. Степан Федорович, стараясь ступать осторожно, прошел дальше. На пороге зала остановился: увидел, что за столом сидят какие-то существа в выцветших, полусгнивших одеждах. Похожие и в то же время непохожие на людей, эти существа молчали, опустив на глаза свои посиневшие веки.

Преодолевая страх, Степан Федорович присмотрелся и узнал своих односельчан – Немого, Пиявку, Скоробогатого и Горячего, которых в Рубеже прозвали так за их характеры, привычки, склонности. В пятидесятые годы они разрушили старое кладбище, которое мешало колхозному начальству строить центральную часть села по утвержденному в районе плану. А в нем на месте кладбища должен был стоять сельсовет. Его вскоре и построили, сравнив с помощью бульдозера кладбище с землей. После этого все четверо разрушителей кладбища, строивших потом сельсовет, умерли. Но вот они – Степан Федорович видел их.

– Вы живы? – удивился он.

При виде Степана Федоровича эти существа, похожие и непохожие на людей, потянулись к нему своими обтянутыми кожей руками, на которых выделялись толстые и совершенно черные жилы. При этом глаза покойных и вдруг оказавшихся живыми односельчан по-прежнему были закрыты застывшими веками. От ужаса и страха Степан Федорович откинулся назад и... очнулся.

Несколько минут он сидел в прострации, приходя в себя. Когда же пришел, то увидел яркий диск солнца. Оно слепило глаза, грело, тянуло к себе. Степан Федорович инстинктивно оглянулся – не идут ли за ним те, которых видел в забытии? – и пошел в дом. Не пошел, а не замечая этого, побежал как мальчишка, радуясь, что жив. Жив!..

«Господи...»

V

Ужинали вчетвером: Степан Федорович, Надежда Казимировна, Юля и Люба. На столе – горячая вареная картошка, поджарка, квашеная капуста, блины, свежее молоко.

– Интересно, – оторвав голову от тарелки, проговорила Люба, – что в городе едят?
– То же, что и в селе. – Надежда Казимировна добродушно улыбнулась. – Продукты везде одинаковые: крупа, масло, мясо...

– Нет, там все вкуснее, – не согласилась Люба. – Молодец, Лешка, что уехал из нашего Рубежа.

– А вот мне не совсем понятно, почему люди уезжают из дома, переезжают из места на место, – задумчиво обронила Юля.

– Рыба ищет, где глубже, а люди, где лучше, – ответила Надежда Казимировна. – Чему вас в школе учат?

– Всему учат, – обронила Люба. – И тому, что лучше там, где больше людей. Это я про город.

– Смотри, каких людей, – подал голос Степан Федорович, вспомнив свое видение – давно умерших односельчан. – Люди разные. Одни здоровые, а другие с червоточиной, болезнями. И с такими болезнями, что жить им, может быть, осталось всего ничего. Нельзя так говорить против ночи, но что есть, то есть.

Не подозревая, Степан Федорович повторял мысли и почти все слова своего батьки – деда Федора, который говорил об этом своему внуку Алексею. Мол, люди, как и деревья в лесу, неровные, у некоторых корень есть, а жизни нет.

– Что об этом судить-рядить?.. – Надежда Казимировна вздохнула. – У каждого в жизни своя дорога.

– Вот если бы знать, что будет впереди, – все так же задумчиво и совсем по-взрослому произнесла Люба.

– Зачем? – задала простой и в то же время философский вопрос Юля. – Если все знать, то жизнь неинтересна.

«Будет зелено, но не будет весело», – вспомнились слова пришедшей в Рубеж женщины Надежде Казимировне.

– Давайте ешьте, и спать, – прервала она семейный разговор. – Завтра рано вставать.

«Нет, не рано, – подумал Степан Федорович. – Лишь бы у всех было здоровье вставать. И чем раньше вставать, тем лучше...»

Ночью он рассказал о своем загадочном видении Надежде Казимировне. Она долго молчала, потом высказалась:

– Все это предупреждение нам, чтобы не жили так, как живем – только своими заботами. Личными, семейными. Ведь вокруг люди. Каждый со своим характером, своими проблемами. Возьми Илью Еремеева – день и ночь пьяный. А чего, в чем причина?.. Мы даже не интересуемся. Может, ему помощь нужна? А она действительно нужна. Но нам не до помощи своим односельчанам, свои бы дела управить, себя одеть, обуть, накормить... Отсюда все зло, неприязнь один к другому. Бог все это видит, посылает нам знаки. Но мы и их не хотим видеть, не понимаем.

– Не понимаем, – согласился Степан Федорович.

Помолчав, думая о своей жизни, Надежда Казимировна с печалью проронила:

– Вот поговорили и на этом все. Как жили, так и дальше жить будем.

– Не знаю... – Степан Федорович засопел, тяжело поворачиваясь на бок. – Но ты права, права.

– А что с того? – Надежда Казимировна уставилась в белеющий потолок. – Ленивые мы. Сердцем ленивые.

– Не знаю, – повторил Степан Федорович.

В эту ночь они уснули не скоро.

VI

Вместе с летом пришла в окрестности Рубежа мелиорация. Стасик решил посмотреть на это нелегкое дело. Сел в свой «Запорожец» и поехал в направлении леса. Через километра два Стасика остановил Илья Еремеев.

– Куда тебе? – неприязненно спросил ветеран.

– К мелиораторам, – коротко объяснил Илья. – Может, на работу к ним устраюсь.

Стасик к словам Еремеева отнесся недоверчиво.

– Там работать надо.

– Знаю.

– А если запьешь?

– Не запью.

– Рассказывай это своей жене.

– Сейчас я выйду, – разозлился Илья.

– Ладно, это я для профилактики. – Старческое лицо Стасика подобрело. – Вон уже и мелиораторы...

Работники районной передвижной механизированной колонны обедали. Техника стояла вразброс, в нескольких местах, которые всего на сантиметров десять-пятнадцать возвышались над болотом. Некоторые тракторы работали. Вхолостую. Моторы их были горячими. Возле них, прямо на гусеницах, лежали ужи и гадюки – грелись. Роями летали комары, оводы, мошки.

Еремеев сплюнул:

– Гадость.

– А ты думал тут курорт? – поддел Стасик. – Это болото, гиблое место. Помнишь, как после войны, в пятидесятые годы его осушали?

– Откуда? – буркнул Еремеев. – Я тогда еще под стол пешком ходил.

– А я помню... – Стасик бросил грустный взгляд в колыхавшуюся даль. – Молодым рассказать – не поверят...

С трудом тогда выпросили рубежцы в районе трактор, собрали несколько плугов, борон. Работали в основном женщины. Вырубали лозу, срезали купины, прокладывали каналы. Ветви кустов, высокую траву, обломки деревьев сжигали на месте. Бывало, трудились по ночам, при свете костров. Осушили несколько десятков гектаров. Люди радовались – появились новые поля, расширились пастбища и участки под косью. Правда, радость была недолгой. Под осень утонул трактор. Тракториста за это посадили. В знак протеста на следующий день никто из рубежцев на мелиоративные работы не вышел. Из района приехало начальство, собрало в клубе общее собрание и начало уговаривать возобновить мелиорацию. Больше всех старался прокурор, грозя непослушным всеми земными карами. Но старался он напрасно – рубежцы никаким уговорам не поддавались. На призывы отвечали скупой и грубо.

– Поработали и хватит!

– У нас дети дома малые.

– Мелиорируем земли для колхоза, а наши участки как были по пятнадцать соток, так такими и остались.

– И то, правда!

– Сами в болото лезьте. Попробуйте, что почем...

Вспоминая то собрание, Стасик протянул:

– Да-а...

– О чем это ты? – поинтересовался Илья.

– О том, что людей надо уважать, – раздраженно ответил ветеран. – Ты вот мне тыкаешь, а не думаешь, что я тебе в отцы гожусь.

– Ну, это я так. – Еремеев отвел взгляд. – Не бери в голову.

– Так, – передразнил Стасик. – Так ничего нет, за все надо платить. Я вот воевал, стрелял по живым людям, теперь вместо ноги костыль ношу... Ладно, пошли, поглядим...

Они направились на участок, от которого шла свежая канава к озеру. Мох на участке пожелтел, осока завяла, валериана и череда пригнулись, начали скручиваться. Было видно, что вода уходит, оставляя без влаги болотную растительность.

– Вон ондатра дохлая. – Илья показал на неподвижного зверька Илья. – Наверное, трактором задавило.

– Лес рубят – щепки летят, – обронил Стасик. – И без мелиорации нельзя, и с мелиорацией не радостно – гробим природу. А она ж живая, как и мы, люди, долго терпеть не будет. Нет, не будет...

– Да ну ее, эту мелиорацию! – Еремеев нервно плюнул. – Поехали, Станислав Никитович, в село.

– Поехали, – согласился Стасик, которого в селе редко называли по имени и отчеству. – Нечего здесь грязь месить...

Они направились к «Запорожцу», к колесам которого подступала желтовато-ржавая вода. Наверху ее белела пена. На ее пузырьках кривились лучики дневного светила.

Сев в машину. Стасик включил первую передачу и резко отпустил сцепление. «Запорожец», буксуя, рванулся вперед.

– Ты не спеши, – попросил Илья. – Не каждый день меня в автомобиле возят...

VII

Галя, приехав к родителям, смотрела телевизор. На экране шел знаменитый художественный многосерийный фильм «Семнадцать мгновений весны». Главный герой фильма советский разведчик Штирлиц – артист Вячеслав Тихонов – в форме фашистского штурбанфюрера сидел в уютном ресторанчике и пил кофе. На него бросала томные взгляды выпившая молодая женщина, которая мостилась возле барной стойки.

«А что, если и Алексей вот так, в каком-нибудь ресторане сидит, – подумала Галя, – а на него поглядывает кто-то из девушек или женщин?..»

Галя даже представила себе эту картину. И когда на телеэкране миловидная женщина развязно подошла к Штирлицу-Тихонову, Галя придвинулась к экрану, в надежде услышать, о чем пойдет разговор. Но так и не услышала: телевизионный звук заглушала старая швейная машинка «Зингер», за которой Ольга Андреевна шила мешочки для семян. Их она по весне возила продавать в далекие российские города.

– Мама, – не выдержала Галя, – отдохни хоть немного.

Ольга Андреевна, повернув дородное тело, недоуменно глянула на дочку, но шить перестала. Аккуратно сложив на столе готовые мешочки, она и сама уставилась в телевизор.

Советский разведчик на домогательства незнакомой и наглой женщины ответил холодным отказом.

«Правильно, – одобрила про себя Катя. – Лезут всякие...»

Когда серия закончилась, Ольга Андреевна завела неприятный для дочери разговор.

– Лешка твой где? – спросила она вначале.

– В Минске, – ответила Галя и тут же добавила: – Наверное.

– Наверное, – проворчала Ольга Андреевна. – Ты должна точно знать, где он, раз с ним встречаешься. Сейчас время такое: отвернулась – и все, пропало твое. Было и пропало. Так и Алексей. Может, он в Минске, а может и за Минском. Сегодня он в одном месте, а завтра укатил куда, и поминай, как звали. Так и любовь – сегодня есть, а завтра нет. А жизнь, она продолжается...

Галя покраснела, задышала чаще и глубже: мать задела ее за живое, прямо высказав то, о чем не раз думала и дочка.

– Что ж ты предлагаешь, – выдохнула Галя, – чтобы я Лешке вместо няньки была?.. Куда он, туда и я?..

– Зачем вместо няньки? – Ольга Андреевна язвительно усмехнулась. – Ты ему пока никем не должна быть. Он живет в Минске, пускай там и ищет себе жену. А ты работаешь в Долине, значит, быть тебе замужем в нашем районном городе. Оно лучше, чем в Минске, не переживай.

– Опять... – Галя насупилась. – Я сама разберусь с кем мне жить и как.

– Разберешься, – согласилась Ольга Андреевна. – Я тебя ни и к чему не принуждаю. У тебя своя голова на плечах. Но пока она на плечах, подумай, с кем тебе будет лучше, спокойнее. С кем?

– Я знаю с кем.

– С Лешкой?

– С ним.

– А я думаю, не с ним, – рассудительно и на удивление спокойно проговорила Ольга Андреевна.

– С кем же тогда?

– Сама знаешь.

Галя знала о чем, вернее о ком говорила мать, но сделала вид, что не знает.

– С Валерием, – с нажимом выговорила Ольга Андреевна. – Ты не горячись, а рассуди сама. Валерий из Долина. Уже закончил институт, работает. Да и один он у родителей. Значит, вся помощь их ему. А это и деньги, и, если надо, кооперативную квартиру помогут построить. Да что кооперативную, государственную выбьют для своего сына. Батько его немалый в Долине начальник – управляет районной «Сельхозтехникой». Подумай...

Галя молчала: ей не хотелось спорить с матерью, доказывать, что она не права, ссориться.

– Подумай, – между тем спокойно продолжала Ольга Андреевна. – Копейка к копейке – вот и рубль. Это я к тому, что поеду на семена, наторгую, даст Бог, денег – тебе на приданое будет. А Лешка что?.. Студент еще, хотя и работает. Получает, наверное, рублей 120—130. Не густо. Особенно для Минска, столицы.

– Ему хватает, – вставила Галя. – Тебе нарасказывала баба Фрося о Валере, его семье, а ты и повелась – выходи замуж за него. А я не хочу, не нравится он мне.

Ольга Андреевна словно не слышала дочь, продолжала:

– К примеру, женитесь вы с Алексеем. Куда пойдете?.. На чужую квартиру. А за нее каждый месяц 40—50 рублей заплати. Вот и считай... А Валерий в родительском доме живет. Большое это дело: платить не нужно, по столовым ходить нет нужды – родная мать все приготовит. А мать есть мать. Она для своей кровинушки последнее отдаст. Да и мы близко. Своя бульба, мясо, само собой, копейка. Тоже помогать будем. Думай, дочка, думай...

Галя сидела, сжавшись, точно ее отчитывали за какой-то нехороший проступок. Она понимала, что мать желает ей добра и в чем-то она права. Может, даже не в чем-то, а в основном: жить возле родителей всегда легче и спокойнее, а любовь что ж... Сегодня она действительно есть, а завтра может и не быть...

Чтобы не сеять больше в себе сомнения, из-за которых сделалось на душе сыро и как-то очень уж буднично, Галя стала собираться в клуб.

– Гляди, – предупредила Ольга Андреевна. – Я свое сказала. Думаю, что и батько твой тоже самое сказал бы. Он скоро придет. К Ивану Белому пошел. Завтра они вместе в лес едут.

Галя вздохнула: «Интересно, где сейчас Лешка?..»

Она нарядно оделась и вышла во двор.

Над селом всходила припухшая луна. Вокруг нее кружились в неизмеренной высоте дрожащие звезды, похожие на падающие снежинки.

«Быстрее бы зима», – подумалось Гале.

Зимой в Рубеже начинаются свадьбы...

*****

Уровень воды в Чакве неожиданно стал подниматься. Говорили, что на Украине в Карпатах прошли сильные дожди, и вода хлынула с гор вниз, затопила окрестные реки и озера. Теперь эта вода идет по реке Лесной в Чакву, Горынь, Припять. Такое уже было, поэтому люди верили. Лишь бабка Ева утверждала свое: «Поднимается море и идет на нас...»

Что за море, никто не понимал.

Глава десятая

I

Марина приехала с работы домой и устало присела в прихожей на банкетку.

– Натомилась? – сочувственно спросила Зинаида Григорьевна.

К дочери она относилась с материнской любовью, но старалась поменьше показывать свои чувства – чтобы не испортить Марину.

Дочка только кивнула в ответ.

– Я сейчас приготовлю что-нибудь, – засуетилась Зинаида Григорьевна. – А ты пока помой руки и съешь бутерброд.

– Не хочется, – отказалась Марина.

– Чего это? – На лице Зинаиды Григорьевны выразилась обеспокоенность. – Может, ты заболела?

– Просто не хочется, – спокойно объяснила Марина. – Я сегодня плотно пообедала в заводской столовой: суп вермишелевый, каша гречневая с подливкой, а на десерт – булка с компотом.

– Правду говоришь?

– Правду.

– А я уже подумала, – Зинаида Григорьевна мельком взглянула на живот дочери, – подумала, что ты беременна.

Марина грустно улыбнулась.

– Когда буду беременна, скажу. Руку и сердце мне пока еще никто не предлагал.

– Смотри, – предупредила Зинаида Григорьевна. – А главное, не обожгись. Только когда замуж выйдешь, тогда беременей, рожай. А до этого – ни в коем случае. Залетишь – отец убьет. И тебя, и меня. Сама знаешь, нервный он. Особенно в последнее время, когда с этим поляком связался.

– Думаю, что дело не в нервах и не в поляке, – проронила Марина.

– А в чем?

– Не любит он нас.

– Ты что ж такое говоришь? – возмутилась Зинаида Григорьевна. – Отец твой не курит, не пьет, все деньги в семью приносит.

– А где хранит он эти деньги? – вспыхнув, задала вопрос Марина.

– У себя.

– Вот именно: у себя.

– Так он же хозяин в доме, – не понимая, к чему ведет дочка разговор, сказала Зинаида Григорьевна. – У него и должны быть деньги, семейные сбережения.

– Крепостное право, мама, отменили на Руси в 1861 году, – напомнила Марина. – Мы все в своей квартире хозяева и поэтому каждому из нас полагаются деньги, какие-то ценности. Я вот полиэтиленовые пакеты, помнишь, продала, а мне за это отец ни копейки не дал.

– Но ты зарабатываешь на заводе.

Зинаида Григорьевна была озадачена словами дочери.

– Зарабатываю. – Марина выразительно посмотрела на мать. – Зарабатываю, только вот купить за свои деньги приличные вещи не могу.

– Ну, знаешь... – Зинаида Григорьевна занервничала. – Тогда тебе другую работу надо искать, где платят тысячи.

– Может, и буду искать. Нина, моя подруга, уже нашла.

– Нашла?

Марина поняла, что в горячке сказала лишнее.

– Почти нашла, – поправилась она.

– Договорись, – переводя дух, буркнула Зинаида Григорьевна и пошла на кухню. Оттуда добавила: – Хорошо, что отца нет – пошел в магазин. А то бы устроил разборки... Снимай туфли и переодевайся. Тебе просто отдохнуть надо...

Марина хотела так и сделать, но тут зазвонил телефон.

– Слушаю, – подняла она трубку.

– Привет, – раздался не совсем выразительный женский голос на другом конце провода. – Это Нина... Звоню из «Юбилейки». Приезжай, кое-что расскажу.

– Не хочется, – попробовала отказаться Марина. – Я только с работы пришла. С ног валюсь.

– Приезжай, а то обижусь, – требовательно проговорила Нина и положила трубку.

– Кто звонил? – поинтересовалась Зинаида Григорьевна.

– Нина.

– Легка на помине. Что ей надо?

– Просит приехать.

– И ты поедешь? – Зинаида Григорьевна вышла из кухни, жалостливо покачала головой. –

Не едь никуда, отдохни лучше.

– Не знаю даже, – пожала плечами Марина. – Сейчас решу...

Никуда ехать ей не хотелось, но и отказывать по-настоящему единственной подруге в ее просьбе было не в правилах Марины: а вдруг что случилось?..

Подумав, она все-таки поехала.

– Не задерживайся только, – предупредила ее мать, опять вспомнив своего мужа Павла Семеновича: – Хорошо, дочка, что твоего отца сейчас нет.

– Хорошо, – согласилась Марина, закрывая за собой дверь.

II

Под вечер в ресторане «Юбилейный» не осталось ни одного свободного столика. Большинство клиентов переместились сюда из гостиницы «Юбилейная», которой и принадлежал ресторан. Это были командировочные, туристы, любители спорта, которые заранее приехали на Олимпийские игры, чтобы до их начала полнее познакомиться с жизнью советских людей, памятниками культуры и архитектуры. Иностранцы были легко узнаваемы: на первый взгляд простая, но стильная и дорогая одежда, открытые, но в то же время настороженные лица, чужая речь.

– Пшэпрашэм.

– Мерси.

– Окей.

– О-о, шнапс?

– Но пасаран!

– Амур...

Несмотря на то, что приглушенный свет смазывал лица, а громкая музыка глушила голоса, Нина сразу же определяла того, кто пришел в ресторан покушать и выпить, а кому надо еще развлечься, продолжить вечер в номере гостиницы, на съемной квартире или у себя дома. Она знала, что сегодня у нее будет именно такой вечер, и с нетерпением ждала Марину, в надежде, что и она примет участие в веселье, которое, возможно, продолжится завтра, послезавтра, до бесконечности. Не бесплатно, конечно. Лишь бы у подруги было желание и хватило здоровья. Но Марины все не приходила.

«Где же она?..»

Нина занервничала. Когда она пила коктейль, рука ее дрогнула и долька лимона, которая держалась на стенке стакана, упала ей на полуоткрытую, внушительного размера грудь. Нина,

чувствуя неловкость, подняла глаза и увидела, что мужчины, сидящие за столиком напротив, смущенно поглядывают в разрез ее платья.

«Немолодые, а все туда же, – отметила она. – Хорошо, глядите...»

Она понимающе кивнула, мол, извините, так получилось, после чего взяла двумя пальцами дольку упавшего лимона, неторопливо и чувственно облизала мокрыми губами, потом с аппетитом, хорошо прожевав, съела.

Мужчина, который сидел слева, разлил в рюмки коньяк – себе и своему соседу. Его круглое, маслянистое лицо при этом напряглось и побагровело, точно он выполнял тяжелую работу.

– Можно вам налить? – обратился он к Нине. – Немножко.

– Я вообще не пью. – Нина деланно улыбнулась. – Но чуть-чуть можно. – Глядя, как рюмка наполняется золотистым коньяком, остановила мужчину: – Хватит. Мне приятно выпить за вас... Двоих...

– Нет-нет!.. – Мужчина замахал рукой. На его мизинце сверкнул золотой перстень с вкрапленным бриллиантом. – За нас, если будет желание, мы выпьем потом. А пока давайте поднимем рюмки за вас, женщин.

– Если за женщин, то у меня условие. – Нина поглядывала то на одного мужчину, то на другого. – Условие такое: сейчас придет моя подруга, и тогда мы все еще раз выпьем за женщин. А пока только за меня.

Мужчины многозначительно переглянулись.

– Нет проблем, – проговорил тот, что сидел справа. Он был моложе своего компаньона и красивее: широкий в плечах, со светлой шевелюрой и пышными усами под прямым, немного заостренным носом, верх которого был пересечен едва заметным шрамом.

Говорили мужчины с акцентом.

«Прибалты, – определила Нина. – Почти заграница...»

Когда выпили, она увидела Марину. В короткой облегающей юбке и кофточке без рукавов, подруга стояла в дверях ресторана и растерянно оглядывала шумный зал.

– Я сейчас, – поднялась Нина. – Одна минута...

Виляя толстыми бедрами, она быстрыми шагами направилась к Марине, как ребенка, взяла ее за руку и привела за свой столик.

У мужчин глаза заблестели. Они встали.

– Добрый вечер.

– Очень приятно...

Прибалтийские мужчины были немногословны, но смотрели довольно и уже как-то по-свойски, словно видели девушек не в первый раз.

– Марина, – представила свою подругу Нина и нарочито громко спросила ее: – Что будем заказывать?

Мужчины переглянулись и почти в один голос проговорили:

– Не беспокойтесь. Мы сделаем для вас заказ сами...

Они позвали официанта.

– Ты, смотрю, уже освоилась здесь, – прошептала Марина. – Я думала, случилось что, а у тебя веселье.

– Угадала, – без всякого смущения тихо проговорила Нина. – Работаю.

– На здоровье. Чего меня позвала?

– Нет у меня сегодня пары.

– Ну, ты и наглая.

Марина недовольно нахмурилась.

– Не дуйся. – Нина сжала под столом ее руку. – Так получилось... Посидишь, на людей поглядишь. Заодно поужинаешь.

– Все?

– Все.

– У меня нет слов.

– Тогда выйдем в вестибюль, поговорим... Вы извините, – обратилась Нина к мужчинам, внимательно читающим меню. – Мы сейчас...

В вестибюле, став у стенки, она согнала со своего лица показную беспечность и доверительно проговорила:

– У тебя слов нет, а у меня есть. Расскажу, не поверишь.

– Говори уж.

– Люська тоже здесь, в «Юбилейке», работает.

– А Люська-то чего? – удивленно спросила Марина. – У нее же все есть. Ты сама мне говорила.

– Мало, значит.

– Я так не думаю.

– Честно говоря, и я так не думаю.

– Тогда что?

– Все просто. – Нинадохнула крепким коньячным запахом в покрасневшее лицо подруги. – Люська наверняка хочет охмурить какого-нибудь иностранца, чтобы за него выйти замуж и укатить за кордон. Видишь их здесь сколько – выбирай любого. Кстати, ты заметила, как на тебя смотрел усатый дядечка?

– Мне иностранцы не нужны, – резко бросила Марина.

– А кто тебе нужен?.. – Нина начала злиться. – Наши?.. Ваня, Петя, Степан?.. А может, Алексей, Лешка?

– Да иди ты! – взорвалась Марина. – Я пошла домой, а ты иди, гуляй дальше.

– Не горячись, – попробовала успокоить подругу Нина. – Посидим немного и пойдешь. Никто неволить не будет.

– Нет. – Марина повернулась к выходу. – Жарко здесь и накурено. А я дым, ты знаешь, не переносу.

– Иди, – выдохнула Нина. – Теперь ты все увидела и поняла. И этих двух козлов, что делают нам заказ, тоже раскусила.

«Ты с ними будешь спать?» – хотела спросить Марина, но не спросила. Нина предвидела подобный вопрос подруги и с горечью проронила:

– Кажется, эту ночь я проведу с одним из них. А может, и с двумя.

– Сумашедшая!.. Хуже того – дура, – обозвала подругу Марина. – Подумай...

– Наверное, ты права, – не обиделась Нина и призналась: – Знаешь, когда я только решала идти сюда работать, то думала: захочу – уйду. А сейчас даже не знаю, уйду ли я вообще когда-нибудь отсюда: привыкла, появились постоянные клиенты, деньги... Нет, конечно, уйти придется – постарею, а таких как я хватает. Но пока буду работать здесь... А ты иди, раз не нравится. Как-нибудь встретимся, поговорим обо всем как раньше.

– Чего все-таки вызвала меня?

– Честно?

– Да.

– Захотелось увидеть тебя, почувствовать поддержку, что ли... – Нина виновато улыбнулась. – Два мужика напротив, неизвестно что у них в голове, а я одна... Да и выпившая... Извини...

Марине стало жалко Нину.

– Если что, звони. После работы я свободна, можем встретиться. Только не здесь.

– Договорились. Пока...

Нина направилась в зал ресторана, а Марина на выход. Вслед ей, словно напоминая о настоящих жизненных ценностях, запела магнитофонным голосом Анна Герман:

Один раз в год сады цветут,
Весну любви один раз ждут.
Всего один лишь только раз
Цветут сады в душе у нас.
Один лишь раз, один лишь раз...

Марина подумала об Алексее, к которому давно была равнодушна. Но об этом она никому и никогда не говорила. Даже Нине. Да и что ей было сказать, если чувства к Алексею то разрастались, то вдруг вяли, как цветы в осеннюю погоду...

Девушке стало грустно. Так грустно, что на глаза начали наворачиваться слезы. Чтобы не заплакать, она быстро зашагала по Парковой магистрали к Ленинскому проспекту, решив домой пока не идти, а погулять по ночному городу.

III

С самого утра заявила к Алексею в комнату Зоя Владимировна Чуйко.

– Тебя к телефону, – зевая, сообщила она. – Вроде бы секретарь парткома завода.

«Крюков», – догадался Алексей.

– Сейчас иду...

Поздоровавшись, Георгий Михайлович поинтересовался как дела и попросил зайти к нему.

– Я на месте, – подчеркнул он, давая понять, что разговор срочный.

Алексей выбрился, надел костюм и, не мешкая, направился в партком завода радио- и телевизионных футляров, который находился сразу же за новым общежитием объединения «Горизонт», которое сдали строители весной – четыре месяца назад.

– Молодец, что пришел так быстро, – похвалил Крюков и сразу же перешел к делу: – Разговор у меня к тебе будет.

Алексей все свое внимание обратил на секретаря парткома.

– Слушаю вас, Георгий Михайлович.

– Здоровье как? – поинтересовался Крюков.

Вопрос о здоровье несколько удивил Алексея, но виду он не подал.

– Не жалуюсь.

– Ну и хорошо. – Крюков постучал по столу костяшками пальцев. – Как говорится, тьфу-тьфу... Олимпийские игры на носу, надо быть здоровым. Собственно, я для этого тебя и пригласил. М-да...

Секретарь парткома замолчал и внимательно посмотрел в глаза Алексею.

«Что-то хочет поручить», – понял он и не ошибся.

– Так вот, – продолжил Крюков уже строже и официальнее. – Нам очень важно, чтобы это мероприятие, я имею в виду Олимпиаду, прошло гладко.

– Вы говорите так, как будто это зависит от меня, – заметил Алексей.

– А как же. – Секретарь парткома оживился. – От всех зависит. И от тебя, и от меня. От всех нас, советских людей, зависит. И это не просто слова, пойми... Никому, думаю, не секрет, что на Олимпийские игры съедутся не только любители спорта, наши друзья, а и недоброжелатели.

Алексей насторожился.

– Но это уже работа наших спецслужб... – Георгий Михайлович глянул на телефон. – Наше дело – быть начеку.

– Как?

– Просто: не допускать провокационных разговоров и действий. А если еще проще, то вести себя осторожно. Особенно с иностранными гражданами. Если придется с ними раз-

говаривать, то стараться говорить о чем-нибудь незначительном. О погоде, к примеру, или об архитектуре. Мне, Алексей, неудобно это объяснять, но я обязан тебя предупредить – лучше вообще не вступать ни в какие контакты с иностранцами. Их для тебя нет. Тем более, что тебе скоро вступать кандидатом в партию Мало ли что... И надо стараться следить за своими товарищами.

– В смысле – шпионить?

– Ну что ты... – Секретарь парткома широко улыбнулся. – В смысле отвлекать их от возможного общения с приезжими.

– Как же я буду отвлекать?.. Все люди взрослые, сами понимают.

– Понимают, – согласился Крюков, – но не все. Поэтому и в партию мы всех не принимаем. Обжечься, знаешь, можешь на чем угодно. И не подумай. Хочешь, расскажу один случай.

– Расскажите.

Алексей приготовился слушать.

– Только об этом никому потом не рассказывай.

– Хорошо.

Секретарь парткома, вспоминая, хмыкнул:

– Я чуть партбилет на стол не положил из-за этой истории, хотя начиналась она вполне пристойно и даже показательно, что ли... Короче говоря, в конце пятидесятых годов к нам на радиозавод поступил на работу американский эмигрант. Некто Ли Харви Освальд. Не абы кто, – подчеркнул Крюков, – а американский. Мы его приняли, скажу честно, без энтузиазма, все-таки чужой для нас человек, но старались вести с ним себя помягче. Помогали. Сразу же стали звать Лешей – от его имени Ли. Он был не против – отзывался на свое новое имя с охотой... Квартиру ему выделили рядом с «Горизонтом», по улице Коммунистической. Это центр города, Свислочь под окнами. Словом, неплохо устроили. По нашим меркам, конечно... Вскоре он женился на Марине Прусаковой, нашей землячке. Непосредственно курировать Лешу и его жену работники КГБ поручили мне. Я и курировал, пока мои подопечные в 1962 году не уехали в Америку. Как потом выяснилось, Ли Харви Освальду не понравилась наша действительность. Вернее, он не увидел у нас то, что хотел увидеть. А что конкретно он хотел увидеть, это только ему было известно. Да... Где-то через год, когда я уже и не вспоминал об этом американце, мне позвонил один знакомый из нашего Министерства иностранных дел и сообщил: «Твой Леша вчера убил Кеннеди». Американского президента, значит... Как сейчас помню, это было 23 ноября 1963 года – то есть звонил мой знакомый на следующий день после убийства. «Как это?» – не понял я. «А так», – ответил мой знакомый и положил трубку. Я сразу понял, что мне надо готовиться к большим неприятностям. И точно. Где то через неделю меня вызвали в партком объединения и предложили написать заявление о выходе из партии – ничего лучшего они придумать не могли. Хорошо, что разобрались во время, поняли, что я ни при чем, а так не разговаривал бы я сейчас с тобой: работал бы простым рабочим или хуже того – сидел бы. Да-а, бывает в жизни...

Георгий Михайлович потер начинающую лысеть голову, потом уставился в окно, задумался.

На стене, напротив рабочего стола секретаря парткома, надоедливо тикали часы. На них со своего портрета строго взирал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Он был запечатлен фотографом при полном параде – в военном мундире, с четырьмя звездами Героя Советского Союза, звездой Героя Социалистического труда, орденами и медалями.

– Я, наверное, пойду уже, – почувствовав себя скованно, напомнил о себе Алексей.

– Да... – Секретарь парткома поднялся. – Везде и во всем необходимо проявлять осторожность. Прежде всего, осторожность. Успехов...

IV

Чем меньше дней оставалось до начала в Москве Олимпийских игр, тем больше статей о предстоящей Олимпиаде появлялось в газетах и журналах, все чаще выступали по радио и телевидению спортсмены и чиновники от спорта. Тон статей и разговоров был вроде бы благожелательный, открытый, но между печатных строк и бодрых, воодушевленных речей чувствовалась тревога: как пройдут Олимпийские игры, не случится ли чего?

Эта тревога жила как в приверженцах советского строя, которых было абсолютное большинство, так и в недоброжелателях, которые относились к социализму в своей стране прохладно, а то и враждебно.

Тревога сидела и в Залесском. И не напрасно...

Проснулся он ночью от стука. Видимо, упала на пол кружка.

«Марина пришла», – понял Павел Семенович.

Он решил встать, проверить, что происходит на кухне, но поленился.

«Завтра разберусь...»

Больше всего ему хотелось опять уснуть, отрешиться от всего, а лучше – увидеть какой-нибудь хороший сон. Говорят, в снах иногда показывается будущее. Не только земное, но и то, что произойдет после смерти человека. Кто знает, быть может земная жизнь – это всего лишь продолжение вечной жизни...

Только сон начал окутывать Павла Семеновича, как тишину прорезал дребезжащий телефонный звонок. Залесский раздраженно разлепил смыкающиеся глаза, встал. Он не знал, кто звонит, но чувствовал – Анджей. И точно – из трубки прозвучал его голос:

– Я сейчас к тебе приеду.

И ничего больше. Ни «здравствуй», ни «как дела?», только короткие гудки.

Через какое-то время поляк позвонил в дверь.

– Кто это? – проснувшись, спросила жена.

– Лежи, – буркнул Павел Семенович. – Это Анджей. Я открою.

– А Марина дома? – забеспокоилась Зинаида Григорьевна.

– Дома, – успокоил ее Залесский. – В своей комнате...

Он накинул халат, обул тапочки и прошел в коридор. В нем было прохладно, из кухни тянуло сквозняком.

«Опять форточка не закрыта...»

В любую погоду Павел Семенович закрывал окна наглухо и требовал это делать от своих домочадцев. Когда же кто-то оставлял форточку открытой или, не дай Бог, окно, Залесский долго и нервно кричал, что его, хозяина семейства, хотят «голового пустить по миру», в смысле – ограбят. Эта боязнь к старости приобрела уродливые формы: Павел Семенович почти не пускал в квартиру не только гостей, но и свежий воздух.

Звонок в дверь повторился. Залесский, чувствуя необычное волнение, смешанное со страхом, щелкнул одним замком, потом открыл второй. На пороге вырос Мозолевский. Был он возбужден, точно выпил стакан водки: сразу прошел в коридор, быстро снял куртку и пошел мыть руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.